**ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам Девятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (28–29 апреля 2022 г.)

**МОСКВА
2023**

ISBN 978-5-6049527-1-9
УДК 8(045)
ББК 81
П78

Редколлегия:
к.ф.н. А. А. Ануфриев, к.ф.н. Е. В. Будённая
к.ф.н. В. В. Дьячков, Н. С. Здорова,
Д. Д. Мордашова, В. А. Орлов, к.ф.н. Е. В. Терешко

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Девятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, 2023. – 198 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на материалах докладов Девятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 28–29 апреля 2022 года в Институте языкознания РАН. Основные научные направления сборника: теория языка, типология, сравнительно-историческое языкознание, исследования по славянским и германским языкам и языкам стран Азии.

Сборник представляет интерес для специалистов в области лингвистики, для преподавателей высших учебных заведений и студентов.

ISBN 978-5-6049527-1-9

© Авторы, 2023
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ФОНЕТИКА……. 5

М. С. Белозерова, Н. В. Кузнецова

Зависимость длительности согласного от долготы и наличия последующего гласного в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии района Нижней Луги…… 5

Е. В. Терешко

Контексты употребления определенного артикля под ударением в нидерландском языке……. 27

2. МОРФОСИНТАКСИС…… 35

И. А. Аракелян

Особенности употребления форм конъюнктива аориста и презенса при выражении будущего времени в древнеармянском языке…….. 35

С. С. Камаданова

К вопросу о ролевой ориентированности санскритских перфективных причастий на *-(i)ta-*……... 46

V. A. Prigorkina

Order Iconicity Principle in temporal interpretation of Russian perfective participial and converbial clauses…… 60

И. А. Хомченкова

Универсальные кванторные слова в осетинском: СМР-квантификация (на материале перевода Нового Завета)……. 82

3. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА…… 97

Г. А. Андреева

Негативная оценка как причина длительной обработки отрицаний в речи……. 97

В. А. Рязанова

Семантический аспект словарного описания аббревиатур……... 107

А. А. Сахоненко

Тавтологии тождества в эксплицирующих контекстах как маркеры фоновых знаний……. 116

Д. Д. Шкаруба

Прагматическая аккомодация при восприятии конструкций с повторами…… 129

М. А. Шумилина

Модель референциального выбора в устном русском дискурсе, основанная на мультиномиальной логистической регрессии……... 142

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА……..…….. 159

А. Д. Васюков

Godać или *mówić*: языковые практики этнических силезцев в Польше…….. 159

Ю. И. Козиорова

Кетский язык: современный социолингвистический статус и причины, приведшие к нему (на материале полевых исследований)…….. 171

M. N. D. Ali

Awareness of Philippine English: the case of undergraduate students……... 181

A. Rahal

Tunisian university teachers' and students' use of code choice and code switching in higher education: designing and validating observation charts……. 192

1. ФОНЕТИКА

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-1

ЗАВИСИМОСТЬ ДЛИТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНОГО ОТ ДОЛГОТЫ И НАЛИЧИЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ГЛАСНОГО В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ИДИОМАХ ИНГЕРМАНЛАНДИИ РАЙОНА НИЖНЕЙ ЛУГИ

Маргарита Сергеевна Белозерова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (студент)

Наталья Викторовна Кузнецова
Институт лингвистических исследований РАН
(старший научный сотрудник)

Аннотация. Статья посвящена исследованию зависимости длительности согласного от долготы и наличия последующего гласного в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии ареала Нижней Луги: вариантах финского, ижорского и водского языков. В результате исследования, во-первых, подтвердилась наша гипотеза (б) о том, что в идиомах, находящихся на продвинутых стадиях отпадения V2, при отпадении этого гласного будет наблюдаться компенсаторное (обратно пропорциональное) продление предшествующих сегментов. При этом можно сказать, что южный нижнелужский ижорский идиом и смешанный сибирский ижорско-финский идиом находятся на промежуточной стадии редукции между финским языком, в котором отсутствует редукция конечного гласного, и эстонским языком, в котором представлено полное отпадение конечного гласного. В наших данных удлинялся C2, непосредственно примыкающий к редуцированному V2 (т.е. краткий согласный или второй согласный кластера), а в эстонском — либо долгий гласный/дифтонг первого слога, либо первый согласный кластера в позиции C2. При этом продление конечного согласного, а также предшествующего ему в некоторых структурах первого согласного кластера при отпадении последующего гласного сильнее всего выражено в сибирских данных PS, которые представляют наиболее сильную стадию редукции и отпадения V2. Во-вторых, увеличение длительности C1 перед долгим V1 (гипотеза (а)) оказалось статистически значимым только у водской информантки, а у остальных было отмечено только как незначимая тенденция. В этом смысле рассмотренные идиомы в целом ближе к более архаичной просодике финского, чем к более инновационной эстонской и сойкинской ижорской.

В зависимости от стадии редукции, в идиомах наблюдается тот или иной тип взаимодействия длительности и долготы / наличия сегментов в словах, при этом он может быть разным для первого и второго слогов. Зависимость длительности C1 от долготы V1, по-видимому, не связана при этом со стадией редукции V2, в отличие от зависимости длительности C2 от наличия V2.

Ключевые слова: ингерманландский финский, ижорский, водский, сибирский ингерманландский, редукция и отпадение гласных, компенсаторное продление согласных, антикомпенсаторное продление согласных.

CORRELATION BETWEEN CONSONANTAL DURATION AND LENGTH AND PRESENCE OF THE FOLLOWING VOWEL IN THE FINNIC VARIETIES OF INGRIA (LOWER LUGA AREA)

Margarita S. Belozerova
National Research University
Higher School of Economics (student)

Natalia V. Kuznetsova
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(senior researcher)

Abstract. The paper studies a correlation between the duration of a consonant and the length or presence of the following vowel in the Finnic varieties of Ingria of the Lower Luga region: dialects of the Finnish, Ingrian and Votic languages, as well as in a mixed Siberian Ingrian/Finnish variety which also originates from the same region.

Our first hypothesis (a) about a compensatory (inversely proportional) lengthening of preceding consonants which accompanies the final vowel loss was confirmed on the basis of the three idiolects with a high percentage of final vowel loss (two Southern Lower Luga Ingrian and one Siberian speaker). These idiolects can be considered to be at an intermediate stage of the final vowel reduction between the Finnish language, which has no reduction, and the Estonian language, where the short final vowel has been completely lost from the disyllabic words of the structures discussed in the paper (CVVCV and CVCxCyV).

In our data, C2 directly preceding the reduced V2 (i.e. the short intervocalic consonant in the CVVCV structure or the second consonant of an intervocalic cluster in a CVCxCyV structure) is lengthened if the final vowel is lost. In Estonian, either the long vowel of the first syllable (in the *CVVCV > CVV:C structure) or the first consonant in the cluster (in the *CVCxCyV > *CVCx:Cy structure) had been lengthened. On the other hand, C2 lengthening in our data is often phonetically manifested as a slight post-aspiration of this consonant rather than through a prolongation of its main articulation. Durations of C2 and C2x were the longest in the Siberian data, which represent the most advanced stage of the reduction and loss of V2 among the studied varieties.

Our second hypothesis (b) about an anticompensatory (directly proportional) lengthening of the word-initial consonant (C1) before a long vowel (V1), as compared to the position before the short V1, was also generally confirmed. However, a statistically significant increase in the duration of C1 before a long V1 was found only for the Votic speaker, while for the rest of speakers, it was observed only as a weak insignificant trend. The compared structures CVVCV and CVCxCy, however, differed not only in the length of V1, but also in the length of C2 (single consonant vs. cluster), so their comparison was not perfect to study this effect.

In general, the type of interaction between the duration of some segments and the length or presence of other segments in the studied Finnic varieties seems to depend, at least partially, on the stage of the final vowel reduction and loss. This type of interaction may also be different for the first and second syllable. The correlation between C1 duration and V1 length does not depend on the degree of V2 reduction, while the correlation between C2 duration and the presence of V2 apparently does.

Keywords: Finnic varieties of Ingria, Ingrian Finnish, Ingrian, Votic, Siberian Ingrian/Finnish, vowel reduction and loss, compensatory lengthening of consonants, anticompensatory lengthening of consonants.

1. Введение

Работа посвящена исследованию ряда фонетических процессов и взаимозависимостей, связанных с количественными контрастами и их изменением в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии района нижнего течения р. Луга. Рассматриваются варианты водского и ижорского языков, ингерманландские финские диалекты, а также смешанный ижорско-финский сибирский ингерманландский идиом. Исследуемые идиомы являются близкородственными. Они издавна находились в тесном контакте и влияли друг на друга. На основе прибалтийско-финских идиомов ареала Нижней Луги сформировался языковой союз [Муслимов 2005]. В настоящее время все они находятся на грани исчезновения [Kuznetsova, Markus, Muslimov 2015: 127–164]. Идиомы происходят из Ленинградской области, во многом совпадающей с бывшей шведской провинцией Ингерманландией. Район р. Луга располагается в Западной Ингерманландии. Носители сибирского идиома проживают в Западной Сибири, но исходно он происходит из того же ареала Нижней Луги, что и остальные. Ижоро- и финноязычные предки современных носителей были выселены в Омскую область в 1803–1804 гг. в результате восстания против барона фон Унгерн-Штернберга, и смешанный идиом сформировался уже в Сибири [Nirvi 1972; Сидоркевич 2013].

Неначальные гласные во всех прибалтийско-финских идиомах ареала Нижней Луги подвержены редукции и представляют разные ее стадии [Kuznetsova 2016]. Завершенный этап такой редукции представлен в смежном с ними эстонском языке. В данной работе рассматривается частный случай такой редукции, когда конечный гласный двусложных слов в определенных позициях сокращается и отпадает, и слова становятся односложными.

Исследование выполнено при помощи анализа длительности гласных и согласных в аудиоматериалах с опросами носителей ингерманландских идиомов по анкетам (см. раздел 4). На основе полученных данных проверяются компенсаторная гипотеза (а) и антикомпенсаторная гипотеза (б) о зависимости длительности согласного от долготы и наличия последующего гласного, сформулированные ниже на основе экспериментальных данных по литературным эстонскому и финскому языкам, а также по финским диалектам Ингерманландии.

В эстонском языке отпадение конечного гласного сопровождалось компенсаторным увеличением длительности сегментов первого слога, и в настоящее время все односложные слова здесь имеют т.н. третью степень долготы [Hint 1977; Viitso 2003]. На основе данного процесса для ряда диалектов вышеуказанных идиомов исследуется гипотеза (а):

а) при укорочении и отпадении конечного гласного в прибалтийско-финских идиомах с сильной редукцией ожидается компенсаторное удлинение тех или иных предшествующих ему элементов.

В литературном финском языке и финских диалектах, где такой сильной редукции и отпадения неначальных гласных не представлено, в свою очередь, наблюдается зависимость другого типа. Как в начальном, так и в неначальных слогах согласный имеет бóльшую длительность перед долгим гласным, чем перед кратким [Lehtonen 1970; Suomi 2009; Suomi et al. 2013; Kuznetsova 2013].

На основе данного наблюдения для указанных идиомов исследуется также гипотеза (б):

б) согласный перед долгим гласным будет иметь бóльшую длительность, чем перед кратким.

2. Обзор предшествующих исследований по теме работы

2.1 Общие сведения о количестве в прибалтийско-финских языках

Вопрос о взаимодействии длительности и долготы сегментов в прибалтийско-финских языках неоднократно исследовался на материале литературных финского и эстонского языков. В прибалтийско-финских языках система количественных контрастов и чередований устроена сложным образом. Такие системы достаточно редки в языках мира.

Количественные системы в финском и эстонском языках при этом различаются: в финском представлена более архаичная система, в эстонском — более инновационная. В финском языке гласные и согласные разделяются на долгие и краткие. В эстонском языке представлена более сложная система устройства количественных контрастов, о свойствах которой продолжаются споры. Согласно одной из ранних просодических концепций И. Лехисте [Lehiste 1965: 447–450], эстонскому языку присуща тройная система долгот для гласных и согласных: выделяют краткие, долгие и сверхдолгие. В настоящий момент все же обычно считается, что тернарный контраст охватывает уровень всей стопы, а не отдельных сегментов [Eek 1990; Viitso 2003; Lippus et al. 2013].

Далее мы рассмотрим тенденции зависимости длительности согласного от долготы последующего гласного в финском и эстонском языке на материалах ряда опубликованных исследований. Нас интересуют зависимости в первом и втором слогах, а также (в эстонском языке) исторический компенсаторный процесс продления элементов первого слога при отпадении гласного второго слога в двусложных словах. В работе использованы следующие обозначения:

1) *просодические позиции в слове*: C1 — согласный первого слога, непосредственно предшествующий гласному, V1 — гласный или дифтонг первого слога, C2 — согласный или кластер согласных между гласными первого и второго слогов, V2 — гласный второго слога;

2) *типы гласных и согласных в фонетической транскрипции типов структур*: C — краткий согласный, CC — долгий согласный, CC: — сверхдолгий согласный в эстонском языке, CxCy — кластер согласных; R — сонорный согласный, R: — продленный сонорный (в эстонском языке); RxRy — кластер сонорных; RT — кластер сонорного и шумного; T — шумный согласный, TxTy — кластер шумных; V — краткий гласный, VV — долгий гласный, VV: — сверхдолгий гласный в эстонском языке; VxVy — дифтонг.

2.2. Литературный финский язык, ингерманландские диалекты финского языка, сойкинский диалект ижорского языка

Экспериментальные данные по словам различной структуры в литературном финском языке показывают, что C1 обычно фонетически длиннее перед долгим V1, чем перед кратким [Lehtonen 1970: 82–142; Suomi et al. 2013: 5].

В Таблице 1 для примера приведены данные статистического исследования Я. Лехтонена для некоторых пар структур, различающихся кратким vs. долгим V1 в первом слоге. Цифровые данные в таблице описывают отрицательную разницу в длительности C1 и V1 (выделены жирным в таблице) между первым членом пары (с кратким гласным) и вторым (с долгим). Данные по V1 отображают контраст фонологической долготы (V – VV), а данные по C1 описывают исключительно фонетический эффект продления согласного перед долгим гласным.

Таблица 1

Статистические данные по зависимости длительности C1 (в мс) от долготы V1 в литературном финском языке по [Lehtonen, 1970: 116–117]

Сравниваемые структуры	Разница в длительности C1 и V1 между сравниваемыми структурами (в мс)		Статистическая значимость разницы длительности	
	C1	V1	C1	V1
CVCV/**CVV**CV	-4	-80	n.s.	****
CVCVV/**CVV**CVV	-1	-101	n.s.	****
CVCCV/**CVV**CCV	-10	-66	n.s.	****
CVCCVV/**CVV**CCVV	-9	-78	*	****

Расшифровка релевантных для Таблиц 1 и 3 показателей статистической значимости у Лехтонена (t-test): n.s. (незначимо) — *p > 0.05; ***** (слабозначимо) — 0.02 < p < 0.05; ******** (очень значимо) — p < 0.005.*

В статье [Suomi et al. 2013: 5] слова литературного финского языка находятся в серединной позиции в предложении и имеют разные степени фразового ударения: безударную, ударную и контрастно акцентированную. В Таблице 2 для примера приводятся данные по структурам CVCCV и CVVCV в безударной фразовой позиции (источник обозначен как [S2013]). Длительность C1 здесь на 9 мс больше перед долгим V1, чем перед кратким, что сопоставимо с данными Лехтонена в Таблице 1.

В целом можно сказать, что четкой тенденции к значительному увеличению длительности C1 перед долгим V1 в литературном финском языке не наблюдается, однако отмечена слабая тенденция в этом направлении.

Таблица 2

Средние длительности C1 и V1 (в мс) в безударной фразовой позиции в литературном финском языке по [Suomi et al. 2013: 5]

Структура	C1	V1
CVVCV	88	131
CVCCV	79	67

Зависимость длительности C1 от долготы V1 на материале сойкинского диалекта ижорского языка рассмотрена в [Kuznetsova, 2021: 141]. Наблюдался т.н. антикомпенсаторный эффект: C1 было на 9 мс длиннее перед долгими гласными, чем перед краткими, и это удлинение оказалось статистически значимым (p<0.001).

Рассмотрим теперь литературные финские данные по зависимости между длительностью C2 и долготой V2. Попарное сопоставление структур из работы Лехтонена [Lehtonen 1970: 82–142], показывает, что C2 существенно длиннее перед долгим V2, чем перед кратким (см. Таблицу 3). Цифровые данные в таблице описывают отрицательную разницу в длительности C2 и V2 (выделены жирным в таблице) между первым членом пары (с кратким V2) и вторым (с долгим V2). Данные по V2 отображают контраст фонологической долготы (V – VV), а данные по C2 описывают вышеуказанный фонетический эффект продления согласного.

Таблица 3

Статистические данные по зависимости длительности C2 (в мс) от долготы V2 в литературном финском языке по [Lehtonen 1970: 120]

Сравниваемые структуры	Разница в длительности C2 и V2 в сравниваемых структурах (в мс)		Статистическая значимость разницы длительности	
	C2	V2	C2	V2
CVV**CV**/ CVV**CVV**	-20	-87	****	****
CVC**CV**/ CVC**CVV**	-38	-86	****	****
CV**CxCyV**/ CV**CxCyVV**	-40 (C2x: -15, C2y: -27)	-86	**** (C2x — *, C2y — ****)	****

Расшифровку обозначений статистической значимости Лехтонена см. в примечаниях к Таблице 1

Имеются также некоторые данные по ингерманландским финским говорам окрестностей Гатчины (бывшие лютеранские приходы Кобрино, Скворицы и Тюрё) [Kuznetsova 2013: 207]. В Таблице 4 по этим материалам рассмотрена зависимость длительности C2 от долготы V2 (по C1 в данной работе нет данных). Сравниваются длительности C2 и V2 (выделены жирным) в структурах CVVRV / CVVRVV, CVRxRyV / CVRxRyVV, CVCxCyV /CVCxCyVV (кластер CxCy содержал как шумные, так и сонорные), CVxVyRV / CVxVyRVV. Указаны средние длительности C2 и V2, и под каждой парой приведен прирост длительности во втором её члене (в %). Данные по V2 отображают контраст фонологической долготы (V – VV), а данные по C2 описывают сопутствующий фонетический эффект.

Как видно из Таблицы 4, во всех случаях C2 становится фонетически длиннее перед долгим V2, по сравнению с позицией перед кратким гласным. Долгий гласный V2 длиннее краткого на 38–56%. Длительность C2 перед долгим гласным увеличивается на 11–16%, по сравнению с позицией перед кратким V2. Таким образом, в ингерманландском финском наблюдается прямо пропорциональная зависимость длительности C2 от долготы V2, как и в литературном финском языке.

Таблица 4

Зависимость длительности C2 (в мс) от долготы V2 в ингерманландских диалектах финского языка района Гатчины по [Kuznetsova 2013: 207]

Структура	C2	V2	Структура	C2	V2
CVxVy**RV**	64	86	CVV**RV**	62	91
CVxVy**RVV**	72	123	CVV**RVV**	72	126
прирост длительности (в %)	+13%	+43%	прирост длительности (в %)	+16%	+38%
CV**CxCyV**	73 (Cx) 78 (Cy)	83	CV**RRV**	125	92
CV**CxCyVV**	75 (Cx) 90 (Cy)	130	CV**RRVV**	139	135
прирост длительности (в %)	+3% (Cx) +16% (Cy)	+56%	прирост длительности (в %)	+11%	+46%

2.3 Литературный эстонский язык

Литературный эстонский язык — самый инновационный идиом в отношении развития словесной просодии из рассматриваемых. Эстонские данные приводятся на материале работ [Eek 1975: 38–44; Eek, Meister 2003: 905; Suomi et al. 2013: 5]. В отличие от финского, зависимость длительности согласного от долготы и наличия последующего гласного здесь частично фонологизована. Как уже говорилось ранее, в эстонском языке представлена тройная система фонологических долгот в стопе. Степени долготы стопы обозначаются следующим образом: Q1 — краткая, Q2 — долгая, Q3 — сверхдолгая.

В статье [Suomi et al. 2013], помимо финских примеров, рассматриваются также эстонские слова в позициях с разными степенями фразового ударения. В Таблице 5 представлены данные по средней длительности C1 и V1 (выделены жирным) в словах, находящихся в безударной фразовой позиции. Видно, что в структурах с долгим гласным первого слога длительность C1 больше (последние две структуры), чем в структурах с кратким гласным в первом слоге (первые две структуры).

Таблица 5

Средняя длительность C1 и V1 (в мс) в литературном эстонском языке по [Suomi et al. 2013: 5]

Структура	Долгота стопы	C1	V1
CVCC:V	Q3	56	73
CVCCV	Q2	64	76
CVVCV	Q2	75	147
CVV:CV	Q3	74	170

В работе [Eek, Meister 2003] есть разделение по темпу речи: быстрый, средний и медленный. В Таблице 6 для примера приводятся средние длительности C1 и V1 (выделены жирным) в словах, произнесенных в среднем темпе. Представлены структуры CVVCV, CVV:CV, CVCCV, CVCC:V. Данные Таблицы 6 показывают систематическое и более существенное, чем в данных по финскому и ижорскому языкам, увеличение длительности C1 перед долгим V1 (первые две структуры), по сравнению с позицией перед кратким гласным первого слога (последние две структуры). Отметим также, что C1 длиннее перед долгим гласным в Q3 (вторая структура), чем перед долгим гласным в Q2 (первая структура).

Таблица 6

Средняя длительность C1 и V1 (в мс) в литературном эстонском языке по [Eek, Meister 2003: 905]

Структура	Долгота стопы	C1	V1
CVVCV	Q2	92	172
CVV:CV	Q3	100	238
CVCCV	Q2	75	85
CVCC:V	Q3	76	89

В работе [Eek 1975] приведены длительности сегментов в двусложных (структуры CVCxCyV и CVVCV) и односложных словах (структуры CVCxCy и CVVC), см. Таблицы 7 и 8.

Согласно данным, приведенным в Таблице 7, не наблюдается четкой зависимости длительности C1 от долготы V1, а именно увеличения длительности C1 в структуре с долгим гласным в первом слоге (последние две структуры), по сравнению со структурой с кратким V1 (первые две структуры). Кроме того, не отмечено увеличения длительности C1 перед гласным в Q3 (последняя структура), по сравнению с гласным в Q2 (предпоследняя структура).

Таблица 7

Средние длительности сегментов (в мс) в двусложных словах в литературном эстонском языке [Eek 1975: 43–44]

Структура	Долгота стопы	C1	V1	C2x	C2y	V2
CVRTV	Q2	144	110	66	62	93
CVR:TV	Q3	135	111	97	45	78
Структура	Долгота стопы	C1	V1		C2	V2
CVVTV	Q2	141	200		58	103
CVV:TV	Q3	129	233		49	63

Во втором слоге в эстонском языке нет контраста долгих и кратких V2. При этом в словах с исторически кратким V2 произошла его редукция и отпадение. Параллельно в таких словах развилось продление тех или иных предшествующих сегментов, в зависимости от структуры, и они перешли в третью степень долготы (Q3). В частности, в структуре *CVCxCyV произошло продление Cx (**parta* > *`pard* [pa**r**:d̥] ‘борода’), а в структуре *CVVCV — продление V1 (**laati* > *`laad* [l**a**:ˑd̥] ‘склад, лад’. В Таблице 8 жирным шрифтом выделено продление этих сегментов в современных односложных словах указанной структуры, приводимое по данным работы [Eek 1975].

Таблица 8

Длительности сегментов в односложных словах (Q3) в эстонском языке (в мс) [Eek 1975: 38]

Структура	C1	V1	C2x	C2y
CV**R:**T	190	108	**162**	77
C**VV:**C	140	**304**		77

3. Цели и задачи настоящей работы

Цель настоящего исследования — изучить зависимость длительности согласного от долготы и наличия последующего гласного в двусложных словах в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии, находящихся на разных этапах редукции гласного V2, и проверить сформулированные в разделе 1 компенсаторную гипотезу (а) и антикомпенсаторную гипотезу (б). Ожидается, что в этих просодически инновационных, по сравнению с литературным финским языком, идиомах, где представлены редукция V2 и тенденция к его отпадению [Kuznetsova 2016], длительность согласного будет зависеть от долготы и наличия последующего гласного скорее похожим на эстонский язык образом. Зависимость длительности C2 от долготы / наличия V2 ожидается скорее обратно пропорциональной (компенсаторной), как в эстонском, а не прямо пропорциональной, как в финском. Отметим, что на данном материале мы можем изучить влияние только наличия / отсутствия, но не долготы V2 на длительность C2, поскольку в выборке не представлено структур с долгим V2.

Длительность C1, в свою очередь, согласно ожиданию на основе финских, эстонских и сойкинских ижорских данных, будет иметь тенденцию к прямо пропорциональной (антикомпенсаторной) зависимости от долготы V1, которая может быть и незначимой.

4. Данные и методы исследования

В работе рассмотрены следующие прибалтийско-финские идиомы ареала Нижней Луги в Западной Ингерманландии: курголовский ингерманландский финский диалект, западный водский диалект, центральный и южный варианты нижнелужского ижорского диалекта, а также сибирский смешанный ижорско-финский ингерманландский идиом, происходящий из того же ареала. Полевой фонетический материал был собран Н. В. Кузнецовой в период с 2014 по 2016 годы. Данные были записаны от шести носителей прибалтийско-финских идиомов. В Таблице 9 представлены социолингвистические данные об информантах [Kuznetsova, Verkhodanova, 2019: 204–209].

Таблица 9

Социолингвистические сведения об информантах из [Kuznetsova, Verkhodanova 2019: 205]

<table>
<tr><th>Код информанта</th><th>MO</th><th>PK</th><th>PF</th><th>ND</th><th>AU</th><th>PS</th></tr>
<tr><td>Язык</td><td>финский</td><td>водский</td><td colspan="3">ижорский</td><td>ижорский/ финский (смешанный)</td></tr>
<tr><td>Диалект</td><td>юго-западный</td><td>западный</td><td colspan="3">нижнелужский</td><td rowspan="2">сибирский вариант: южный нижнелужский / россонский ингерманландский финский</td></tr>
<tr><td>Поддиалект</td><td>курголовский ингерманландский финский</td><td>лужицкий</td><td>центральный</td><td colspan="2">южный</td></tr>
<tr><td>Пол</td><td>Ж</td><td>Ж</td><td>Ж</td><td>М</td><td>Ж</td><td>Ж</td></tr>
<tr><td>Год рождения</td><td>1933</td><td>1928</td><td>1927</td><td>1924</td><td>1932</td><td>1950</td></tr>
<tr><td>Место рождения</td><td>Гакково</td><td>Пески</td><td>Ропша</td><td>Ванакюля</td><td>Дальняя Поляна</td><td>Рыжково (Омская область)</td></tr>
<tr><td>Место записи</td><td>Волково</td><td>Пески</td><td>Ропша</td><td>Ванакюля</td><td>Дальняя Поляна/ Нарва</td><td>Таллин</td></tr>
</table>

Информанты опрашивались по практически одинаковым анкетам (распределение проанализированных словоформ по информантам см. в Приложении). Им предлагалось перевести предложения с необходимой формой слова с русского на прибалтийско-финский идиом. Опрашиваемые должны были повторить каждое предложение четыре раза. Носителей изучаемых идиомов очень мало, поэтому было опрошено не очень много информантов. Материал записывался на цифровой портативный диктофон *Zoom H4n*.

Для проверки гипотез мы измерили и проанализировали длительности всех сегментов двусложных слов, находящихся в изолированной или в конечной фразовой позиции. В исследовании также рассматривались слова в начальной фразовой позиции, которые не вошли в данную работу.

Рассматривались длительности сегментов двусложных слов (всего 2055 произнесений). Были исследованы следующие структуры:

а) (C)VVCV;

б) (C)VCxCyV.

Кроме того, встретились отдельные примеры структур CxCyVVCV и CVVCxCyV, не влияющие на общий результат исследования.

Материал был размечен вручную в программе Praat [Boersma, Weenink 2013] М. Б. Белозеровой совместно с М. С. Свистуновым. При помощи скрипта Praat (авторы — Верходанова В. О., Федотов М. Л.) данные были извлечены и перенесены в таблицу Excel. С помощью скрипта на языке Python (version 3.9; автор М. С. Свистунов) была создана общая таблица по данным информантов, после чего М. Б. Белозерова и М. С. Свистунов

осуществили проверку и сортировку данных. Предварительная визуализация данных и исследование методами линейной регрессии со смешанными эффектами были выполнены М. Б. Белозеровой под руководством Н. В. Кузнецовой в программе R [R Core Team 2020] с помощью пакетов *lme4* [Bates et al. 2015] и *emmeans* [Length 2020]. Регрессионные модели включали в себя в качестве эффектов с фиксированными уровнями факторов (fixed effects) долготу V1, либо фактор наличия/отсутствия V2 (для тех идиомов, где представлено его частое отпадение), рассмотренные в интеракции с информантами. Эффекты со случайными уровнями факторов (random effects) включали в себя свободный коэффициент (random intercept) по словоформам [Baayen, Davidson, Bates 2008]. Длительности, приводимые ниже, являются значениями, смоделированными по методу наименьших квадратов.

5. Результаты

5.1 Степень редукции в исследуемых идиомах

В статье [Kuznetsova, Verkhodanova 2019: 204, 210] представлен список исследуемых и в данной работе идиолектов, расположенных в порядке увеличения в них степени редукции V2:

а) MO (ингерманландский финский);

б) PK (водский) и PF (центральный н.-л. ижорский);

в) AU и ND (южный н.-л. ижорский);

г) PS (сибирский ижорско-финский).

Несколько укрупняя группы, идиомы типов (а) и (б), т.е. MO, PK и PF, можно считать находящимися на первом этапе редукции V2, идиомы (в) AU и ND — на втором, идиом (г) PS — на третьем. Эти группы соответствуют проценту случаев полного отпадения V2. Так, в наших данных больше всего случаев отпадения конечного гласного было представлено в сибирском ижорско-финском идиолекте PS (186 отпадений). Следующий по количеству выпадений идиом — южный нижнелужский ижорский, который рассматривался на материале двух информантов: AU (94 отпадения) и ND (96 отпадений). В курголовском ингерманландском финском, водском и центральном нижнелужском ижорском идиомах отпадений было очень мало: соответственно, 12 у MO, 8 у PK, 7 у PF.

Как показано на Рисунке 1, различается также и средняя длительность сохранившихся гласных в конечной фразовой позиции. В этом отношении информанты делятся на две еще более крупные группы по степени редукции. В рассматриваемой здесь конечной фразовой позиции длительность сохранившегося V2 составляла в среднем 90–100 мс у PK, MO, PF и около 75 мс у ND, AU, PS (см. тж. [Kuznetsova, Verkhodanova 2019: 210]).

В разделах 5.2 и 5.3 ниже представлены результаты тестирования гипотезы (а) о компенсаторном продлении C2 и C2x, соответственно, при отпадении V2 у информантов, относящихся к этой второй группе редукции (AU, ND, PS). В разделе 5.4 тестируется гипотеза (б) о прямо пропорциональном (антикомпенсаторном) продлении C1 перед долгим V1, по сравнению с позицией перед кратким гласным на материале всех шести информантов.

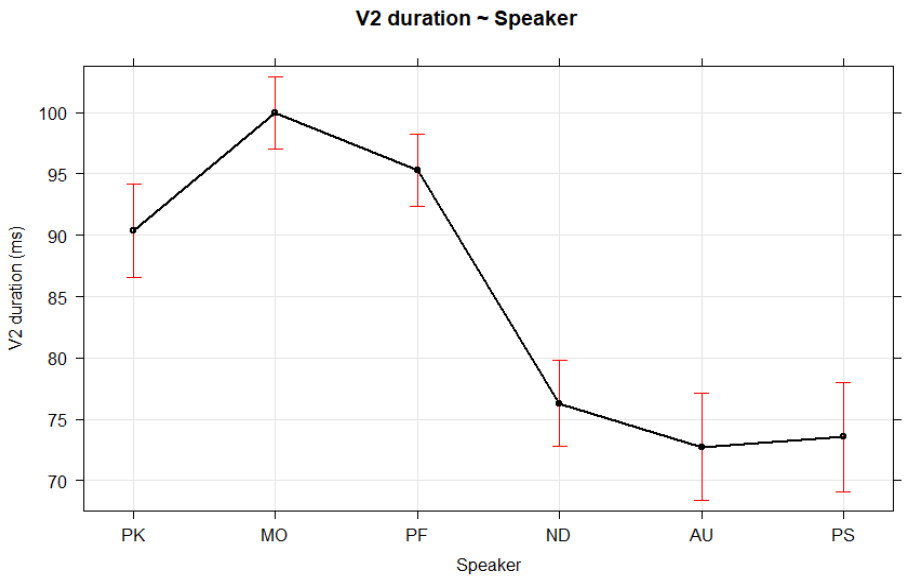


Рисунок 1. Степень количественной редукции V2 в исследуемых идиомах (приводится смоделированная длительность V2 в мс)
Регрессионная модель: V2 duration ~ Speaker + (1 | Word); данные = all (2055)

В приводимых ниже таблицах со статистическими данными, на рисунках (включая Рис. 1) и при описании регрессионных моделей используются следующие условные наименования переменных:

1) C1 duration — длительность согласного первого слога (в мс);
2) C2 duration — длительность согласного второго слога (в мс);
3) V1type — долгота гласного первого слога:
   “long” (долгий) vs. “short” (краткий);
4) V2 presence (или v2pres) — наличие / отсутствие конечного гласного:
   “0” (Нет) — отсутствие V2 vs. “V” (Да) — наличие V2;
5) Speaker — информант;
6) Word — словоформа;
7) all — выборка данных по всем информантам (2055 произнесений);
8) AUNDPS — выборка, включающая только данные по информантам с более сильной редукцией AU, ND и PS (918 произнесений);
9) SE — стандартная ошибка;
10) df — степени свободы;
11) *t* — статистический показатель *t* (значимо примерно от |t|>2);
12) *p* — статистический показатель *p* (статистически значимо от p<0.05).

5.2 Зависимость длительности C2 от отпадения V2 у AU, ND и PS (гипотеза (а))

В данном разделе мы рассматриваем зависимость длительности C2 (одиночного согласного в начале второго слога в структуре (C)VVCV или второго согласного интервокального кластера на границе первого и второго слогов в структуре (C)VCxCyV) от сохранения vs. отпадения конечного гласного V2, как например, в *liiva* > *liiv* ‘песок’, *lintu* > *lint* ‘птица’. Информанты PK, MO и PF здесь не учитывались по причине крайне незначительного числа отпадений конечных гласных в этих идиолектах. Рис. 2 показывает, что у AU, ND и PS смоделированная длительность C2 значительно больше перед отпавшим в речи гласным, чем перед произнесенным, т.е. мы наблюдаем обратно пропорциональную зависимость между длительностью C2 и наличием V2.

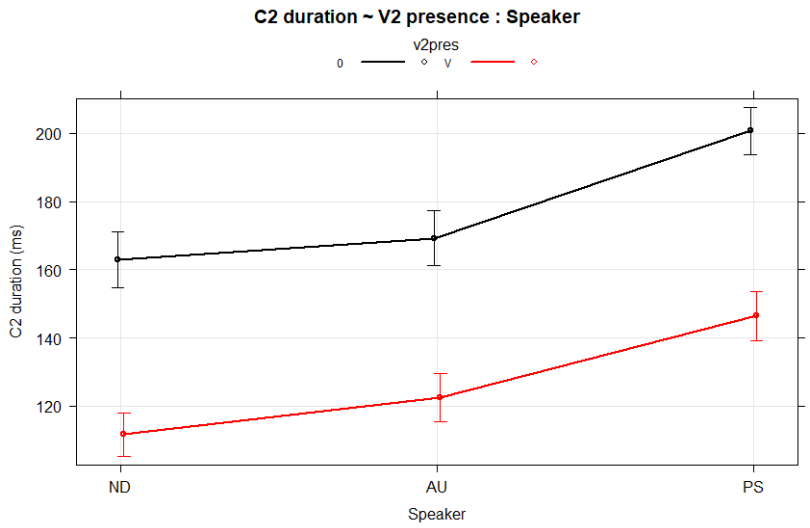


Рисунок 2. Зависимость среднеквадратичной длительности C2 (в мс) от наличия / отсутствия V2 у AU, ND и PS

Регрессионная модель: C2 duration ~ V2 presence (*v2pres*) * Speaker + (1 | Word), данные = AUNDPS (918)

Кроме того, с помощью пакета *emmeans* в R, по этой же регрессионной модели (см. Рис. 2) мы оценили статистическую значимость увеличения длительности C2 перед отпавшим гласным V2, по сравнению с позицией перед сохранившимся V2. Выяснилось, что это изменение является очень значимым ($p<0.0001$) у всех трех информантов (см. Таблицу 10).

Таблица 10

Статистическая значимость увеличения смоделированной по модели на Рис. 2 длительности C2 (в мс) при отпадении V2 у ND, AU и PS

Информант	Увеличение длительности C2 перед отпавшим гласным (в мс)	SE	df	*t*	*p*
ND	+51	3.85	867	13.3	<0.0001
AU	+47	3.98	849	11.7	<0.0001
PS	+54	3.48	863	15.6	<0.0001

Используя ту же модель, мы также сравнили разницу между длительностями C2 при наличии vs. отсутствии V2 попарно у ND, AU и PS (см. Таблицу 11). Из Таблицы 11 видно, что длительность C2 у сибирской информантки PS намного длиннее (на 24-38 мс), чем у AU и ND, причем как в случае отпадения, так и в случае сохранения V2. Между ижорскими информантами AU и ND статистической разницы в этом отношении не обнаружилось.

Таблица 11

Статистическая значимость разницы между смоделированными по модели на Рис. 2 длительностями C2 (в мс) в попарных сравнениях ND, AU и PS как при наличии, так и при отсутствии V2

Наличие V2	Пара информантов	Разница в длительности C2 (в мс)	SE	df	*t*	*p*
Нет (0)	ND – AU	-6	4.34	840	-1.4	0.1540
Нет (0)	ND – PS	-38	3.96	858	-9.5	<0.0001
Нет (0)	AU – PS	-32	3.92	862	-8.1	<0.0001
Да (V)	ND – AU	-11	2.99	844	-3.6	0.0003
Да (V)	ND – PS	-35	3.23	871	-10.8	<0.0001
Да (V)	AU – PS	-24	3.43	846	-7.0	<0.0001

5.3. Зависимость длительности C2x от отпадения V2 у AU, ND и PS (гипотеза (а))

Мы проверили также, изменяется ли длительность первого согласного кластера (C2x) при отпадении V2 у тех же трех информантов AU, ND, PS, как, например, в *li**n**tu* > *li**n**t* ‘птица’. На Рисунке 3 видно, что длительность C2x практически не изменяется при отпадении конечного гласного.

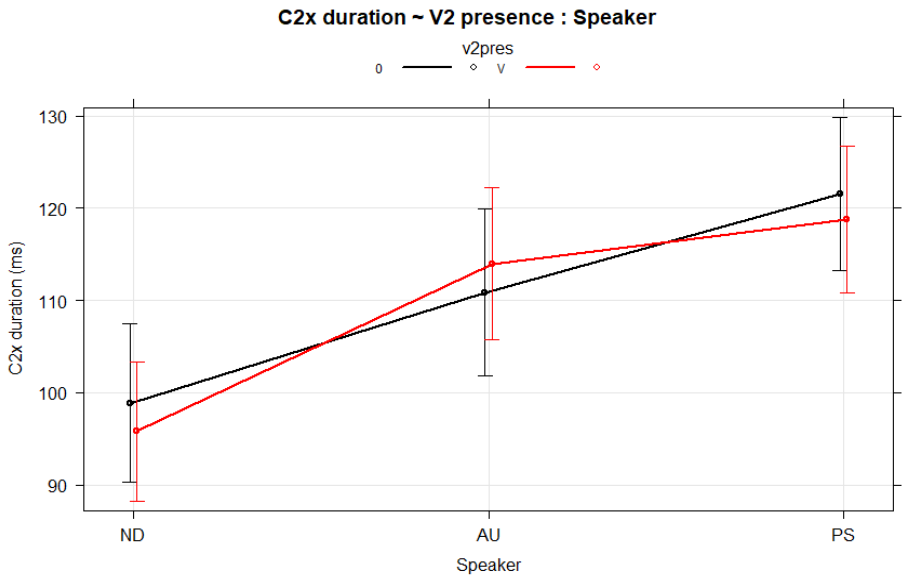


Рисунок 3. Зависимость смоделированной длительности C2x (в мс) от наличия / отсутствия V2 у AU, ND и PS

Регрессионная модель: C2x duration ~ V2 presence (*v2pres*) * Speaker + (1 | Word); данные = AUNDPS (918)

C2x чуть длиннее перед отпавшим гласным у PS и у ND, а у AU, наоборот, немного короче, но все эти различия крайне малы (около 3 мс) и статистически не значимы. При этом разница между смоделированными длительностями C2x для всех пар сравниваемых информантов является статистически значимой (см. Таблицу 12). При этом видно, что длительность C2x как при наличии, так и при отсутствии V2 у PS больше, чем у всех остальных информантов.

Таким образом, оказывается, что у сибирской информантки PS, находящейся на наиболее продвинутом этапе редукции, как первый согласный кластера, так и второй

оказываются длиннее как при отпадении V2, так и при его сохранении, чем у южных нижнелужских информантов.

Таблица 12

Статистическая значимость разницы между смоделированными по модели на Рис. 3 длительностями C2x (в мс) в попарных сравнениях ND, AU и PS как при наличии, так и при отсутствии V2

Наличие V2	Пара информантов	Разница в длительности C2x	SE	df	*t*	*p*
Нет (0)	ND – AU	-12.01	4.16	361	-2.9	0.0042
Нет (0)	ND – PS	-22.71	3.91	370	-5.8	<0.0001
Нет (0)	AU – PS	-10.70	4.19	369	-2.6	0.0111
Да (V)	ND – AU	-18.16	3.28	370	-5.5	<0.0001
Да (V)	ND – PS	-22.97	3.27	381	-7.0	<0.0001
Да (V)	AU – PS	-4.81	3.48	368	-1.4	0.1671

5.4 Зависимость длительности C1 от долготы V1 по всем информантам (гипотеза (б))

Наконец, мы проверили, как длительность C1 зависит от долготы V1 у всех информантов, например, в парах *h**a**nko* ‘вилы’ vs. *h**aa**ra* ‘ветвь’ (см. Рис. 4).

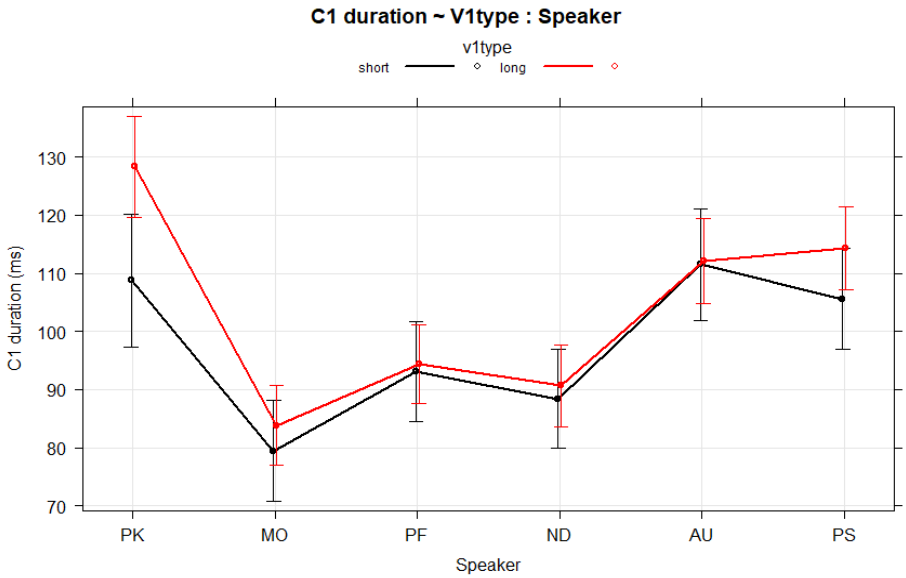


Рисунок 4. Зависимость смоделированной длительности C1 (в мс) от долготы V1 у всех информантов

Регрессионная модель: C1 duration ~ V1 type * Speaker + (1 | Word); данные = all

Статистически значимый эффект продления C1 на 20 мс перед долгим гласным, по сравнению с позицией перед кратким, обнаружился только у водской информантки PK. У остальных информантов, включая PS, длительность C1 практически не изменяется перед долгим vs. кратким V1 (см. Таблицу 13).

При этом следует все же отметить, что пара типа (C)VVCV – (C)VCxCyV, представленная в нашем эксперименте, не являются максимально показательной для

оценки данного эффекта, потому что слова в ней структурно различаются не только долготой V1, но и наличием кластера vs. одиночного краткого согласного в позиции C2.

Таблица 13

Статистическая значимость увеличения смоделированной по модели на Рис. 4 длительности C1 (в мс) перед долгим V1 у всех информантов

Информант	Увеличение длительности C1 перед долгим гласным	SE	df	*t*	*p*
PK	+20	7.31	539	-2.7	0.0077
MO	+4	5.57	264	-0.8	0.4353
PF	+1	5.50	253	-0.2	0.8113
ND	+2	5.58	276	-0.4	0.6919
AU	+1	6.05	397	-0.1	0.9221
PS	+9	5.69	280	-1.5	0.1272

6. Обсуждение результатов и выводы

Как говорилось в разделе 5.1, исследуемые идиомы подразделяются на две большие группы на основе средней длительности редуцирующегося конечного гласного. В группу с более слабой редукцией входят курголовский ингерманландский финский (MO), западный водский (PK) и центральный нижнелужский ижорский (PF) идиомы. В группу с сильной редукцией входят южный нижнелужский ижорский идиом (AU, ND) и сибирский вариант ингерманландского финского (PS). Кроме этого, идиомы подразделяются на три этапа редукции конечного краткого гласного на основе процента полного отпадения конечного гласного: PK, MO, PF — первый этап, AU, ND — второй этап, PS — третий этап. В данной работе использованы данные от одного-двух носителей на каждый идиом, что осложняет генерализацию результатов на идиомы в целом. Однако в предшествующих дескриптивных работах, описывающих степени редукции гласных в идиомах Западной Ингерманландии [Сидоркевич 2013; Kuznetsova 2016], был использован материал от многих носителей, поэтому основные наблюдаемые различия нельзя считать особенностями только конкретных идиолектов.

Гипотеза (а) о компенсаторном продлении предшествующих элементов при укорочении и отпадении гласного второго слога в прибалтийско-финских идиомах с сильной редукцией подтвердилась на языковом материале второй группы информантов из наиболее крупного, двучленного деления: носителей южного нижнелужского ижорского идиома (AU, ND) и смешанного сибирского ингерманландского ижорско-финского идиома (PS).

Однако обнаруженная нами зависимость отличается от эстонских данных по односложным словам, которые являются финальным этапом описанной редукции конечного гласного (см. Таблицу 5). В эстонском языке краткий согласный C2, примыкающий к гласному V2, не удлинился при отпадении этого гласного. В словах исходной структуры *(C)VVCV и *(C)VCxCyV, соответствующих исследуемым в нашей работе структурам, в настоящее время продленным является долгий гласный первого слова и первый согласный кластера, соответственно: **paati* > *paad* [p**a**:˙d̥] ‘лодка’, **lintu* > *lind* [li**n**:d̥] ‘птица’. В наших же данных по идиомам Ингерманландии продлевается согласный C2, непосредственно предшествующий отпавшему гласному V2 (либо интервокальный краткий согласный, либо второй согласный кластера): *lii**v**a* > *lii**v*** ‘песок’, *lin**t**u* > *lin**t*** ‘птица’.

Можно сказать, что в данных трех идиомах представлен переходный этап процесса между полностью сохранным V2, как в финском, и полностью отпавшим, как в эстонском.

В данных идиомах, при этом, при отпадении V2 становится длиннее примыкающий к нему C2. В эстонском языке, где представлен уже следующий этап редукции, компенсаторное удлинение сегментов, возможно, переместилось с краткого C2 на один из предшествующих ему элементов, в зависимости от структуры слова (см. [Kuznetsova 2013]).

Отметим также, что длительность согласного C2, а также предшествующего ему в структуре (C)VCxCyV первого согласного кластера C2x, как при сохранении, так и при отпадении последующего гласного оказалась наибольшей в сибирских данных PS. Эти данные представляют наиболее сильную стадию редукции и отпадения V2 и третий этап редукции по трехчленному делению на группы. Поскольку PS была единственной сибирской информанткой в нашей выборке, невозможно с точностью установить, является ли факт продления C2x характерной особенностью сибирского ингерманландского идиома в целом или же данного конкретного идиолекта. Следует все же отметить, что с точки зрения степени редукции неначальных гласных в целом идиом PS типичен для тенденций оглушения и отпадения гласных, описанных для сибирского ингерманландского идиома в работе [Сидоркевич 2013] на обширном языковом материале.

Следует все же заметить, что в наших данных конечные гласные часто (в южном нижнелужском ижорском) или почти всегда (в сибирском) редуцируются в произношении до едва заметного придыхания в конце слова. Из-за отпадения гласного длительность примыкающего к нему согласного значительно увеличивается. Однако в действительности это удлинение часто реализуется как наличие постаспирации C2, а не через продление удержания основной артикуляции согласного. Фонологическое описание рефлекса таких отпадающих гласных для сибирского идиома через аспирацию согласного представлено в работах [Сидоркевич 2013; Kuznetsova 2016]

Такая постаспирация имеет тенденцию к быстрому последующему исчезновению [Kuznetsova, Verkhodanova, 2019], но процесс отпадения конечных гласных все же приводит к частичной перестройке системы, аналогично тому, как это произошло и в эстонском языке.

С одной стороны, похожий процесс отпадения конечных гласных в эстонском языке привел к появлению в ряде случаев на конце слова оппозиции слабых (кратких полузвонких) и сильных (полудолгих глухих) согласных в случае смычных и *s*. Например, в парадигме слова *maa* ‘земля’ противопоставлены бывшая односложная форма ***maad*** [ma:˙**d̥**] (<**maat*) в номинативе мн.ч. и бывшая двусложная форма ***maat*** [ma:**t**˙] (<**maata*) в партитиве ед.ч.

Для упомянутых форм слова ‘земля’ в южных нижнелужских ижорских говорах зафиксированы формы ***maad*** [ma:**d**] vs. ***maat(ə)*** [ma:**t** ~ ma:**t**^{h} ~ ma:**t**^{ə} ~ ma:**tə**]. В нижнелужском диалекте, как и в других прибалтийско-финских идиомах Нижней Луги (см., например, описание западноводской фонологии в [Маркус, Рожанский 2017]), вместо единой оппозиции слабых и сильных согласных, характерной для эстонского языка, для смычных и *s* представлены две отдельные оппозиции: по долготе и по звонкости / глухости [Кузнецова 2009]. Процесс отпадения конечных гласных приводит к тому, что на конце слова появляется противопоставление кратких звонких и кратких глухих смычных и *s*. У глухих интегральным признаком выступает также факультативная аспирация (и, по-видимому, большая длительность, чем у звонких). При исчезновении аспирации противопоставление по звонкости / глухости на конце слова здесь все равно сохраняется.

С другой стороны, что касается других типов согласных, то здесь исчезновение постаспирации и слияние исходных конечных кратких и кратких, оказавшихся на конце слова после утраты конечного гласного представляется наиболее вероятным сценарием, как это произошло и в эстонском языке. В синхронии при этом пары типа *vī**n*** (~ *vēn* ~ *vien*, в зависимости от идиома) ‘уносить’ (1л. ед.ч. непрошедшее вр.) и *vī**n**^{h}* (<**vīna*) ‘водка’, по-

видимому, пока еще могут быть противопоставлены наличием аспирации и, возможно, большей длительностью конечного согласного во втором слове (в эстонском данные два слова являются омонимами: *viin*).

Тот факт, что для финского языка характерна прямо пропорциональная зависимость длительности C2 от долготы V2, а для южного нижнелужского и сибирского ингерманландского — обратно пропорциональная, как в эстонском, по-видимому, является одним из показателей бóльшей просодической инновационности последних.

Наша гипотеза (б) о прямо пропорциональной (антикомпенсаторной) зависимости длительности C1 от долготы и длительности V1 тоже в целом подтвердилась.

При этом оказалось, что только в водском идиоме (PK) длительность C1 более или менее отчетливо прямо пропорционально зависит от долготы V1. У остальных информантов статистически значимой разницы не обнаружилось, хотя C1 все же был всегда чуть длиннее перед долгим гласным, чем перед кратким. В целом наши результаты совпадают с теми, которые были зафиксированы в исследованиях по другим родственным языкам.

В заключение можно сказать, что в зависимости от стадии редукции, в идиомах наблюдается тот или иной тип взаимодействия длительности и долготы сегментов в словах, при этом он может быть разным для первого и второго слогов. Оказывается, что зависимость длительности C1 от долготы V1, по-видимому, не связана со стадией редукции V2, в отличие от зависимости длительности C2 от наличия V2.

Приложение.

Исследуемые слова и количество произношений (в словах с долгими *ee* и *oo* представлено варьирование долгих гласных с дифтонгами *ie, uo*, в зависимости от информанта)

Слово	PK	MO	PF	ND	AU	PS	Слово	PK	MO	PF	ND	AU	PS
aapa	6	0	0	0	0	0	neula	0	0	0	0	0	4
aara	11	0	0	0	0	0	neegla /niegla	0	0	0	0	4	0
airo	0	0	0	1	0	0	niini	0	0	0	5	0	0
alko	6	0	0	0	0	0	noori	5	0	0	0	0	0
anki	6	0	0	0	0	0	noora / nuora	0	5	5	6	3	4
anko	7	0	0	0	0	0	noori / nuori	0	3	7	4	3	4
čeeli	4	0	0	0	0	0	ohki	7	0	0	0	0	0
formu	0	4	4	4	2	0	oksa	0	4	4	4	3	4
haapa	0	7	6	4	3	5	olki	0	7	4	4	2	4
haara	0	10	7	5	3	3	paarma	0	0	0	1	0	5
haava	0	0	0	1	0	0	paksu	0	4	5	5	3	4
haiso	0	0	5	0	0	0	panki	4	7	4	1	3	4
haisu	4	4	0	3	7	4	pedro	0	0	0	1	0	0
halko	0	4	4	5	4	4	peeni / pieni	4	0	0	0	0	0
hanko	0	5	5	5	4	0	pehko	4	6	7	5	3	4
hanku	0	0	0	0	0	5	pieni	0	4	6	4	4	4
hauki	0	5	5	6	3	0	pilvi	0	0	0	5	0	0
hieno	0	4	7	4	4	4	poika	6	5	5	4	3	5
hiili	0	7	7	4	3	4	polvi	0	0	0	2	0	0

hiiri	0	5	6	4	2	4	poski	0	6	5	4	3	2
hiiva	0	5	7	4	3	3	pudro	0	0	4	0	0	0
hirmu	0	0	0	0	0	4	pudru	0	7	4	4	4	4
hirvi	0	6	5	4	3	0	pooti /puoti	0	6	4	5	3	4
ilma	0	3	2	4	3	4	püühi	0	0	0	0	0	5
irvi	2	0	0	0	0	0	razva	0	0	0	1	0	0
jalka	10	3	5	4	3	4	riihi	0	9	5	1	3	0
jauho	0	0	0	4	7	4	risti	0	6	5	4	5	4
jouhi	0	0	0	0	0	4	riuku	5	4	8	4	4	4
joulu	0	4	4	5	3	4	rooko /ruoko	0	0	0	4	0	0
julma	0	0	0	2	0	0	ruupo	15	0	0	0	0	0
kaiho	11	0	0	0	0	0	ruuto	14	0	0	0	0	0
kaivo	0	6	5	5	3	4	saani	0	0	6	3	3	0
kanto	11	0	0	0	0	0	sarvi	0	0	0	1	0	4
karhu	0	14	10	0	0	4	sauna	4	5	5	4	3	4
kehno	0	4	4	4	3	4	škoulu	0	0	4	4	3	4
keeli /kieli	0	5	9	4	3	4	seeni /sieni	0	0	0	0	0	4
kiini	0	0	0	0	0	9	siini	5	0	0	0	0	0
klaasa	0	0	6	0	3	0	siipi	7	7	9	4	5	4
koira	0	4	4	6	3	4	solmu	0	4	11	4	6	8
koivu	0	4	7	4	3	4	sormi	0	5	4	4	3	4
korpu	0	0	0	5	0	0	stooli	5	0	0	0	0	0
koulu	0	7	0	0	0	0	stooli /stuoli	0	9	5	4	3	4
kraapi	5	6	4	0	4	5	soola /suola	0	5	5	4	3	4
kumpa	4	3	5	4	3	4	soomi /suomi	0	4	5	4	4	4
kuorma	0	4	0	1	0	0	sooni/ suoni	0	7	0	3	0	0
kurki	0	0	0	0	0	4	surma	4	4	6	6	3	4
kutsu	0	0	0	1	0	4	suuri	4	5	4	4	3	4
laastu	0	0	0	4	0	0	talvi	6	5	6	4	2	4
ladva	0	0	0	1	0	0	tauti	0	0	0	1	0	0
laiha	10	4	10	3	3	0	tormi	4	6	7	4	3	4
lapsi	0	4	5	4	3	4	toohi /tuohi	0	6	6	4	3	4
lastu	0	6	7	0	2	4	turha	0	0	0	0	0	4
laulu	0	5	8	4	3	4	urpo	6	0	9	3	7	0
liiva	4	5	4	4	3	4	uusi	6	11	4	4	3	4
lintu	0	5	7	4	3	4	vaiha	0	5	4	0	4	5
loota / luota	10	0	0	0	0	0	vatsa	0	4	0	4	0	4
looti / luoti	0	0	0	1	0	0	velka	0	5	5	4	3	4

lusti	4	6	5	5	3	4	veero /viero	0	5	0	0	0	0
luuta	0	5	5	4	3	5	veeru/ /vieru	0	0	6	7	3	4
maama	7	0	5	4	3	0	vihta	0	4	6	4	2	4
maito	0	5	9	0	3	0	viina	0	5	5	4	3	4
maitu	0	0	0	4	0	4	viiru	0	5	9	1	3	4
muila	5	6	6	4	0	0	vimpa	0	0	0	2	0	0
musta	0	2	4	4	2	4	vooro /vuoro	0	0	0	1	0	0
naagla	0	0	7	4	3	0	võlka	4	0	0	0	0	0
nahka	3	6	0	4	3	4	õhsa	5	0	0	0	0	0
naula	0	6	0	0	0	4	õlki	5	0	0	0	0	0
silmu	0	5	5	4	3	0	õnki	5	0	0	0	0	0

Литература

Кузнецова Н. В. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 2009.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е изд. испр. и доп. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.

Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманладии (нижнее течение реки Луги). Дис. … канд. филол. наук. Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 2005.

Сидоркевич Д. В. Язык ингерманландских переселенцев XIX в. в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления). Дис. … канд. филол. наук. Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 2013.

Baayen R. H., Davidson D. J., Bates D. M. Mixed-effects modeling with crossed random effects for subjects and items // Journal of Memory and Language. 2008. Vol. 59. № 4. P. 390–412.

Bates D. et al. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. Vol. 67. № 1. P. 1–48.

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.1.29, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.praat.org (дата обращения 19.05.2022).

Eek A. Observations on the duration of some word structures: II // Estonian papers in phonetics (EPP) 1975 / ed. A. Eek. Tallinn: Academy of sciences of the Estonian SSR; Institute of language and literature, 1975. P. 7–55.

Eek A. Units of temporal organisation and word accents in Estonian // Linguistica Uralica. 1990. Vol. 26. № 4. P. 251–263.

Eek A., Meister E. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt (I). Häälikukestusi muutvad kontekstid ja välde // Keel ja Kirjandus. 2003. Kd. 11; 12. Lk. 815–837; 904–918.

Hint M. Ühesilbiliste sõnade vältest // Keel ja kirjandus. 1977. Kd. 20. № 4, 5. Lk. 219–229, 271–277.

Kuznetsova N. Finnic foot nucleus lengthening: from phonetics to phonology // Nordic prosody: Proceedings of the XIth Conference, Tartu 2012 / ed. E. L. Asu-Garcia, P. Lippus. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2013. P. 205–214.

Kuznetsova N. Evolution of the non-initial vocalic length contrast across the Finnic varieties of Ingria and adjacent areas // Linguistica Uralica. 2016. Vol. 52. № 1. P. 1–25.

Kuznetsova N. Dynamics of phonetic and phonological quantity in Ingrian and other Finnic languages of Ingria. PhD thesis. Università degli studi di Torino; Università degli studi di

Genova, Torino, 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://iris.unige.it/handle/11567/1046358 (дата обращения 03.11.2022)

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union: Comparative studies on equality and diversity Multilingual Education. / ed. H. F. Marten et al. Berlin: Springer, 2015. P. 127–167.

Kuznetsova N., Verkhodanova V. Phonetic realisation and phonemic categorisation of the final reduced corner vowels in the Finnic languages of Ingria // Phonetica. 2019. Vol. 76. № 2–3. P. 201–233.

Lehtonen J. Aspects of quantity in standard Finnish. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 1970. 199 p.

Lehiste I. The function of quantity in Finnish and Estonian // Language. 1965. Vol. 41. № 3. P. 447–456.

Length R. Emmeans: estimated marginal means, aka least-squares means, 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/rvlenth/emmeans (дата обращения 19.05.2022).

Lippus P. et al. Quantity-related variation of duration, pitch and vowel quality in spontaneous Estonian // Journal of Phonetics. 2013. Vol. 41. № 1. P. 17–28.

Nirvi, R. E. Siperian inkeriläisten murteesta ja alkuperästä // Kotiseutu. 1972. Vol. 2/3. P. 92–95.

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. Version 4.0.3. Vienna: R foundation for statistical computing, 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.r-project.org/src/base/R-4/ (дата обращения 19.05.2022).

Suomi K. Durational elasticity for accentual purposes in Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2009. Vol. 37. № 4. P. 397–416.

Suomi K. et al. Durational patterns in Northern Estonian and Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2013. Vol. 41. № 1. P. 1–16.

Viitso T.-R. I. Structure of the Estonian language: Phonology, morphology and word formation // Estonian language Linguistica Uralica: Supplementary series. / ed. M. Erelt. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 2003. P. 9–92.

References

Baayen R. H., Davidson D. J., Bates D. M. Mixed-effects modeling with crossed random effects for subjects and items // Journal of Memory and Language. 2008. Vol. 59. № 4. P. 390–412.

Bates D. et al. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. Vol. 67. № 1. P. 1–48.

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.1.29, 2013. [Electronic resource]. URL: https://www.praat.org (last accessed 19.05.2022).

Eek A. Observations on the duration of some word structures: II // Estonian papers in phonetics (EPP) 1975 / ed. A. Eek. Tallinn: Academy of sciences of the Estonian SSR; Institute of language and literature, 1975. P. 7–55.

Eek A. Units of temporal organisation and word accents in Estonian // Linguistica Uralica. 1990. Vol. 26. № 4. P. 251–263.

Eek A., Meister E. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt (I). Häälikukestusi muutvad kontekstid ja välde [Phonetic experiments and discussion from the field of quantity (I). Sound duration changing contexts and the degree of quantity] // Keel ja Kirjandus [Language and literature]. 2003. Vol. 11; 12. P. 815–837; 904–918.

Hint M. Ühesilbiliste sõnade vältest [On the quantity of monosyllabic words] // Keel ja kirjandus [Language and literature]. 1977. Vol. 20. № 4, 5. P. 219–229, 271–277.

Kuznecova N. V. Fonologičeskije sistemy ižorskih dialektov [Phonological systems of Ingrian dialects]. Candidate thesis. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 2009.

Kuznetsova N. Finnic foot nucleus lengthening: from phonetics to phonology // Nordic prosody: Proceedings of the XIth Conference, Tartu 2012 / ed. E. L. Asu-Garcia, P. Lippus. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2013. P. 205–214.

Kuznetsova N. Evolution of the non-initial vocalic length contrast across the Finnic varieties of Ingria and adjacent areas // Linguistica Uralica. 2016. Vol. 52. № 1. P. 1–25.

Kuznetsova N. Dynamics of phonetic and phonological quantity in Ingrian and other Finnic languages of Ingria. PhD thesis. Università degli studi di Torino; Università degli studi di Genova, Torino, 2021. [Electronic resource]. URL: https://iris.unige.it/handle/11567/1046358 (last accessed 03.11.2022)

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union: Comparative studies on equality and diversity Multilingual Education. / ed. H. F. Marten et al. Berlin: Springer, 2015. P. 127–167.

Kuznetsova N., Verkhodanova V. Phonetic realisation and phonemic categorisation of the final reduced corner vowels in the Finnic languages of Ingria // Phonetica. 2019. Vol. 76. № 2–3. P. 201–233.

Lehtonen J. Aspects of quantity in standard Finnish. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 1970. 199 p.

Lehiste I. The function of quantity in Finnish and Estonian // Language. 1965. Vol. 41. № 3. P. 447–456.

Length R. Emmeans: estimated marginal means, aka least-squares means, 2020. [Electronic resource]. URL: https://github.com/rvlenth/emmeans (last accessed 19.05.2022).

Lippus P. et al. Quantity-related variation of duration, pitch and vowel quality in spontaneous Estonian // Journal of Phonetics. 2013. Vol. 41. № 1. P. 17–28.

Markus E., Rozhanskiy, F. 2017. Sovremennyj vodskij jazyk. Teksty i grammatičeskij očerk [Contemporary Votic language. Texts and grammar sketch]. 2nd ed. (corrected). Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija.

Muslimov M. Yazykovye kontakty v Zapadnoj Ingermanladii (nizhnee techenie reki Lugi). [Language contacts in West Ingria (a lower course of the Luga river)]. Candidate thesis. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 2005.

Nirvi, R. E. Siperian inkeriläisten murteesta ja alkuperästä // Kotiseutu. 1972. Vol. 2/3. P. 92–95.

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. Version 4.0.3. Vienna: R foundation for statistical computing, 2020. [Electronic resource]. URL: https://cloud.r-project.org/src/base/R-4/ (last accessed 19.05.2022).

Sidorkevič D. V. Jazyk ingermanlandskih pereselencev XIX v. v Sibiri (struktura, dialektnyje osobennosti, kontaktnyje javlenija). [The language of the migrants of the 19th century from Ingria (structure, dialectal features, contact phenomena)]. Candidate thesis. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 2013.

Suomi K. Durational elasticity for accentual purposes in Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2009. Vol. 37. № 4. P. 397–416.

Suomi K. et al. Durational patterns in Northern Estonian and Northern Finnish // Journal of Phonetics. 2013. Vol. 41. № 1. P. 1–16.

Viitso T.-R. I. Structure of the Estonian language: Phonology, morphology and word formation // Estonian language Linguistica Uralica: Supplementary series. / ed. M. Erelt. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 2003. P. 9–92.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-2

КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ ПОД УДАРЕНИЕМ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Екатерина Владимировна Терешко
Институт языкознания РАН
(младший научный сотрудник)

Аннотация. В лингвистике распространено убеждение, что артикль не может быть в ударной позиции, так как если он оказывается в ней, то мы воспринимаем его как (краткую) форму указательного местоимения. Однако материалы нидерландского языка опровергают это утверждение, говоря нам о том, что артикль во всяком случае в некоторых языках может принимать на себя ударение. В нидерландском языке это ударение часто отмечается графически, что облегчает поиск примеров и доказательство их релевантности. В данной статье рассматриваются контексты употребления артикля под ударением в нидерландском языке, среди которых выделяются контрастивный и эмфатический контексты. Исследование основано на выборке примеров из корпуса художественной литературы размером ≈1,5 миллиона токенов. В ходе рассмотрения примеров делается предположение о категориальной полисемичности артиклей.

Ключевые слова: акцентное выделение, артикль, определенный артикль, фразовое ударение, логическое ударение, нидерландский язык.

CONTEXTS OF THE USE OF THE DEFINITE ARTICLE UNDER STRESS IN DUTCH

Ekaterina V. Tereshko
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(junior researcher)

Abstract. In linguistics, there is a widespread belief that the article cannot be in the stressed position, because if it is in this position, we perceive it as a (short) form of the indicative pronoun. However, the materials of the Dutch language refute this statement, telling us that at least in some languages the article can take on the accent. In Dutch, this accent is often marked graphically, which makes it easier to find examples and prove their relevance. This article examines the contexts in which the accented article is used in Dutch, among which the contrastive and the emphatic contexts stand out. The study is based on a sample of corpus examples from a corpus of ≈1.5 million tokens of fiction. While examining the examples, an assumption is made about the categorical polysemy of articles.

Keywords: accentuation, article, definite article, phrasal stress, logical stress, Dutch.

1. Введение

Последнее время внимание многих лингвистов так или иначе привлечено к прагматической функции языка, как на уровне высказываний, так и на уровне отдельных грамматических явлений. Прагматическая функция артикля также рассматривается в ряде работ, например, [Талецкая 2017] затрагивает вопрос прагматизации артикля перед именами собственными, а в работах Гункеля [Gunkel 2006; 2016] внимание уделяется

артиклям в ударной позиции. В области нидерландского языка нельзя не упомянуть «Всеобщую грамматику нидерландского языка» (Algemene Nederlandse Spraakkunst), где есть раздел (4.3.1), посвященный употреблению определенного артикля под ударением. Однако значение этого употребления ограничивается следующим определением: «человек или действие высшей категории», что безусловно не исчерпывает все коммуникативные возможности употребления артикля под ударением. Кроме того, основной учебник нидерландского языка Goed zo!, использующийся в университетах, уделяет ударной форме артикля должное внимание [Боланд, Михайлова, 2004, ч.2 с. 114]. Однако подобных работ крайне мало. Это может быть обусловлено, с одной стороны, трудностями, с которыми могут столкнуться исследователи при поиске примеров, а с другой стороны тем, что грамматика артиклей описана исчерпывающе. Однако прагматическая функция, которую могут выполнять артикли, не равна их грамматическим признакам, поэтому их рассмотрение важно для более полного описания лингвистической прагматики, в частности, нидерландского языка.

Прагматика высказывания будет рассмотрена в этой статье с точки зрения акцентного выделения (далее АВ) того или иного элемента высказывания, в том смысле, в котором его употребляет [Николаева 2010]. В ее книге АВ сопоставляется с фразовым ударением (далее ФУ) и категорией определенности-неопределенности, и в этом сопоставлении выделяются признаки именно АВ как текстово-коммуникативного маркера. Так, АВ, в отличие от ФУ, связано с коммуникативной (обмен информацией), прагматической (воздействие на слушающего) функцией высказывания и с так называемой контекстной грамматикой (в книге автор ссылается на исследования Р. Гантер, 1966). Стоит отдельно сказать, что Николаева Т.М., выделяя АВ, все же подчеркивает его связь с ФУ, но в данной статье мы не будем рассматривать сходства и различия этих понятий подробно.

Собственно, нельзя не согласиться с тем, что коммуникативная и прагматическая функции АВ в высказывании напрямую связаны с тем контекстом, в котором находится элемент, выделяемый при помощи интонационных средств: «Именно АВ в высокой степени формирует не только контекстное окружение, но и позволяет иначе представить факты действительности, без дополнительного введения в высказывание каких-либо иных средств; оно формирует также наше отношение к действительности [Николаева 2010: 44]. Поэтому представляется крайне важным рассмотреть явление просодического выделения артикля в нидерландском языке в контексте существующих теорий.

Контекст, в котором присутствует АВ, может быть открытым, то есть очевидным, выводимым из элементов высказывания, или не-открытым, то есть таким, который мы можем сконструировать. Такая возможность сконструировать контекст согласуется с теорией о пресуппозиции как одном из составляющих контекста, отсылающим к уже имеющемуся у слушающего знании. Так как это знание может отличаться у разных адресатов сообщения, то не-открытый контекст может быть сконструирован по-разному. Как правило, такие контексты связаны с контрастом, либо представленном в открытом контексте, либо подразумевающемся в не-открытом контексте. Однако выделяют и другие функции АВ, также выводимые из контекста высказывания: важность сообщаемой информации, то есть то, что по мнению говорящего должно быть подчеркнуто, как правило за счет его контрастного выделения, и эмфаза. Это разделение может быть дополнено, так, [Янко 2001: 31] определяет вышеназванные важность и контраст как контрастный фокус, помимо которого исследователь вслед за [Gundel 1999 цит. по Янко 2001] упоминает психологический фокус (то, что сейчас в центре внимания) и семантический (новая информация). В этой статье мы рассмотрим АВ артиклей в нидерландском языке в рамках разделения на контрастное выделение и эмфатическое, и отдельно выделим случаи, в которых артикль под ударением подчеркивает важность сообщаемой информации. Стоит сразу оговорить, что эти функции могут пересекаться: контраст может иметь эмоциональную окраску, как и важность сообщаемой информации

может подаваться в контрастном контексте или с эмоциональной окраской. При рассмотрении корпусных примеров мы будем выделять основную функцию АВ в каждом конкретном случае.

2. Материал исследования

Нидерландский язык представляет собой благодарный материал для исследования потому, что, в отличие от других европейских языков, в нем последнее время укореняется традиция отражать просодическое ударение графическими способами. При этом знак ударения может ставиться над знаменательными словами, однако наибольший интерес вызывают случаи постановки графического ударения над словами служебными, такими как предлоги, частицы и артикли. Можно привести, например, вопрос из учебника нидерландского языка Taal Talent 1 (p. 147) *Welke dag is **vóór** donderdag?* ‘Какой день [идет] перед четвергом?’, где под ударение попадает предлог *voor* ‘перед’, подчеркивая противопоставленность этого предлога предлогу *na* ‘после’. Ударение может падать и на частицы. Приведем пример из художественной литературы *Daarom is het juist zo gek dat ze tegen haar eigen moeder **níet** durft in te gaan* (Carry Slee “Spijt!”, p. 34) ‘Поэтому особенно удивительно, что своей матери она ничего против сказать не может’, где ударение падает на частицу *niet* ‘не’, опять же высвечивая противопоставление «может – не может». В контексте этой традиции графическим способом отражается и ударение, падающее на детерминативы, в том числе и на артикли, которые мы рассмотрим в данной статье. При этом речь идет исключительно об определенных артиклях: *het* для существительных среднего рода и *de* для существительных так называемого общего, т.е. женского и мужского рода, который также используется для всех существительных во множественном числе. Если ударение падает на *een,* слово, совпадающее по форме с числительным и в безударной форме, которое читается со звуком шва и используется в качестве неопределенного артикля, то речь уже не может идти о неопределнном артикли: перед нами числительное *één* ‘один’. Лишь в учебных целях иногда допускается интонационное выделение неопределенного артикля, который произносится со звуком «шва», т.е. неоформленным гласным, на который ударение падать не может. Нидерландский язык – не единственный, в котором артикль может нести на себе так называемое «логическое ударение», как еще иногда называют АВ. Так, в испанском языке в этой роли может выступать неопределенный артикль, добавляя эмоциональную коннотацию и усиливая прагматическое значение прилагательных [Передерий 2011, с.106], то есть появляясь в эмфатической функции. К слову, в нидерландском языке эта оценочная функция неопределенного артикля также отмечается, в частности, в работе [Павлова 2020: 159].

Графическое ударение в нидерландском языке облегчает поиск примеров, позволяя пользоваться корпусом и, таким образом, разрешая одну из сложностей, с которыми сталкиваются исследователи в других языках. Для поиска примеров мы использовали созданный нами в программе SketchEngine корпус художественной литературы на нидерландском языке (приблизительно полтора миллиона токенов) и автоматически сгенерированный программой корпус интернет-текстов на нидерландском языке за 2014 год. Для данной статьи было проанализировано 200 примеров из обоих корпусов.

3. Категориальная полисемичность

Как пишет исследователь немецкого языка Л. Гункель, употребление артиклей в ударной позиции контекстуально ограничено [Gunkel, 2016, p. 602]. Рассмотрение этих контекстов полезно и с точки зрения определения категориальной соотнесенности артиклей в ударной позиции. Забегая вперед, можно сказать, что артикли, на которые

падает ударение, в некоторых контекстах сближаются по функции с фокусными частицами, что позволяет нам говорить о частичной категориальной полисемичности артикля по терминологии С.Д. Кацнельсона. Исследователь понимает категориальную полисемичность как использование одного и того же эмпирического (лексического) значения в различных категориальных функциях: «при одинаковом эмпирическом содержании одно из [значений] оказывается субстанциональным, а другое – несубстанциональным либо оба значения оказываются несубстанциональными, но при этом одно из них атрибутивно, а другое предикативно и т.д.» [Кацнельсон 1972, с. 173-174].

4. Контексты АВ артикля

Исходя из вышесказанного, контексты с акцентным выделением артиклей, как и любые контексты с АВ, можно разделить на контрастные и эмотивные (в эмотивные мы включаем случаи эмфазы и подчеркивание важности сообщаемой информации).

4.1. Контрастные контексты

Как правило, в контрастных контекстах, где АВ соотносится со служебными словами: артиклями, частицами и предлогами, контекст является открытым, то есть противопоставление содержится либо в самом предложении, либо в его (как правило, ближайшем) окружении.

Однако интересными представляются также случаи употребления артикля под ударением в контрастном контексте в следующих примерах:

(1) *Hij beseft voor het eerst dat zijn leven pijn doet,* ***niet hét leven****,* ***zijn leven****, dat begrijpt hij terwijl hij naar het gezicht van Ester zonder h kijkt.*
‘Он впервые осознает, что жизнь – это больно, **не жизнь вообще, а его жизнь**. Это понимание приходит к нему, пока он смотрит в лицо Эстер без буквы h’. [“Tirza”, Anton Grunberg]

В данном случае более общее понятие «жизни вообще», маркированное артиклем под ударением, противопоставлено частному понятию «его жизнь». К сожалению, этот пример взят из художественного текста, поэтому услышать его не представлялось возможным, однако можно предположить, что притяжательное местоимение в этом предложении также выделяется просодически. Ударение на артикле таким образом как бы уравновешивает акцентированное притяжательное местоимение. Этот пример показателен и с точки зрения вопроса о выделении артикля, а не знаменательного слова: артикль и контрастное ему притяжательное местоимение выступают как детерминативы знаменательного слова *leven* ‘жизнь’, поэтому именно они и выделяются при помощи интонации.

Еще одним интересным примером контрастного контекста может быть пример противопоставления человека самому себе в разные периоды времени:

(2) *... toen er een fotograaf naar me toe kwam die een beetje op Kris Kristofferson leek maar Gene Howard heette - voordat hij* ***dé Gene Howard*** *was - en tegen me zei...*
‘… когда ко мне подошел фотограф, который чем-то был похож на Криса Кристофферсона, но которого звали Джин Ховард – еще до того, как он стал **тем самым Джином Ховардом** – и сказал мне…’

Однако использование артикля под ударением с именами собственными может маркировать и противопоставление человека (но также и мест, или других известных

объектов, названных при помощи имени собственного) «всем остальным», как в следующем примере:

(3) *De tango van Astor Piazzola, **dé Astor Piazolla**…*
‘Танго Астора Пьяццоллы, **того самого Астора Пьяццоллы**…’

Нельзя не заметить, что при противопоставлении имен собственных (примеры 2 и 3) этот контраст содержит в себе и эмфатическую составляющую, то есть АВ имени собственного не только противопоставлено чему-то, но также и эмоционально окрашено. Однако мы считаем все же основным признаком использования артикля под ударением в этом случае все же контраст, в примере 2 выраженный эксплицитно, а в примере 3 – имплицитно.

Эти примеры также интересно сопоставить с явлением, замеченным в испанском языке, которое преимущественно встречается в деревнях, но также при упоминании семей в маленьком городе: перед фамилией или именем человека может ставиться определенный артикль. Этот артикль выделяет человека или семью из общей массы, то есть позволяет говорить о них как о «тех самых», «наших», всем известных [Попова 1997: 242]. С одной стороны, этот артикль перед именем собственным находится в контрастивных отношениях с нулевым артиклем, который обычно используется со всеми остальными, «не нашими» Гомесами и Педро, а с другой стороны несет в себе и эмотивную окраску.

4.2. Эмфатические контексты

В качестве второй, большой группы контекстов можно выделить эмфатические, которые с нашей точки зрения можно разделить на группы эмотивных высказываний и высказываний, в которых маркируется важность информации.

Так как артикль является детерминативом, не удивительно, что, попадая под ударение, он подчеркивает уникальность объекта, который называет следующее за артиклем существительное. Эта функция есть и у артиклей, на которые не падает ударение. Так, например, перед уникальными объектами всегда используется определенный артикль: *de zon, the sun, die Sonne, el sol*. Однако в тех случаях, когда такая уникальность называемого объекта подчеркивается АВ, объект на самом деле не является единственным в своем роде, но таковым его хочет представить говорящий, например:

(4) *Joe was met dit verhaal **dé man** in de kantine van Betlehem.*
‘С этой историей Джо стал **[самым популярным] мужчиной** в столовой Вифлеема’.

(5) *'Wat een toren,' zei hij, 'ik zou hem elke dag moeten beklimmen'. '**Dé manier** om snel in de hemel te komen,' hijgde Mulder.*
‘– Что за башня, – сказал он, – мне бы на нее каждый день взбираться.
– **Лучший способ** побыстрее добраться до неба.’

По переводу приведенных примеров, выполненному автором статьи, видно, что употребление существительных с артиклем под ударением фокусирует внимание слушателя на самом деле не на уникальности объекта как такового, а на обладании этим объектом какого-то качества, которое и делает его в глазах говорящего уникальным. В случае, когда это качество не выражено эксплицитно, его приходится «додумывать», исходя из контекста, и добавлять при переводе. Конечно, в этих контекстах также присутствует признак контрастности, однако с нашей точки зрения эмфаза в данном случае выражена четче, чем контраст, что видно и по тем определениям, которые подразумеваются говорящим и додумываются слушающим.

Другая группа примеров употребления артикля в ударной позиции сближает его с указательным местоимением, что отмечал и исследователь немецкого языка Л. Гункель [Gunkel 2006, p. 79]. То же самое нам удалось найти и в нидерландском языке, например:

(6) *In deze introductiecursus laat ik je kennismaken met **dé vier universele Licht Op Je Zelf stappen**, die terug te vinden zijn in vele wijsheidsleringen.*
‘В этом вводном курсе я познакомлю вас с **этими четырьмя универсальными ступенями "Света над собой"**, которые можно найти во многих учениях’.

В этом примере артикль *dé* можно трактовать как «те самые» или «те» четыре ступени. В этом случае определение называемому объекту дается эксплицитно, слушателю не нужно догадываться, что имеется в виду, а артикль акцентирует внимание слушателя на объекте, которому затем дается и пояснение в придаточном предложении, в большей степени, чем если бы он использовался без ударения. Так, в этом примере артикль в ударной позиции входит в конструкцию «те, которые», которая в нидерландском языке также может быть выражена при помощи *diegene, die*. Это позволяет нам говорить о сближении функции артикля в этом контексте с указательным местоимением. При этом АВ артикля подчеркивает важность называемого объекта для говорящего и слушающего. Выбор же в пользу артикля, а не указательного местоимения, должен быть исследован отдельно на большей выборке примеров.

Однако самой большой группой примеров, в которых на артикль падает ударение, оказалась та, где артикль фокусирует внимание на существительном, обращаясь к ориентации слушателя в культурно-историческом контексте, в том числе современном. Такое употребление отличается от указания на уникальность объекта тем, что существительному невозможно в этом случае дать контекстуального определения, говорящий не приписывает называемому объекту какого-то качества, делая его уникальным, а предполагает знакомство слушателя с целым концептом.

(7) *Het was de week van **hét gesprek**. Ik denk dat heel Suriname van dinsdag tot en met vrijdag om tien uur ’s avonds voor de televisie zat.*
‘Это была неделя **того самого разговора**. Я думаю, что весь Суринам в десять часов вечера со вторника по пятницу сидел перед телевизором’.

При интерпретации данного примера слушатель либо осведомлен, о каком разговоре здесь идет речь, либо вынужден принять тот факт, что упоминаемая беседа является важной или долгожданной, или, по крайней мере, о ней известно широкой аудитории.

Эта мысль о том, что в процессе восприятия сообщения происходит аккомодация, то есть присвоение и встраивание в собственное видение ситуации, некоторого объема информации, которая, в том числе, маркирована и употреблением определенного артикля под ударением, подтверждает и следующий пример:

(8) *Al stelde ze natuurlijk wel meteen De Vraag Van Zes Miljoen, **dé examenvraag** die zij elke jongen ongetwijfeld stelde om te kunnen slagen voor haar vriendschap…*
‘Хотя, конечно, она тут же задала "Вопрос на шесть миллионов" – **тот самый тестовый вопрос**, который она, несомненно, задавала каждому мальчику, претендовавшему на дружбу с ней...’

Здесь слушателю/читателю приходится принять как данность, что у девушки из примера (8) есть некий тестовый вопрос, он всегда один и тот же, и этот вопрос важен в контексте жизни героини.

5. Выводы

Итак, рассмотрев примеры употребления артиклей под ударением в нидерландском языке, мы можем сделать несколько выводов:

1) АВ может маркировать не только знаменательные, но и служебные слова, в том числе артикли, что может помочь исследователям тех языков, в которых артикль и краткая форма указательного местоимения совпадают, например, в немецком языке.

2) контексты употребления артиклей под ударением можно разделить на две группы: контрастный контекст и эмфатический. При этом АВ в обоих случаях обладает и функцией противопоставления (случаев, когда артикль под ударением используется, но его невозможно противопоставить чему-то, мы не нашли), и эмфатической функцией. При этом контрастный контекст подразумевает явное или имплицитное противопоставление, а эмфатический - оценку называемого предмета или явления.

Использование артикля под ударением в этих контекстах сближает его с другими грамматическими категориями, такими как указательное местоимение и фокусная частица.

Литература

Боланд Х., Михайлова И.М., Учебник нидерландского языка Goed zo!, Амстердам: Pegasus, 2004. 155 p.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 173-174

Николаева, Т.М. Семантика акцентного выделения. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2020. 104 С.

Павлова, Л. П. Влияние артикля на значение имен собственных в нидерландском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. Т. 7. № 836. С. 156–167.

Передерий, Е. Б. Средства акцентного выделения в испанском высказывании // Вопросы иберо-романистики, 2011. № 11. С. 106-112.

Попова, Н.И. Практическая грамматика испанского языка: Морфология. Синтаксис: Учеб. пособие для старшеклассников и студентов. Москва: Просвещение, 1997. 495 С.

Талецкая, Т. Н. Прагматизация функции артикля перед именами собственными в немецком языке. – 2017.

Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 384 С.

Algemene Nederlandse Spraakkunst (ANS), [Электронный ресурс], URL: https://e-ans.ivdnt.org/topics/pid/ans040301lingtopic

Gunkel, L. Betontes "der" // Grammatische Untersuchungen, Analysen und Reflexionen - Tübingen: Narr, 2006. S. 79-96. (Studien zur Deutschen Sprache 36)

Gunkel, L. Betontes "der" als bestimmter Artikel //Zeitschrift der Germanisten Rumäniens. – 2016. – Т. 15. – №. 1-2 (29-30), 1-2 (31-32). – С. 601-611.

References

Boland H., Mihajlova I.M., Uchebnik niderlandskogo jazyka Goed zo! [Textbook of Dutch Goed zo!], Amsterdam: Pegasus, 2004. 155 p.

Kacnel'son S.D. Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking]. L., 1972. P. 173-174

Nikolaeva, T.M. Semantika akcentnogo vydelenija [Semantics of accent emphasis]. moscow: Limited Liability Company "Book House LIBROCOM", 2020. 104 p.

Pavlova, L. P. Vlijanie artiklja na znachenie imen sobstvennyh v niderlandskom jazyke [The influence of article on the meaning of proper names in Dutch] // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2020. T. 7. № 836. P. 156–167.

Perederij, E. B. Sredstva akcentnogo vydelenija v ispanskom vyskazyvanii [Means of accentuation in Spanish utterance] // The Issues of Ibero-Romanic Languages, 2011. № 11. P. 106-112.

Popova, N.I. Prakticheskaja grammatika ispanskogo jazyka: Morfologija. Sintaksis: Ucheb. posobie dlja starsheklassnikov i studentov [Practical grammar of Spanish language: Morphology. Syntax: Textbook for high school and college students]. Moscow: Prosveshhenie, 1997. 495 p.

Taleckaja, T. N. Pragmatizacija funkcii artiklja pered imenami sobstvennymi v nemeckom jazyke [The pragmatic function of the article before proper names in German]. mozyr: IP Shamyakin Moscow State Pedagogical University. 2017.

Janko, T.E. Kommunikativnye strategii russkoj rechi [Communicative strategies of Russian speech.]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 384 p.

Algemene Nederlandse Spraakkunst (ANS),
URL: https://e-ans.ivdnt.org/topics/pid/ans040301lingtopic

Gunkel, L. Betontes "der" // Grammatische Untersuchungen, Analysen und Reflexionen - Tübingen: Narr, 2006. S. 79-96. (Studien zur Deutschen Sprache 36)

Gunkel, L. Betontes "der" als bestimmter Artikel //Zeitschrift der Germanisten Rumäniens. – 2016. – T. 15. – №. 1-2 (29-30), 1-2 (31-32). – C. 601-611.

2. МОРФОСИНТАКСИС

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-3

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ КОНЪЮНКТИВА АОРИСТА И ПРЕЗЕНСА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ирина Ашотовна Аракелян
Санкт-Петербургский Государственный Университет
(аспирант)

Аннотация. Исследование посвящено особенностям употребления форм конъюнктива аориста и презенса при выражении значения будущего в тексте Евангелия от Матфея на древнеармянском языке. В исследовании было проанализировано 100 употреблений форм конъюнктива в тексте Евангелия от Матфея. Результаты показывают, что формы конъюнктива представлены в тексте неравномерно. Распределение форм можно объяснить влиянием комбинации различных факторов: от особенностей морфологии древнеармянского языка до влияния древнегреческого оригинала текста Евангелия от Матфея.

Ключевые слова: древнеармянский язык, типология, будущее время, конъюнктив, аспект.

SUBJUNCTIVE AS FUTURE TIME REFERENCE IN CLASSICAL ARMENIAN: DIFFERENCES BETWEEN AORIST AND PRESENT SUBJUNCTIVE

Irina A. Arakelyan
Saint Petersburg State University
(PhD student)

Abstract. The study views the use of Classical Armenian subjunctive forms (aorist subjunctive and present subjunctive) as future time reference. The analysis is based on 100 contexts with subjunctive forms from the Gospel of Matthew. The results show that the distribution between two possible variants of subjunctive (one from aorist and one from present stem) is supposedly based on a number of factors. The study views the possible factors of influence on the Classical Armenian subjunctive forms from the Greek text influence to the morphology of Classical Armenian.

Key words: Classical Armenian, typology, future time reference, subjunctive, aspect.

1. Введение

В древнеармянском языке значение будущего передавалось чаще всего при помощи форм конъюнктива аориста и презенса, образованными, соответственно, от основ аориста и презенса (см., например, [Туманян 1971: 331] и далее) [1].

[1] Будущее время в древнеармянском выражалось также при помощи аналитических конструкций, например, глагол *em* ‘быть’ + причастие на *-locʿ* (*gorcaneloc ʿemkʿ zkʿałakʿs zays* ‘разрушим этот город’). Подробнее про аналитические конструкции для выражения значения будущего см. [Туманян 1971: 411–415]. Также в значении будущего мог употребляться и индикатив настоящего времени, см. употребление

В статье рассматриваются факторы, влияющие на выбор формы конъюнктива аориста или презенса. Целью исследования является определить факторы, влияющие на выбор формы конъюнктива в контекстах, выражающих значение будущего в тексте Евангелия от Матфея на древнеармянском.

Задачи представлены следующим образом:

1. Определить контексты со значением будущего в тексте Евангелия от Матфея.
2. Определить соотношение форм конъюнктива в данных контекстах.
3. Выявить факторы, влияющие на выбор формы конъюнктива.

Исследование проводилось с опорой на онлайн-издание Библии на древнеармянском языке (https://arak29.org/bible/book/tMт_1.htm). Также привлекалось издание Библии на древнегреческом (https://www.greekbible.com/). Было проанализировано 100 контекстов, представляющих сплошную выборку из глав 1–10 Евангелия от Матфея с конъюнктивом в значении будущего времени[2].

В типологической литературе проводились многочисленные исследования значений будущего времени в различных языках, см., например, ставшую уже классической работу [Dahl 1985], а также проект «EUROTYP» ([Dahl 2000] и др.), посвященный изучению выражения видовременных значений в языках Европы. Однако для древнеармянского языка выражение значения будущего времени представляется изученным недостаточно. Данные об особенностях выражения будущего времени в древнеармянском языке могут дополнить описание не только типологических исследований, но также важны для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

В статье представлены предварительные данные об относительной частотности форм конъюнктива презенса и аориста в значении будущего на материале выборки из 100 контекстов из Евангелия от Матфея и подход к анализу возможных факторов, влияющих на выбор формы.

2. Описание употреблений форм конъюнктива аориста и презенса в тексте Евангелия от Матфея

Исследование выполнено на материале 100 контекстов с формами конъюнктива в значении будущего времени.

Характерным примером употребления форм конъюнктива аориста и презенса является контекст из Евангелия от Марка (Мк. 13:31):

(1)	*erkink'*	*ew*	*erkir*	***anc'c'en***	*ew*
	рай.NOM.SG	и	земля.NOM.SG	пройти.SBJV.AOR.3PL	и
	bank'		*im*	*oč*	***anc'anic'en***
	слово.NOM.SG		мой.GEN.SG	не	пройти.SBJV.PRES.3PL

'Небо и земля **прейдут**, но слова Мои не **прейдут**'. (Мк. 13:31)[3]

В данном контексте употреблены формы конъюнктива аориста и презенса. Употребление различных форм для выражения ситуации в будущем можно рассматривать с нескольких сторон:

1. Первая часть предложения содержит форму конъюнктива аориста *anc'c'en*, а вторая часть – форму конъюнктива презенса *anc'anic'en*. Так, в высказывании реализуется

презенсов 2 л. ед.ч. *owtes* 'съешь', *meṙanis* 'умрешь' и в значении будущего: *yorowm awowr owtes i pałoy caṙoyn, i nmin meṙanis* 'В какой день ты съешь плод того дерева, в тот умрешь' (пример взят из [Туманян 1971: 344]). В данной статье, однако, подобные случаи не рассматриваются.

[2] Конъюнктив употребляется также в императивном значении, однако данные контексты в статье не описываются.

[3] Глоссирование приводится в упрощенном виде, значения разделены знаком точки.

противопоставление между предельным и локализованным во времени действием (конъюнктив аориста) и непредельным нелокализованным, длительным действием (конъюнктив презенса). О противопоставлении форм конъюнктива аориста и презенса по аспекту, а также о различии по перфективности/имперфективности действия см., например, [Туманян 1971: 363] или [Godel 1975: 40].

2. В древнегреческой версии Евангелия от Матфея (о важности сравнения древнеармянского текста с древнегреческим см. далее) обеим древнеармянским формам конъюнктива аориста и презенса соответствует древнегреческая форма футурума παρελεύσονται, из чего можно сделать вывод от том, что в древнегреческом тексте данный аспектуальный контраст не выражен.

Вышеприведенный пример показывает значимость как учета древнегреческого оригинала при описании грамматических явлений на материале переводных древнеармянских текстов, так и поиска внутриязыковых факторов, которые могли определить выбор формы конъюнктива. Ниже данные факторы будут рассмотрены подробнее.

3. Факторы, влияющие на выбор формы конъюнктива аориста и презенса

3.1. Семантический тип будущего времени

Данный фактор выделяется на основании положений, изложенных в классификации Э. Даля [Dahl 2000] о значениях будущего времени и способах их выражения, представленных в языках Европы.

Согласно анализу древнеармянских контекстов из Евангелия от Матфея, основное значение контекстов с будущим временем представляет тип «предсказание» (*prediction*) по классификации Даля. Данный тип значения характеризует контексты, которые передают значение «предсказуемого будущего», связанного с ожиданиями говорящего (см. также примеры контекстов в [Dahl 2008: 310]). Соответственно, он представляет основную функцию значения будущего времени.

Пример, иллюстрирующий употребление конъюнктива аориста в значении будущего, можно найти ниже:

(2) *na* ***mkrtesc'ē*** *z=jez*
он.NOM.SG крестить.SBJV.AOR.3SG OBJ=ты.ACC.PL
i *hogi=n* *sowrb* *ew*
PREP дух.ACC.SG=DEF святой.ACC.SG и
i *howr*
PREP огонь.LOC.SG
‘<…> он будет **крестить** вас Духом Святым и огнем’. (Мф. 3:11)

Менее частотными (см. Таблицу 1) в анализируемой выборке оказались контексты с формами конъюнктива презенса:

(3) *oč'* ***mtanic'ēk'*** *yark'ayowt'iwn*
нет входить.SBJV.PRES.2PL царство.ACC.SG
erknic'
небеса.GEN.PL
‘<…> то вы не **войдете** в Царство Небесное’. (Мф. 5:20)

Другие семантические типы из классификации Даля в анализируемой выборке не обнаруживаются. Можно предполагать, что в древнеармянском также были периферийные типы значения будущего, например, семантический тип «намерение» (*intention*), который обозначает «интенциональное будущее», связанное с намерением

говорящего [Dahl 2008: 310]. В анализируемой выборке формы, употребляющиеся в контекстах с подобным значением, встретились всего 3 раза (два раза в случае с конъюнктивом аориста и один раз в случае с конъюнктивом презенса[4]). Однако отсутствие других примеров не позволяет на данном этапе выделять данный тип значения для древнеармянского языка.

3.2. Перфективность/имперфективность

Формы конъюнктива презенса и аориста представлены в исследованной выборке неравномерно: около 36 форм конъюнктива презенса и 61 форма конъюнктива аориста. Исходя из полученных результатов, можно сделать предположение, что выражение значения будущего при помощи форм конъюнктива аориста было более распространенным.

При этом формы конъюнктива аориста являются имперфективными по значению в 16 контекстах, а перфективными – в 45, см. примеры (4) и (5) ниже. Среди форм конъюнктива презенса имперфективными являются 15 контекстов, а перфективными – 21, см. примеры (6) и (7) ниже.

- Конъюнктив аориста в перфективном значении:

(4) *erani* *xałałararac'* *zi* *nok'a*
блаженны мирный.DAT.PL ибо он.NOM.PL
ordik' *Astowcoy* ***koč'esc'in***
сын.NOM.PL бог.ABL.SG звать.SBJV.AOR.3PL
'Блаженны миротворцы, ибо они **будут наречены** сынами Божиими'. (Мф. 5:9)

- Конъюнктив аориста в имперфективном значении:

(5) *orpēs* *kełcawork'n* *arēnen*
как лицемер.NOM.PL делать.PRES.3PL
i *žołovowrds* *ew* *i* *hraparaks*
PREP люди.LOC.PL и PREP площадь.LOC.PL
orpēs *zi* ***p'arāworesc'in***
как что прославлять.SBJV.AOR.3PL
i *mardkanē*
PREP люди.ABL.PL
'[Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою] как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы **прославляли** их люди'. (Мф. 6:2)

- Конъюнктив презенса в перфективном значении:

(6) *oč'* ***mtanic'ēk'*** *yark'ayowt'iwn*
не входить.SBJV.PRES.2PL царство.ACC.SG
erknic'
небеса.ABL.PL
'<...> то вы не **войдете** в Царство Небесное'. (Мф. 5:20)

- Конъюнктив презенса в имперфективном значении:

(7) *kam* *z=mi=n* ***atic'ē***
ибо OBJ=один.ACC.SG=DEF ненавидеть.SBJV.PRES.3SG
ew *z=mews=n* ***siric'ē***
и OBJ=другой.ACC.SG=DEF любить.SBJV.PRES.3SG
'[Никто не может служить двум господам] ибо или одного будет **ненавидеть**, а другого **любить** <...>'. (Мф. 6:24)

[4] Мф. 2:8 и Мф. 6:16.

Соотношение перфективных и имперфективных употреблений можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1

Соотношение форм конъюнктива по параметру перфективность/имперфективность в главах 1–10 Евангелия от Матфея

Форма	Перфективность	Имперфективность	Общее количество форм (из 97[5])
Конъюнктив аориста	45	16	61
Конъюнктив презенса	21	15	36

Так, в выборке встречается большее количество перфективных употреблений, чем имперфективных, как в случае с формами конъюнктива аориста, так и презенса, что нарушает ожидаемое с точки зрения морфологии распределение: употребление форм конъюнктива аориста в контекстах, имеющих семантику завершенного действия, и употребление форм конъюнктива презенса в контекстах, имеющих семантику незавершенного действия. Однако общая тенденция к употреблению конъюнктива аориста в перфективных контекстах, а конъюнктива презенса в имперфективных, сохраняется. Часть контекстов, которые нарушают ожидаемое распределение, можно предположительно объяснить особенностями употребления форм конъюнктива в различных типах придаточного.

3.3. Тип придаточного

В исследовании Даля [Dahl 2000] отмечается, что тип придаточного также может влиять на способ выражения значения будущего времени. В рассмотренной выборке довольно часто формы конъюнктива встречаются в придаточных предложениях (78 контекстов).

В исследуемой выборке встретились следующие типы придаточных:

- *времени*, которые часто отвечают на вопрос «когда?», например:

(8) *erani* *ē* *jez* *yoržam*
блаженные быть.PRES.3SG ты.ACC.PL когда
naxatic'en *z=jez* *ew*
поносить.SBJV.PRES.3PL OBJ=ты.ACC.PL и
halacesc'en *ew* ***asic'en*** *amenayn*
гнать.SBJV.AOR.3PL и говорить.SBJV.PRES.3PL все.ACC.SG
ban *čar* *z=jēnǰ*
слово.ACC.SG злой.ACC.SG OBJ=вы.ABL.PL
sowt *vasn* *im*
ложный.ACC.SG из-за мой.GEN.SG
'Блаженны вы, когда будут **поносить** вас и **гнать** и всячески неправедно **злословить** за Меня'. (Мф. 5:11)

- *причины*, например:

[5] В финальную таблицу не включены контексты со значением «намерение».

(9) *erani* *sgaworac'* *zi* *nok'a*
блаженны плачущие.DAT.PL что они.NOM.PL
mxit'aresc'in
утешиться.SBJV.AOR.3PL
'Блаженны плачущие, ибо они **утешатся**'. (Мф. 5:4)

- *следствия*, например:

(10) *or* *ok'* *lowcc'ē*
кто.NOM.SG некто.ACC.SG разрушить.SBJV.AOR.3SG
mi *inč'* *i* *patowiranac's*
один что PREP заповедь.ABL.PL
yaysc'anē *i* *p'ok'ownc'* *ew*
этот.ABL.PL PREP небольшой.ABL.PL и
owsowsc'ē *aynpēs* *z=mardik`*
учить.SBJV.AOR.3SG так OBJ=люди.ACC.SG
p'ok'r ***koč'esc'i*** *yark'ayowt'ean*
маленький.ACC.SG зваться.SBJV.AOR.3SG царство.LOC.SG
erknic' *isk* *or*
небесный.GEN.PL а кто.NOM.SG
arasc'ē *ew* *owsowsc'ē* *na*
делать.SBJV.AOR.3SG и учить.SBJV.AOR.3SG он.ACC.SG
mec ***koč'esc'i***
великий.ACC.SG звать.SBJV.AOR.3SG
yark'ayowt'ean *erknic'*
царство.LOC.SG небесный.GEN.PL
'Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим **наречется** в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим **наречется** в Царстве Небесном'. (Мф. 5:19)

- *условия*, которые часто отвечают на вопрос «при каком условии?», например:

(11) *mi* *datik'* *zi* *mi*
не судить.PRES.2PL что не
datic'ik'
судить.SBJV.PRES.2PL
'Не суди́те, да не **судимы будете**'. (Мф. 7:1)

- *определительные*, которые часто отвечают на вопрос «кто?», например:

(12) *lowarowk'* *zi* *asac'aw*
слышать.IMP.PL что говорить.SBJV.AOR.3SG
arājnoc'n *t'ē* *mi* *spananer*
первый.DAT.PL что не убивать.IMP.SG
zi *or* ***spananic'ē*** *partakan*
что кто.NOM.SG убить.SBJV.PRES.3SG подлежащий.NOM.SG
lic'i *datastani*
быть.SBJV.AOR.3SG суд.DAT.SG
'Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же **убьет**, подлежит суду'. (Мф. 5:21)

- *изъяснительные*, которые часто проясняют предыдущий контекст, например:

(13) *ew* *ekeal* *bnakec'aw* *i* *k'ałak'in*
и приходить.PTCP жить.AOR.3SG PREP город.LOC.SG
or *koč'ēr* *Nazarēt'*

кто.NOM.SG звать.PTCP Назарет
zi *lcʿcʿi* *ban*
что исполниться.SBJV.AOR.3SG слово.ACC.SG
margarēicʿn *tʿē* *Nazovrecʿi* ***kočʿescʿi***
пророк.GEN.PL что Назорей звать.SBJV.AOR.3SG
‘И, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем **наречется**’. (Мф. 2:23)

Если суммировать все встречающиеся случаи употребления конъюнктива в придаточных, то конъюнктив презенса встречается в 33 случаях, а конъюнктив аориста – в 45 употреблениях. Зависимость выбора формы от типа придаточного также нуждается в дополнительной проверке, что может являться одной из перспектив развития исследования.

3.4. Влияние древнегреческого языка

В исследованиях, посвященных изучению истории текстов Библии на древнеармянском, отмечается, что они претерпели редакцию в соответствии с сирийским текстом (в меньшей степени), а впоследствии и древнегреческим текстом (см., например, [Morani 2016]). Причем редакция в соответствии с древнегреческим текстом, происходившая позже сирийского, коснулась уже всех текстов Четвероевангелия [Cowe 2013: 268].

О соответствии форм конъюнктива аориста в древнеармянском употреблениям будущего времени в греческом также говорится в классических работах А. Мейе (см. [Meillet 1910: 107], а также [Meillet 1936: 123]), ср. Мф. 2:6 в (14а) и (14б):

(14а) *or* ***hovowescʿē*** *z=žołovowrd*
кто.NOM.SG пасти.SBJV.AOR.3SG OBJ=народ.ACC.SG
im *z=Israyēl*
мой.GEN.SG OBJ=Израиль
‘<…> который **упасет** народ Мой, Израиля’. (Мф. 2:6)

(14б) *ὅστις* ***ποιμανεῖ*** *τὸν* *λαόν*
кто править.FUT.3SG ART.ACC.SG народ.ACC.SG
μου *τὸν* *Ἰσραήλ*
PRON.GEN.SG ART.ACC.SG Израиль.ACC.SG

Если сравнивать употребления конъюнктива в древнеармянском с древнегреческим текстом, то можно отметить, что часть древнеармянских форм конъюнктива в качестве параллельных в древнегреческом обнаруживает формы футурума (см. Таблицу 2 для древнеармянских форм конъюнктива аориста в имперфективном значении и Таблицу 3 для древнеармянских форм конъюнктива презенса в перфективном значении).

Таблица 2

Соответствие древнеармянских форм конъюнктива аориста в имперфективном значении древнегреческим формам

Контекст	Древнеармянский глагол	Перевод	Древнегреческий глагол	Форма
Мф. 5:11	halacesc‘en	преследовать	διώξωσιν	AOR
Мф. 2:6	hovowesc‘ē	пасти	ποιμανεῖ	FUT
Мф. 2:23	kočʿescʿi	звать	κληθήσεται	FUT
Мф. 5:22	licʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф. 5:21	licʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф. 5:22	licʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф. 6:2	pʿarawoescʿin	прославлять	δοξασθῶσιν	AOR
Мф. 6:21	ełicʿin	быть	ἔσται	FUT
Мф. 6:23	ełicʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф. 6:22	ełicʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф. 6:31	kericʿowkʿ	есть	φάγωμεν	AOR
Мф. 6:31	arbcʿowkʿ	пить	πίωμεν	AOR
Мф. 6:31	zgecʿcʿowkʿ	одеваться	περιβαλώμεθα	AOR
Мф. 6:34	hogascʿi	заботиться	μεριμνήσητε	AOR / FUT
Мф.10:15	licʿi	быть	ἔσται	FUT
Мф.10:19	hogaycʿēkʿ	заботиться	μεριμνήσητε	AOR / FUT

В Таблице 2 формам конъюнктива аориста в 9 случаях соответствуют формы футурума, в 5 случаях – формы аориста. Также 2 употребления составляют омонимичные формы футурума и аориста. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что выбор формы конъюнктива аориста мог определяться формами футурума, а также аориста в греческом оригинале.

Таблица 3

Соответствие древнеармянских форм конъюнктива презенса в перфективном значении древнегреческим формам

Контекст	Древнеармянский глагол	Перевод	Древнегреческий глагол	Форма
Мф. 5:20	aṙawelowcʿow	возрастать	περισσεύσῃ	AOR
Мф. 2:4	cnanicʿi	рождаться	γενναται	PRES
Мф. 4:9	paganicʿes	почитать	προσκυνήσῃς	AOR
Мф. 5:20	mtanicʿēkʿ	входить	εἰσέλθητε	AOR
Мф. 5:22	asicʿē	говорить	εἴπῃ	AOR
Мф. 5:22	asicʿē	говорить	εἴπῃ	AOR
Мф. 2:8	gtanicʿēkʿ	находить	εὕρητε	AOR
Мф. 5:21	spananicʿē	убивать	φονεύσεις	FUT
Мф. 5:23	matowcʿanicʿes	предлагать	προσφέρῃς	PRES
Мф. 5:25	arkanicʿis	бросать	βληθήσῃ	FUT
Мф. 5:25	matnicʿē	предавать	παραδῷ	AOR
Мф. 6:1	əndownicʿikʿ	принимать	ἔχετε	PRES
Мф. 6:16	pahicʿen	хранить	νηστεύητε	PRES
Мф. 7:6	koxicʿen	топтать	καταπατήσουσιν	FUT
Мф. 7:6	ergicowcʿanicʿen	смеяться	ῥήξωσιν	AOR
Мф. 7:9	xndricʿē	просить	αἰτήσει	FUT
Мф. 7:9	taycʿē	дать	ἐπιδώσει	FUT
Мф. 7:10	xndricʿē	просить	αἰτήσει	FUT
Мф. 10:14	lowicʿē	слушать	ἀκούσῃ	AOR
Мф. 10:14	elanicʿēkʿ	выходить	ἐξερχόμενοι	PRES
Мф. 10:17	linijikʿ	быть	προσέχετε	PRES
Мф. 10:19	matnicʿen	предавать	παραδῶσιν	AOR

В Таблице 3 формы конъюнктива презенса в древнеармянском соответствуют формам аориста в древнегреческом в 10 случаях, формам футурума в 6 случаях и формам презенса также в 6 случаях. Важное отличие форм конъюнктива презенса от аориста состоит в том, что они также способны отражать презентные древнегреческие формы. По-

видимому, часть случаев употребления конъюнктива презенса в имперфективных контекстах все-таки можно объяснить наличием определенной формы в древнегреческом тексте. Однако данная гипотеза требует дополнительной проверки.

4. Заключение

Таким образом, на материале рассмотренной выборки можно сделать следующие выводы относительно употребления форм конъюнктива в значении будущего древнеармянском:

- Формы конъюнктива аориста и презенса распределены неравномерно: формы конъюнктива аориста употребляются существенно чаще.
- Выявлены отклонения от ожидаемого употребления форм конъюнктива презенса в имперфективных контекстах, а конъюнктива аориста – в перфективных. Можно предположить, что количественно преобладающее отклонение в употреблении форм конъюнктива аориста связано с расширением его значения от аспектуально ограниченного показателя будущего до базового показателя, нейтрального в аспектуальном отношении, однако данная гипотеза требует дополнительной проверки.
- Часть употреблений таких форм также можно объяснить влиянием древнегреческого текста и переводческой традиции. Так, мы видим, что древнеармянские формы часто сохраняют оригинальный аспектуальный тип: например, презентным формам в древнегреческом тексте соответствуют формы конъюнктива презенса в древнеармянском.

Перспектива дальнейшего исследования включает проверку данных выводов на материале расширенной выборки контекстов, которая включала бы также непереводные тексты древнеармянских авторов.

Список сокращений

1–3 – лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; AOR – аорист; ART – артикль; DAT – датив; DEF – определенный артикль; FUT – футурум; GEN – генитив; IMP – императив; LOC – локатив; NOM – номинатив; OBJ – проклитика, маркирующая объект; PL – множественное число; PREP – предлог; PRES – презенс; PRON – местоимение; PTCP – причастие; SBJV – конъюнктив; SG – единственное число.

Литература

Евангелие от Матфея (перевод). URL: http://www.patriarchia.ru/bible/mf/ (дата обращения: 16.06.2022).

Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. Наука, 1971.

Armenian E-Bible: Classical Armenian – English Concordance. URL: https://www.arak29.am/bible_28E (дата обращения: 16.06.2022).

Cowe S. P. The Armenian Version of the New Testament // The Text of the New Testament in Contemporary Research — Brill, 2013. — Pp. 253–292.

Dahl Ö. Tense and aspect systems, 1985.

Dahl Ö. et al. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. — С. 3.

Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe — De Gruyter Mouton, 2008. — Pp. 309–328.

Godel R. An Introduction to The Study of Classical Armenian.Weisbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 1975. 139 p.

Meillet A. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien: Emploi des formes personelles des verbes. IV. — Société de linguistique, 1910.

Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. — Vienne, 1936. — 205 p.

Morani M. Ancient Armenian Translation from Greek Texts: Questions of Method // Greek Texts and Armenian Traditions. An Interdisciplinary Approach, 2016. — Pp. 3–21.

Online Greek New Testament Text. URL: https://www.greekbible.com/ (дата обращения: 16.06.2022).

References

Gospel of Matthew (translation into Russian). URL: http://www.patriarchia.ru/bible/mf/ (accessed: 16.06.2022).

Tumanian E. G. Classical Armenian. Nauka, 1971.

Armenian E-Bible: Classical Armenian – English Concordance. URL: https://www.arak29.am/bible_28E (дата обращения: 16.06.2022).

Cowe S. P. The Armenian Version of the New Testament // The Text of the New Testament in Contemporary Research — Brill, 2013. — Pp. 253–292.

Dahl Ö. Tense and aspect systems, 1985.

Dahl Ö. et al. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. — C. 3.

Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe — De Gruyter Mouton, 2008. — Pp. 309–328.

Godel R. An Introduction to The Study of Classical Armenian.Weisbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 1975. 139 p.

Meillet A. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien: Emploi des formes personelles des verbes. IV. — Société de linguistique, 1910.

Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. — Vienne, 1936. — 205 p.

Morani M. Ancient Armenian Translation from Greek Texts: Questions of Method // Greek Texts and Armenian Traditions. An Interdisciplinary Approach, 2016. — Pp. 3–21.

Online Greek New Testament Text. URL: https://www.greekbible.com/ (дата обращения: 16.06.2022).

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-4

К ВОПРОСУ О РОЛЕВОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ САНСКРИТСКИХ ПЕРФЕКТИВНЫХ ПРИЧАСТИЙ НА -(I)ТА-

София Сергеевна Камаданова
кафедра индийской филологии ИСАА МГУ
(студент-магистрант 1-го курса)

Аннотация. В статье рассматривается проблематика ролевой ориентированности санскритских перфективных причастий с суффиксом *-(i)ta-*. Порождаемые от переходных глагольных основ древнеиндийские перфективные причастия имели пассивное значение, имплицируя тем самым ориентацию на пациенс (P-ориентацию). Однако среди данных причастий существовал крайне ограниченный класс форм, способных функционировать не только пассивно, но и активно. Первым и – на данный момент – единственным, кто обратил внимание на подобное нестандартное функционирование санскритских перфективно-переходных причастий, был Шпайер, который зафиксировал 8 соответствующих корней. В ходе работы с цифровым санскритским корпусом текстов (DCS) и анализирования более 50 000 примеров из древнеиндийской литературы (художественной, религиозно-философской и правовой) список Шпайера был уточнён и дополнен ещё тремя корнями, перфективные причастия от которых могли иметь двойную ролевую ориентацию (и на пациенс, и на агенс). Кроме того, проведённый анализ показал, что узость дистрибуции данных причастий может быть обусловлена особенностями их семантики и прагматики.

Ключевые слова: санскрит, перфективные причастия, ролевая ориентация, агенс, пациенс, бенефактив.

ROLE ORIENTATION OF SANSKRIT PAST PARTICIPLES WITH -(I)TA-

Sofia S. Kamadanova
Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University
(graduate student)

Abstract. This paper examines the role orientation of Sanskrit past participles with the suffix *-(i)ta-*. The ancient Indo-Aryan transitive perfect PPs have passive meaning normally implying orientation towards the patient (P-orientation). However, in certain cases the situation, being evidently different, requires special explanations. Speijer was the first who drew the linguists' attention to rare Sanskrit PPs which could function not only passively but also actively. He found 8 corresponding verbal roots. In attempt to solve the problem the author has undertaken analysis of the material of the Sanskrit Digital Corpus (DCS) with more than 50,000 examples from the ancient Indian literature (fiction, religious, and philosophical texts). As a result of this work 3 more transitive verbal roots, the perfective participles from which can potentially have both patient- and agent-bound orientation, have been added to Speijer's list. The analysis provided has also shown that those must be the spheres of semantics and pragmatics where the reasons for the specific usage of the forms mentioned are to be looked for.

Keywords: Sanskrit, perfect participles, role orientation, agent, patient, benefactive.

1. Введение

Данная статья посвящена проблематике ролевой ориентированности перфективных причастий с суффиксом *-(i)ta-* в древнеиндийском (ведийском и санскрите).

Так же, как и перфективные причастия на *-na-*, формы на *-(i)ta-* исходно являлись отглагольными прилагательными, представляющими собой наиболее распространённый класс отглагольных имён в ведийском языке. Они принадлежали первичному словообразованию, т.к. порождались присоединением соответствующих суффиксов непосредственно к корню.

Причастия на *-(i)ta-* от переходных основ характеризовались т.н. «пассивным значением», т.е. – в современных терминах – имели пациенсную ориентацию (P-ориентацию), в то время как причастия от непереходных основ имели ориентацию на агенс (A-ориентацию). См. примеры (1) и (2) соответственно:

(1) ***jñā-ta-ṃ*** *mayā*
(у)знать-PP.NOM.N.SG я-INSTR.SG
bhaya-Ø-kāraṇa-m |
страх + причина-NOM.N.SG-COMP
‘Я узнал причину страха (букв. ‘узнанная мною страха причина’)’.
[Hitop-II.83.2][6]

(2) *tvaṃ* *hi* *bāṇa-Ø-dhanuṣ-Ø-pāṇir*
ты EMPH стрела+лук+рука-COMP (BAH)-NOM.M.SG
bhrātrā *saha* *vana-ṃ* ***gata-ḥ*** |
брат-INSTR.M.SG вместе лес-ACC.N.SG идти-PP-NOM.M.SG
‘Ты ведь вместе с братом, [вооружившись] луком [и] стрелами, отправился в лес’.
[Rām-Ār.8.11.1]

Вторичные активные причастия строились путем присоединения к форме на *-(i)ta-* дополнительного суффикса *-vant-* как, например, в *kṛ-ta-vān* (NOM.SG) ‘имеющий сделанным’ (3):

(3) *duṣ-kara-ṃ* ***kṛ-ta-vān***
трудновыполнимое дело-ACC.N.SG сделать-PPA-NOM.M.SG
droṇo *yad* *arjuna-m*
Дрона-NOM.M.SG (потому) что Арджуна-ACC.M.SG
a-yodh-aya-t ||
сражаться-P-IMPF.3SG
‘[Тем], что сразился с Арджуной, Дрона совершил (букв. ‘сделавший’) трудновыполнимое дело’.
[MBhT-IV.53.55.2]

Будучи отглагольными прилагательными, данные формы на *-(i)ta-* еще не являлись подлинными причастиями, так как изначально не обладали рядом некоторых категорий, присущих глаголу. Так, в частности, они не характеризовались категориями вида и залога, а также не имели соответствующих формальных показателей. Примером может служить функционирующая как активная форма *a-mṛ-ta*, значением которой вопреки семантике компонентов является не ‘неумерший’, а ‘неумирающий, бессмертный’ (откуда позднейший субстантив ‘напиток бессмертия’) [Cardona 1970: 6].

[6] Все иллюстративные примеры были обнаружены, зафиксированы и переведены самим автором статьи в ходе работы с цифровым корпусом санскритских текстов (Digital Corpus of Sanskrit), в рамках которой было проанализировано свыше 50 000 контекстов.

Но если в ведийском языке рассматриваемые отглагольные прилагательные на *-(i)ta-* (и более редкие на *-na-*) ещё нередко демонстрировали нейтральность по отношению к категориям залога и вида, то в последующие этапы развития древнеиндийского языка ситуация существенно изменилась [Барроу 1976: 344-345]. Так, с постепенным переходом от активных конструкций к пассивным на рубеже между древнеиндийским и среднеиндийскими языками отглагольные прилагательные начали приобретать некоторые свойства финитных глагольных форм, становясь тем самым полноценными причастиями с релевантными для последних категориями залога и, в первую очередь, вида.

Таким образом, к эпохе Панини (VI-V или н. IV в. до н.э.) они уже практически вытеснили из употребления прежние перфективные причастия с суффиксами *-(i)vaṃs-,* в свою очередь, просуществовавшие сравнительно недолго в силу своей формальной сложности. Но от последних причастия на *-(i)ta-* унаследовали способность характеризовать имя не агенса, но пациенса в тех случаях, когда образующей является переходная глагольная основа [Захарьин 2007: 349]. Контекст употребления перфективных причастий на *-(i)ta-* расширился, и некоторые из них перестали быть связанными только с Р-ориентацией, т.е. ‘пассивным значением’. Об особых активных формах на *-(i)ta-* от переходных глаголов далее и пойдёт речь.

В отношении терминологии необходимо обозначить, что в рамках панинийской системы функциональных или семо-синтаксических ролей (= ‘караков’ < *kāraka* ‘реализатор’) активный участник ситуации обозначается термином *kartṛ*, а пассивный — *karman*. Отметим, что Панини в своём описании синтеза санскритских высказываний обращался именно к уровню *kāraka*, т.е. к семо-синтаксическому уровню и к соответствующим ему терминам *kartṛ* и *karman,* но не к принадлежащим к собственно синтаксическим понятиям «субъекту» и «объекту действия». Данному положению теории Панини мы и будем далее следовать в нашей работе.

Специфику функционирования РР-причастий можно также трактовать посредством «вторичных» категорий «субъекта» и «объекта». Так, в случае, когда перфективное причастие определяет объект действия, названного тем глаголом, от которого данное причастие было образовано, оно предполагает Р-ориентацию. Если же причастие определяет субъект соответствующего действия, то оно ориентировано на агенс.

На данный момент не существует в достаточной мере исчерпывающего анализа перфективных причастий на *-(i)ta-* от переходных основ, способных при предикативном употреблении имплицировать как Р-, так и А-ориентацию, что и определяет актуальность нашего исследования. Первым, кто обратил внимание на подобное нестандартное функционирование санскритских перфективно-переходных причастий, был Шпайер [Speijer 1998: 280]. Он обозначил 8 соответствующих корней и 5 из них сопроводил примерами их текстов, однако анализа указанных им примеров произведено не было. Приведённый им краткий список такого рода форм и послужил отправной точкой настоящего исследования.

2. Перфективные причастия на *-(i)ta-* от переходных основ с двойной ролевой ориентацией

В то время как причастия на *-na-* от переходных глаголов не были способны ни в каких-либо лексико-грамматических контекстах выражать активное значение, среди причастий на *-(i)ta-* существовал некий ограниченный класс форм, способных иметь и ‘пассивное’ (или ‘медиопассивное’) значение, и – крайне нестандартное для них – активное, т.е. потенциально способных ориентироваться и на пациенс, и на агенс.

Как правило, именно согласование служит формальным показателем отнесения перфективного причастия от переходной основы к объекту или субъекту действия, имплицируя этим его Р- или А-ориентированность (в других терминах – предполагая «пассивное» или «активное» значение). См. следующую пару примеров на пассивное (4) и

активное (5) функционирование соответствующих причастий, образованных от глагольного корня *āp*- с переходным значением ‘получать/достигать’:

(4) ***sam-prāp-ta-ṃ*** *phala-ṃ*
получать-PP-NOM.N.SG плод-NOM.N.SG
mayā
я-INSTR.SG
‘Мною получен (букв. ‘полученный’) плод/результат’.
[MhBH-VI-144.21.2]

Пример (4) отражает стандартную ситуацию с представленным в поверхностной структуре предложения личным местоимением *mayā* ‘я’ (INSTR.SG), по регулярной модели оформленным инструментальным падежом. Он выступает в роли агенса по отношению к P-ориентированному перфективному причастию *sam-prāp-ta-ṃ* ‘полученный/достигнутый’ (от переходного глагола *āp* – ‘получать/достигать’), согласующимся с существительным *phala-ṃ* ‘плод’ в роде, числе и падеже.

(5) *bālā-Ø* *kṛcchra-ṃ*
юная девушка-NOM.F.SG беда-ACC.N.SG
sam-prāp-tā |
получат-PP-NOM.F.SG
‘Юная девушка попала в беду (букв. ‘беду получившая’)’.
[MhBH-V-191.17.1-2]

Ситуация же, представленная в примере (5), представляется весьма нестандартной, поскольку в соответствии со всеми традиционными грамматиками принято считать, что перфективные причастия на *-(i)ta-* от переходных глаголов всегда ориентированы исключительно на пациенс, но никогда – на агенс.

Данные цифрового корпуса санскритских текстов подтверждают это. Так, из 2-х приводимых ниже примеров именно (6), но не *(7) является «грамматичным»:

(6) ***kṛ-ta-ṃ*** *karma* *mahat*
делать-PP-NOM.N.SG дело-NOM.N.SG великий-NOM.N.SG
tena…|
он (тот)-INSTR.SG
‘Он совершил великое дело (букв. ‘великое дело им сделанное’)’.
[Rām-Su.24.20.1]

(7) ****kṛ-ta-s*** *karma* *mahat*
делать-PPA-NOM.M.SG дело-ACC.N.SG великий-ACC.N.SG
ta-ḥ |
он (тот)-NOM.M.SG
‘Он совершил великое дело (букв. ‘великое дело он сделавший’)’.

Однако «внесистемные» примеры типа (5) пусть и крайне редки, но, тем не менее, имеют место и требуют дополнительного осмысления. Функциональное своеобразие причастий такого типа во многом обуславливается возможностью иметь и A-, и P-ориентацию.

Таблица 1

Список перфективно-переходных причастий с двойной ориентацией по Шпайеру

№	пре вер бы	корень	PP[7]-причастия	значение	
				пассивное (P-ориентация)	активное (A-ориентация)
1	–	√*pā-* пить	*pī-ta-*	‘выпитый’	‘выпивший’
2	*pra-*	√*āp-* получать; **достигать**	*prāp-ta-*	‘полученный’ ‘достигнутый’	‘получивший’ ‘достигнувший’
3	*pra-*	√*viś-* входить, вступать, отправляться (нп[8]); проникать; **достигать** (п)	*pra-viṣṭa-*	‘проникнутый’ ‘достигнутый’	‘вошедший’ ‘проникший’ ‘достигший’
4	*(sam) -ā-*	√*ruh-* подниматься (нп); **достигать** (п)	*ā-rūḍha-*	‘достигнутый’	‘достигший’ ‘взобравшийся’
5	*vi-*	√*smṛ-* помнить > забывать	*vi-smṛ-ta-*	‘забытый’	‘забывший’
6	*vi-*	√*bhaj-* становиться наделённым (т.е. вступить во владение) (нп); разделять (п)	*vi-bhakta-*	‘разделённый’	‘разделивший (долю)’ ‘получивший свою долю’
7	*pra-*	√*sū-* рождаться (нп); рождать (п)	*pra-sū-ta-*	‘рождённый’ ‘родившийся’	‘(по)родивший’
8	*apa-*	√*rādh-* быть виновным (нп); винить, обижать (п)	*apa-rāddha-*	‘обвинённый’ ‘виновный’	‘обидевший, оскорбивший; согрешивший, преступивший закон’

[7] Ключевой особенностью причастий на *-(i)ta-* является их соотнесенность с граммемой «перфективность» грамматической категории вида. С какой-либо граммемой прошедшего времени они на самом деле связанными не являются, поэтому привязывание причастий данного типа к прошедшему времени, характерное для некоторых из рассмотренных руководств (Барроу 1976: 344-345; Кочергина 2017: 172), представляется принципиально неверным.

Однако в англоязычной литературе за перфективными причастиями на *-(i)ta-* закрепился устойчивый «ярлык» Past Participles (PP). Поэтому, понимая всю условность принятого допущения, мы, следуя Лейпцигской системе глоссирования, будем в данной работе также обозначать рассматриваемые причастия пометой ‘PP’.

[8] нп — переходное значение; п — переходное

Среди упомянутых Шпайером перфективных причастий от переходных глаголов, потенциально способных ориентироваться и на пациенс, и на агенс, отдельно следует отметить причастия, образованные от лабильных корней *(vi)bhaj-*, *(pra)sū-*, *(apa)radh-* (см. Таблицу №1). Данные корни исходно обладают и переходным, и непереходным значением: например, ‘быть наделённым или разделённым/наделять долей и разделять’; ‘рождаться/порождать’ и ‘быть виновным/винить’ соответственно. При употреблении причастий на *-(i)ta-* от указанных корней зачастую – особенно вне контекста – оказывается неясным, образовано ли данное ‘PP’ от основы с переходным или с непереходным значением.

В качестве иллюстрации рассмотрим пары примеров (8)–(9) и (10)–(11). В примере (8) пассивно-переходная семантика причастия *vi-bhakta-* является очевидной, т.е. в поверхностной структуре присутствует агенс *tayā*, представленный формой инструментального падежа единственного числа от лично-указательного местоимения *tā* ‘эта/она’:

(8) ***tayā*** ***vi-bhaktān***
она-INSTR.F.SG разделять (получать долю)-PP.ACC.M.PL
bhāg-āṃs-te *bhuñjate*
доля-ACC.M.PL + они (эти)-NOM.M.PL есть-Ā.PRS.3PL
sma *pṛthak pṛthak |*
ENCL обособленно
‘Они ели каждый свою долю, разделённую ею (т.е. Кунти) (букв. ‘разделённые доли’)’.
[MBhT-I.145.5.3]

В предложении (9) также представлено однозначно активное употребление причастия от переходного глагола ‘рождать’:

(9) *tām* *eva* *rātri-ṃ*
та-ACC.F.SG EMPH-же ночь-ACC.F.SG
sītāpi (<sītā+api) ***pra-sū-tā***
Сита-NOM.PR-NOM.F.SG + тоже рождать(ся)-NOM.F.SG
dāraka-Ø-dvaya-m
сын + двое-ACC.N.SG
‘Той же ночью Сита родила (букв. ‘родившая’) двоих сыновей’.
[Ram-Utt.58.1.2]

Однако в силу полисемичности глагола в примерах (10) и (11) даже общий контекст повествования не позволяет однозначно ответить на вопрос, какая именно семантика «наследуется» причастием на *-(i)ta-*, порожденным от глагола *vi-bhaj-*: активная (от корня с непереходным значением) или пассивная (от корня с переходным значения):

(10) ***vi-bhaktāḥ*** *saha*
разделять (обладать долей)-PP.NOM.M.PL вместе
jīv-anto *vi-bhajeran*
жить-PRS.P.ACT.NOM.M.PL разделять-OPT.3PL
punar *yadi |*
снова если
sama-s *tatra* *vi-bhāga-ḥ*
равный-NOM.M.SG тогда доля-NOM.M.SG
syāj *jyaiṣṭhya-ṃ*
быть-OPT.3SG старшинство-NOM.N.SG

tatra *na* *vid-ya-te* ||
тогда не знать-PASS.3SG
‘Если имеющие свою долю/наделённые долей /получившие долю [братья], живущие вместе, разделятся снова, то [их] доля будет равной; в этом случае [право] старшинства не признаётся’.
[ManuSmṛti-IX.206.1-2]
[Viṣṇu Smṛti –XVIII.41.1-2]

(11) *bhrātṝṇā-m* *a-vi-bhaktānā-ṃ*
брат-GEN.M.PL не разделять (получать долю)-PP.GEN.M.PL
yady *utthāna-ṃ* *bhavet* *saha* |
если уход из отчего дома быть-OPT.3SG вместе
na *putra-Ø-bhāga-ṃ*
не сын+доля-ACC.M.SG
vi-ṣama-ṃ *pitā*
неравный-ACC.M.SG отец-NOM.M.SG
dadyāt *kathaṃcana* ||
давать-OPT.3SG никоим образом
‘Если у братьев, не наделённых собственной долей/ не отделившихся//не выделившихся (т.е. живущих вместе с отцом), будет совместный раздел, то отцу [при разделе имущества] никоим образом не следует давать сыновьям неравные доли’.
[ManuSmṛti-IX.211.1-2]

Важно подчеркнуть, что в отношении ориентированных на агенс и на пациенс перфективных причастий, образованных от корня *āp-* ‘получать/достигать’, Шпайер отмечает как релевантную только форму *prāp-ta-*. Однако в ходе работы с нам удалось найти соответствующие примеры с причастиями, являющимися производными от того же корня, но с частично (*sam-prāp-ta-*) или полностью иными (*avāp-ta-*) превербами.

Таблица 2

Дополнения к «списку Шпайера»

№	превербы	корень	PP-причастия	значение	
				пассивное (P-ориентация)	активное (A-ориентация)
1	*ava-*	√*āp-*	*avāp-ta-*	‘полученный’; ‘достигнутый’	‘получивший’; ‘достигший’
	sam+pra-		*sam-prāp-ta-*		

В данном случае, как это часто бывает в санскрите, добавление префикса/префиксов к корню не привело к хоть сколько-нибудь значимому семантическому сдвигу и потому все эти варианты принято рассматривать как полные синонимы. Однако в проанализированных контекстах с причастием *avāp-ta-* одно из значений префикса *ava-* до некоторой степени находит свое отражение в семантике причастия, а именно – значение расчленения, выделения, дистрибуции.

Например, в предложении (12) – с P-ориентацией соответствующего причастия – ‘девушка’ осмысляется как ‘полученная награда’ и конечный выбор в контексте подразумеваемого зрительного перебора ‘всех [остальных] живых существ’.

(12) *ava-mene* *ca* *tāṃ*
презирать-Ā.PF.3SG и она

dṛṣṭvā *sarva-Ø-prāṇa-bhṛt-āṃ*
увидеть-ABS каждый + живое существо-GEN.M.PL-COMP (BAH)
vapuḥ |
красота-ACC.N.SG
avāp-ta-ṃ *cātmano* (<*ca+ātmanaḥ*)
получать-PP-ACC.N.SG и себя-GEN.M.SG
mene
рассматривать (кого-то в качестве кого-то)-Ā.PF.3SG.
sa *rājā* *cakṣuṣaḥ*
то(т)-NOM.M.SG царь-NOM.M.SG глаз-GEN.N.SG
phala-m ||
награда (плод)-ACC.N.SG
‘И тот царь, увидев её, презрел красоту всех [остальных] живых существ и счёл [эту девушку] полученной для себя наградой/усладой [для] глаз’.
[MhBH-I-160.27.1-2]

Аналогично этому см. пример (13) – с А-ориентацией соответствующего причастия. Выбор о ‘не приобретении’ осуществляется только после предшествующего ему процесса ментального перебора всех возможных ‘форм’ и ‘желаний’ и размышлений над ними:

(13) *sa* *tvaṃ* *priyān*
тот ты приятный-ACC.M.PL
priya-Ø-rūpāṃś *ca* *kāmān*
приятный + форма-ACC.M.PL и желание-ACC.M.PL
abhi-dhyāyan *naciketo*
размышлять-PRS.P-NOM.M.SG Начикета-VOC.M.SG
'tyasrākṣīḥ |
отвергнуть-S-AOR.2SG
naitāṃ (<na+etaṃ) *sṛṅkā-ṃ*
не эта-ACC.F.SG оковы удовольствия-ACC.F.SG
vitta-Ø-mayīm
богатство + состоящий (из)-ACC.F.SG
avāp-to *yasyāṃ*
получать-PP-NOM.M.SG который-LOC.F.SG
majj-a-nti *bahavo* *manuṣyāḥ* ||
тонуть-P-PRS.3PL многие-NOM.M.PL человек-NOM.M.PL
‘О Начикета, поразмышлявши (букв. ‘размышляющий’) над приятными внешними формами и приятными желаниями, ты отринул [их]! [Ты] не стал приобретать (букв. ‘не приобретший’) ту цепь удовольствий, состоящую из богатств/имущества, в которой [обычно] тонут многие люди’.
[KaṭhUp-II-3.1-2]

В ходе работы с различными — художественными и научными — санскритскими текстами на древнеиндийском языке удалось не только уточнить сведения касательно самого «списка Шпайера», но и несколько дополнить его, зафиксировав ещё несколько корней с переходным значением (в превербной и беспревербной форме), перфективные причастия от которых могли потенциально иметь и Р-, и А-ориентацию. К ним можно причислить корни *vam-* ‘извергать/изрыгать’, *cam-* ‘отпивать/пригубливать воду’ и *ā-rabh/sam-ā-rabh-* ‘начинать/предпринимать’. См. таблицу №3 и иллюстрирующие её примеры (14)–(15), (16)–(17) и (18)–(19):

Таблица 3

Расширенный список PP-причастий, обладающих P- и A-ориентацией

№	превербы	корень	PP-причастия	Значение	
				Пассивное (P-ориентация)	**Активное (A-ориентация)**
1	–	√*vam-* извергать; изрыгать	*vānta-*	‘извергнутый’ ‘исторгнутый’	‘извергнувший’ ‘исторгнувший’
2	ā-	√*cam-* пригубить (воды для очищения); полоскать (рот)	*ā-cānta-*	‘отпитый’ ‘пригубленный’ ‘прополощенный’	‘отпивший’ ‘пригубивший’ ‘глотнувший’ ‘прополоскавший’
3	ā-	√*rabh-* начинать; предпринимать	*ā-rabdha-*	‘начатый’ ‘предпринятый’	‘начавший’ ‘предпринявший’
	sam+ā-		*sam-ā-rabdha-*		

Пассивная ориентация:

(14) *yathā* *sva-ṃ* ***vānta-m***
как свой-ACC.N.SG изрыгать-PP.ACC.N.SG
aś-nā-ti *śvā* *vai* *nityam*
питаться-P.PRS.3SG собака-NOM.M.SG EMPH всегда
abhūtaye |
беда-DAT.F.SG
evaṃ *te* ***vānta-m***
так и те-NOM.M.PL изрыгать-PP.ACV.N.SG
aś-na-nti
питаться-P.PRS.3PL
sva-Ø-vīr-ya-syopa-jīv-anāt (<sva-Ø-vīr-ya-sya+upa-jīv-anāt) ||
свой + влиятельность-GEN.N.SG + средства существования-ABL.N.SG
‘Подобно тому, как собака всё время поедает изрыгнутое собой же во вред [себе], так и те [отшельники] поедают исторгнутую [скверну] [по причине того, что добывают] средства к существованию благодаря собственной влиятельности’.
[MhBH-V-42.22.1-2]

Активная ориентация:

(15) ***vānto*** *vi-rikta-ḥ*
изрыгать-PP.NOM.M.SG быть опустошённым-PP.NOM.M.SG
snā-tvā *tu* *ghṛta-Ø-prāśana-m*
искупаться-ABS затем топлёное масло + подношение-ACC.N.SG
ā-car-et |
совершить-P.OPT.3SG
‘[Человеку,] исторгнувшему/изрыгнувшему [содержимое желудка] [и вследствие чего] очищенному, следует искупаться [и] затем съесть подношение из топлёного масла (гхи)’.
[ManuSmṛti-IX.211.1-2]

Пассивная ориентация:

(16) *bhakṣ-i-te* *na* *may**ācānta-m***
принимать пищу-PP-LOC.N.SG не я-INSTR.SG
(<*mayā+ā-cānta-m*)… ||
испить (воды)-PP-NOM.N.SG
‘Во время принятия пищи мною не было [ничего] выпито (букв. ‘выпитое’)’.
[BhāMañj-I-51.2]

Активная ориентация:

(17) *adhyeṣya-māṇa-s* *tv*
изучать-FUT.Ā.P-NOM.M.SG но/а
ā-cānto *yathā-śāstra-m*
испить-NOM.M.SG как полагается/в соответствии с правилами (шастрами)
ud-aṅmukha-ḥ (<*ud-ac+mukha-*) |
направленный на север + лицо-COMP (BAH)
brahmāñjali-kṛ-to
[почтительное] складывание ладоней во время рецитации вед
(<*brahma+ajali-*) *'dhyāpyo*
+ делать-PP.NOM.M.SG-COMP (BAH) каузировать учиться-CAUS-GER.NOM.M.SG
laghu-Ø-vāsā
лёгкий+одежда-NOM.M.SG-COMP (BAH)
jitendriya-ḥ (<*ji-ta+indriya-h*) ||
побеждённый + чувство-NOM.M.SG-COMP (BAH)
‘А собирающегося обучаться [ученика (śiṣya-)], должно учить (букв. ‘долженствующий быть обученным’) [после того, как он] с лицом, обращённым на север, [надевший] лёгкую одежду (букв. ‘обладающий лёгкой одеждой’) [и] обуздавший [свои] чувства (букв. ‘обладающий побеждённым чувством’), испил (букв. ‘испивший’) [воды] в соответствии с установленными правилами [и] почтительно сложил ладони (букв. ‘обладающий сделанным жестом анджали’)’.
[ManuSmṛti-II-70.1-2]

Пассивная ориентация:

(18) *pāṇḍavair* *vi-graho* *ghora-ḥ*
пандавы-INSTR.M.PL война-NOM.M.SG страшный-NOM.M.SG
sam-ā-rabdho *mayā* *prabho* ||
начинать-PP.NOM.M.SG + я-INSTR.SG владыка-VOC.M.SG
‘О владыка, начата (букв. «начатая/предпринятая») мною страшная война с пандавами’.
[MhBH-VI-91.4.2]

Активная ориентация:

(19) *tasya* *tau* *bhrātarau*
он (тот)-GEN.M.SG они (те двое)-NOM.M.DU брат-NOM.M.DU
rājañ *śaraiḥ*... |
царь-VOC.M.SG стрела-INSTR.M.PL
ratha-ṃ *vi-śakalīkar-tuṃ*
колесница-ACC.M.SG расщеплять (на части)-INF

sam-ā-rabdhau *viś-āṃ*
начинать/предпринимать-PP-NOM.M.DU народ-GEN.M.F
pate ||
владыка-VOC.M.SG
‘Те оба брата, о царь, начали (букв. ‘начавшие’) разрушать/расщеплять его колесницу стрелами, о владыка народов!’
[MhBH-IX-9.25.1-2]

В процессе работы были проанализированы семантические особенности данных корней (в том числе из списка Шпайера) с переходным значением, которые, по нашим предположениям, и могли обусловить те дистрибутивные особенности у соответствующих причастий, из-за которых эти причастия оказались способными функционировать не только пассивно, но и – нестандартным для них образом – активно. Во-первых, видимо, не случаен тот факт, что 9 из 11 корней имели при себе превербы (кроме *pā-* и *vam-*), т.к. в санскрите присоединение префикса зачастую модифицировало значение корня, превращая его из непереходного в переходный.

Во-вторых, примечательно то, что в своём большинстве данные формы имеют ориентацию на бенефактив. При этом во всех проанализированных примерах очевидна смежность и некоторое слияние ролей агенса и бенефактива. Можно сказать, что в рамках бенефактива воедино сливаются как бенефициант (выгодоприобретатель), так и сам бенефактор (тот, кто осуществляет условное ‘благо’). Таким образом, это тот участник ситуации, интересы которого непосредственно в ней затронуты, т.к. он получает пользу/приобретает что-то в ходе ситуации или же получает вред/лишается чего-то в ходе ситуации (в последнем случае наряду с бенефактивом можно отдельно выделить малефактив).

Так, например, в большинстве из рассмотренных корней Шпайера, допускающих порождение А-ориентированных перфективных причастий, в семантике присутствует сема ‘получать/приобретать’[9] (или малефактивное значение ‘лишаться’):

(ava/sam-pra-)āp- – ‘получить, приобрести (в том числе качественно новое состояние)’;
(vi-)bhaj- – ‘получить долю’;
(pra-)viś- – *достичь* как ‘приобрести пространственный доступ’;
(sam-ā-)ruh- – *достичь* как ‘приобрести пространственный доступ’;
(pra-)su- – *родить* как ‘приобрести ребёнка’;
(vi-)smṛ- – *забыть* как ‘лишиться воспоминаний’;

Обнаруженные нами три дополнительных корня только подтверждают данный тезис:

vam- – *извергнуть/изрыгнуть* как ‘приобрести (ритуальную) чистоту’/ ‘лишиться нечистот’;
(ā-)cam- – *пригубить/ прополоскать* как ‘приобрести (ритуальную) чистоту’;
(sam-ā-)rabh- – *начинать/предпринимать* как ‘приобрести качественно новое состояние’;

[9] Рассмотрение соответствующих причастий в языке пали (фиксирующем раннюю стадию эволюции среднеиндийских языков) выходит за рамки данного исследования, однако отметим, что в пали нами был также обнаружен пример на нестандартное активное функционирование PP-причастия (a)*laddha-* ‘(не) получивший/(не)преобретший [целибата/праведной жизни/стадии брахмачарья]’от переходного глагола *labh-* ‘получать приобретать’ [Dhammapada: verse 156].

Видимо, ключевым является то, что состояние референта в ходе ситуации претерпело существенные изменения. И в некоторых случаях важным условием является очевидность произошедшего изменения как для партиципантов актов коммуникации, так и для наблюдателей, которые принимают участие в той или иной представленной ситуации[10].

В этом контексте можно особо отметить корни *vam-* и *cam-*, релевантные перфективные причастия от которых зачастую используются именно в дискурсе, относящемся к ритуальным действиям и церемониалу. См. предыдущие примеры (14)–(17), а также нижеприведённый пример (20), иллюстрирующие, что в контексте выполнения определённого церемониального действа действие, представленное соответствующим перфективным причастием от переходного глагола рассматривается в первую очередь как акт приобретения качественно нового состояния, а именно – ритуальной чистоты (в отличие от простого ‘пития воды’, не ведущего к качественному изменению субъекта):

Активная ориентация:

(20) *parakīyetare* (<*parakīya-Ø+itare*)
принадлежащий другому + идея антитезы-LOC.N.SG-COMP
toye *snāna-ṃ* *pūrva-ṃ*
вода-LOC.N.SG омовение-ACC.N.SG прежде
sam-ā-caret |
совершать-P-OPT.3SG
ā-cāntaḥ *śuci-tā-ṃ* *prāp-ta-ḥ*
испить-PP-NOM.M.SG чистота-ACC.F.SG получать-PP-NOM.M.SG
kṛ-tāsana-Ø-pari-graha-ḥ (*kṛ-ta-Ø +āsana-…*) ||
делать-PP + сидение-N + овладение-NOM.M.SG-COMP
‘Прежде необходимо совершить омовение в воде, [которая] не принадлежит [кому-либо] другому. [Затем] пригубив [немного воды] (букв. ‘отпивший’) и очистившись (букв. ‘очищение получивший’) [следует] занять сидение (букв. ‘обладающий совершённым овладением сидения’)…’.
[KālPur-52-17.1]

3. Выводы

Таким образом, в результате исследования мы, во-первых, уточнили приведённый Шпайером список из восьми корней с переходным значением, перфективные причастия от которых могли демонстрировать и пассивное (или медиопассивное) значение, и активное. В отношении ориентированных на агенс и на пациенс PP-причастий от переходного глагольного корня *āp-* ‘приобретать/достигать’, Шпайер отмечает как релевантную только форму *prāp-ta-*. Нами же были найдены соответствующие примеры с причастиями, являющимися производными от того же корня, но с частично (*sam-prāp-ta-*) или полностью иными (*avāp-ta-*) превербами.

---

[10] Рассмотрение соответствующих форм в современном хинди выходит за рамки данного исследования, однако нельзя не отметить, что сходная интерпретация была также выдвинута для объяснения ряда нестандартных PP-причастий в хинди (в атрибутивных конструкциях), имеющих двойную ролевую ориентацию [Zakharyin 2018: 107-114].

В хинди перфективные причастия от переходных глаголов, согласующиеся с ИГ субъекта и имеющие A-ориентацию, используются лишь в рамках особого синтаксического контекста, а именно, такового ‘NP1-PP-NP2’. Число переходных глаголов, образующих подобные перфективные причастия лексически ограничено; обычно же перфективно-переходные причастия предполагают исключительно P-ориентацию, и эта их особенность фиксируется как общее место в традиционных грамматиках языка хинди.

Во-вторых, мы пополнили список Шпайера ещё тремя корнями с переходным значением, PP-причастия от которых могли потенциально иметь и P-, и – нестандартную для них – A-ориентацию: *vam-* ‘извергать/изрыгать’, *cam-* ‘отпивать/пригубливать воду’ и *ā-rabh/sam-ā-rabh-* ‘начинать/предпринимать’.

В-третьих, мы кратко затронули проблематику семантических особенностей данных корней, предположительно и обусловивших узость дистрибуции соответствующих причастий. Так, в семантике большинства проанализированных примеров прослеживается ориентация на бенефактора (при очевидной смежности ролей агенса и бенефактива в заданных контекстах, когда субъект приобретает качественно новое состояние, являющееся очевидным для всех участников ситуации).

Список сокращений

KaṭhUp	Kaṭhopaniṣad;
KālPur	Kālikāpurāṇa;
BoCA	Bodhicaryāvatāra;
BhāMañj	Bhāratamañjarī
MhBh	Mahābhārata;
Rām	Rāmāyaṇa;
ManuS	ManuSmṛti;
Hitop	Hitopadeśa;
DCS	Digital Corpus of Sanskrit

http://www.sanskrit-linguistics.org/dcs/index.php

Литература

Барроу Т. Санскрит. — Москва: Прогресс, 1976. — 411 с.

Захарьин Б. А. Санскритская грамматика Варадараджи. Комментированный перевод с санскрита, вступительная статья, пояснения и примечания Б.А. Захарьина. — Москва: Издатель Степаненко, ИСАА МГУ, 2007. — 512 с.

Cardona, G. The Indo-Iranian Construction mana (mama) kr̥tam // Language. — 1970. — Vol. 46, no. 1. — Pp. 1–12.

MacDonell. A Vedic Grammar For Students. Oxford: Clarendon Press, 1916. — 508 p.

Speijer, J.S. Sanskrit Syntax. — Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1998. —402 p.

Whitney. A Sanskrit grammar, including both the classical language, and the older dialects, of Veda and Brahmana. — Leipzig: Breitkopf and Hartel, 1879. — 486 p.

Zakharyin, Boris. Constraints on attributive functions of hindi perfect participles manifesting the resultant state // Trends in Hindi Linguistics. Studies and Monographs. — Berlin/Boston: De Gruyter MOUTON. — 2018. — Vol. 325. — Pp. 107–114.

References

Burrow, T. The Sanskrit Language. — Moscow: Progress, 1976. — 411 p.

Zakharyin, B. Sanskritskaya grammatika Varadaradji [Varadaraji’s Sanskrit Grammar]. — Moscow: Izdatel' Stepanenko Publishing house, IAAS MSU, 2007. — 512 p.

Cardona, G. The Indo-Iranian Construction mana (mama) kr̥tam // Language. — 1970 — Vol. 46, no.1 — Pp. 1-12.

MacDonell, A. A Vedic Grammar For Students. Oxford: Clarendon Press, 1916. — 508 p.

Speijer, J.S. Sanskrit Syntax. — Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1998. —402 p.

Whitney, W. A Sanskrit grammar, including both the classical language, and the older dialects, of Veda and Brahmana. — Leipzig: Breitkopf and Hartel, 1879. — 486 p.

Zakharyin, B. Constraints on attributive functions of hindi perfect participles manifesting the resultant state // Trends in Hindi Linguistics. — Vol. 325 of Trends in Linguistics. Studies and Monographs. — De Gruyter MOUTON Berlin/Boston, 2018. — Pp. 107–114.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-5

ORDER ICONICITY PRINCIPLE IN TEMPORAL INTERPRETATION OF RUSSIAN PERFECTIVE PARTICIPIAL AND CONVERBIAL CLAUSES

Veronika Prigorkina
HSE University
(undergraduate student)

Abstract. Pragmatic factors frequently affect the interpretation of grammatical constructions, and the category of relative tense is no exception. To arrange the events on the timescale with respect to each other interlocutors may resort to the implicit content of the phrase – implicatures. The current study observed the effect of a specific pragmatic phenomenon – Order Iconicity Principle (OIP) – on the interpretation of non-finite taxis constructions in Russian: perfective past participles (*prichastija*) and perfective converbs (*deeprichastija*). According to this principle, the perceptually and statistically preferred temporal interpretation of sequential events is the one which iconically corresponds to the predicates' order of mentioning. Based on a series of self-paced reading and interpretation acceptability judgements (IAJ) experiments, I suggest that OIP applicability scope can be extended from coordinated structures with perfective verbs [Paducheva 2017; Khrakovskij 2009] and dependent temporal clauses [Clark & Clark 1968; Sasanuma & Kamio 1976; Natsopoulos et al. 1991; Jansen 2008] to non-finite constructions. In accordance with the hypotheses, for both Russian perfective participles and converbs there was a significant OIP effect, manifested in higher acceptability rates and shorter interpretation latencies for iconic temporal interpretation even when the interpretations were not contextually or lexically supported. Due to the difference in the syntactic and discourse properties of the constructions (scale of finiteness, syntactic function, preservation of the dynamic verb semantics and category of absolute tense; [Vjal'sova 2008]; [Krapivina 2009]; [Say 2020]), a significantly smaller OIP effect was noted for participles. Results of an additional pilot study including free-interpretation of these constructions even further suggest that highly debatable posteriority interpretation in Russian non-finite clauses [Rappaport 1984; Shigurov 1991; Weiss 1995; Akimova & Kozintseva 2001; Khrakovskij 2003; Birzer 2010] to be a specific realization of OIP implicature for Russian perfective converbs and of an absolute past reference for Russian perfective past participles.

Keywords: converbs, participles, taxis, Order Iconicity Principle, non-simultaneity, implicature.

1. Introduction

Semantic-pragmatic interface is a rapidly developing field of linguistics, exploring the interaction of meanings comprising the explicit content of a proposition and those derived on the basis of conversational principles. Taxis relations are not an exception. Conceptualized differently in various theories (see [Muraviev 2017] for an overview) they involve relations of mutual characterization between two or more distinct states or events (eventualities) and their relative dislocation on the timescale in abstraction from the current state of communication (absolute tense, interlocutors' point of view etc.; [Jakobson 1957: 101]) or within an integral period: past, present, or future [Bondarko 1987: 234]. Types of taxis relations distinguished also significantly vary from one classification to another [Muraviev 2017: 20–33], but all of them share a three-partite distinction of simultaneity (1), and non-simultaneity, encompassing precedence (2) and posteriority (3)[11]. Other, non-temporal relations, such as cause, condition,

[11] Here I adopt a traditional (at least for Russian) terminology and refer to anteriority/posteriority as the relation, where the subordinate clause event temporally precedes/follows the situation expressed by the main clause

concession or goal, are alternatingly distinguished as equally prominent taxis relations, built over the primary temporal relations [Jakobson 1972: 101; Khrakovskij 2009: 35; Birzer 2010: 50–51; Muraviev 2017: 14], the periphery of taxis [Bondarko 1987] or non-taxis interpretative meanings [Tesnière 1988; Mel'čuk 1998].

(1) *Gary cooked dinner, while Mary danced in the hall* (Gary cooked and Mary danced simultaneously).
(2) *Gary cooked dinner after he bought the vegetables* (First Gary bought the vegetables and then he cooked dinner).
(3) *Gary cooked dinner before Sophie arrived* (First Gary cooked dinner and then Sophie arrived).

Importantly, taxis relations exert their influence on multiple language layers and closely interact with pragmatic properties of conversation [Muraviev, 2017: 5, 46–47] and, therefore, constructions denoting them are expected to be influenced by pragmatic implicatures, such as **Order Iconicity Principle (OIP)** [Khrakovskij 2009: 18; Muraviev 2017: 37; Padučeva 2017: 362; Kroeger 2018). Having a range of different terms (e.g., "Order-of-mentioning principle" [Clark & Clark, 1968], "Chronology Principle" [Tai 1985: 50], "maxim of succession by default" [Simone 1995: 162] or "principle of unmarked temporal interpretation" [Declerck 2006: 427]), it propagates the iconic correspondence of the predicates linear order and temporal sequence of the events they denote. It was shown to significantly affect the interpretation and processing of coordinate [Jansen 2008; Padučeva 2017; Khrakovskij 2009; Yevseyev 2012] and finite temporal constructions [Clark & Clark 1968; Suzuki 1972; Sasanuma & Kamio 1976; Natsopoulos et al. 1991; Ye et al. 2012]. There was, however, less consistency concerning the question, whether this principle is extended to non-finite taxis constructions, and one of the aims of this paper is, thus, to is to specify the scope of Order Iconicity Principle by examining OIP in Russian non-finite taxis constructions.

Another goal is to fill in a specific lacuna that concerns temporal interpretation of Russian perfective converbs (*deepričastija*) and participles (*pričastija*). Both constructions primarily function as sentential adjuncts [Testelets 2001], are part of the verbal inflection paradigm [Say 2020] and mainly pertain to the written speech usage. Russian converb is a clause linking device, combining verbal (base, event semantics, aspect, reflexiveness, government) and adverbial (immutability, secondary predication role) features and syntactically occupying an intermediate position between a clause and an adverb [Testelets 2001: 267]. Russian participle is an attributive non-finite verbal form, combining the features of the verb (lexical meaning, dependents, grammatical categories of mood, aspect and tense) and the adjective (noun modifier role, agreement on gender, number, case and animacy) [Say, 2011]. In terms of taxis, imperfective converbial and participial (at least the present one) forms are normally associated with simultaneity and perfective ones – with non-simultaneity [Krapivina 2009: 43–44, 48; Bikkulova 2011; Say 2014a: §3.3; Muraviev 2017]. However, while anteriority is assumed their basic taxis interpretation, it has been a matter of debate, whether these forms are able to denote posteriority [Weiss 1995; Krapivina 2009; Birzer 2010; Krave 2010; Bikkulova 2011; Say 2014b].

The two objects of this study possibly refer to one and the same phenomenon, which is why their interaction is observed in the current study. As posteriority reading for Russian perfective taxis forms was numerously reported to be dependent the iconic placement of the dependent clause after the main one [Rappaport 1984; Akimova & Kozintseva 1987; Khrakovskij 2003; Birzer 2010]), it seems rather plausible to be another manifestation of OIP implicature. The research questions are, thus, as follows: 1) Is OIP effect extended to non-finite taxis constructions? 2) If so, is there a difference in effect size due to syntactic, discourse and

(e.g., [Khrakovskij 2003]; [Krapivina 2007]; [Say 2020]), although there are contrasting points of view (e.g., [Givón 1990]; [Muraviev 2017]).

paradigmatic properties of the constructions? 3) Does posteriority interpretation in these constructions represent the inherent taxis meaning of a form or arise as an OIP implicature?

To address those questions, I present a series of self-paced reading experiments, where participants are presented with converbial and participial constructions in different contexts and are asked to judge the acceptability of a particular temporal interpretation. By attaining participants' interpretation acceptability judgements (IAJ) and interpretation latencies (RT), which are to serve as off-line and on-line measurements of temporal interpretation relative difficulty, I expect to arrive at a better understanding of the nature of posteriority interpretation in Russian non-finite clauses. Pilot free-interpretation experiment, where participants were supposed to suggest their own interpretation for the constructions, supplements the main experiment.

2. Order Iconicity Principle and its application

OIP is an implicature, constructed iconically from linear order and aspectual properties of the predicates and resulting in easier processing and higher frequency of iconic constructions, where temporal relations between the denoted events, correspond to the predicates' linear order. As most implicatures, it is cancelable (4) and sees obvious exceptions (5–6), when two or more perfective predicates have a common reference point and observation window [Khrakovskij 2009: 1].

(4) *My sygrali partiju v tennis i s"eli po xotdogu… Snačala poeli, a potom sygrali.*
'We played a game of tennis and ate a hot dog each… First we ate, and then we played'.

(5) *On potolstel i obrjuzg*. (Khrakovskij, 2009)
'He got fat and flabby'.

(6) *My nemnogo posideli i pogovorili o našix planax*. (Khrakovskij, 2009)
'We sat for a while and talked about our plans'.

I assume that it arises on the basis of the maxim of manner (submaxim "be orderly") [Grice 1975]. Assume, the speaker uttered "*Mary washed the dishes and wrote an email to her parents"*. Given the Standard Recipe and perfective telic predicates, the Listener would plausibly perceive the two events as following one another due to having clear-cut starting and final boundaries, signaling completion and "external view" on the two situations [Sichinava 2011; Padučeva 2017]. Assuming that the Speaker is cooperative and follows the maxim of manner, among the two possible non-simultaneity readings the iconic interpretation seems more plausible, facilitating sentence processing for the Listener. If s\he would have wanted to express the sequence of the events, inverse to the linear order of the predicates, he would have presented the events in an inverse order.

The OIP for coordinate structures with finite perfective verbs seems to be the most productive for coordinate structures (>90% iconic utterances in the corpus [Jansen 2008: 78; Yevseyev 2012], but is not limited to it, to a less of an extent affecting the interpretation of dependent finite temporal clauses with conjunctions 'before' and 'after' ([Clark & Clark 1968; Sasanuma & Kamio 1976; Natsopoulos et al. 1991; Jansen 2008], but see [Prideaux 1989; Jou & Harris 1990; Fedorova 2005]). The applicability of OIP, however, has not been thoroughly investigated for non-finite taxis constructions, although there is reasonable ground to assume, it is the case (e.g., converbs [König 1995: 75]). Similarly, to gradual difference between the workings of subordination and coordination [Cristofaro 2003], OIP principle could be a continuum-like property, which extends to different constructions with varying effectiveness.

Apart from the construction properties, the extent to which OIP effect is pronounced may also depend on the language under discussion, specific text discourse properties and personal style of the speaker\writer [Fedorova, 2005; Yevseyev 2012], involving different interpretation strategies used by different speakers. For instance, texts closer to oral speech exhibit OIP to a greater extent, as it is the most evident way to organize the text, whereas more narrative genres,

for which the text may be revised multiple times show less compliance with OIP [Yevseyev 2012: 52–53].

3. Posteriority reading and OIP in Russian perfective participles and converbs

Specialized posteriority, involving the event denoted by the dependent clause to temporally follow the event denoted by the main clause (7–8), is a relatively rare typological phenomenon for participles and converbs [Nedjalkov 1995: 131; Muraviev 2017: 13; Shagal 2017] and it is openly doubted to be present in Russian non-finite forms due to its high dependence on context and additional lexical means ([Shigurov 1991], [Weiss 1995], "natural chronology" and "deflexion" of [Lehmann 1998]; [Krapivina 2009: 47]) and rare occurrence in corpus [Birzer 2010; Bikkulova 2011; Yevseyev, 2012]. Furthermore, the only position where the posteriority meaning arises in Russian – postposition – is a favorable context for **non-temporal circumstantial interpretations** [Krave 2010]. Finally, perfective present (=future) participle, which can easily denote posteriority as its intrinsic meaning is relatively unproductive [Krapivina 2009].

(7) *On brosil papirosku na zemlju,* ***rastoptav*** *ee dvumja sliškom sil'nymi udarami nogi*. (Rappaport 1984, p. 86)
'He threw the cigarette on the ground, **having trampled** it with the two far too strong stomps of the feet'. (= First, he threw the cigarette, then he trampled it).

(8) *Vmeste s ètoj partiej priexal* ***stavšij pozdnee izvestnym*** *amerikanskij biznesmen Armand Xammer kak predstavitel' firmy Forda*. (Say, 2014b, §3.2.1.3.)
'Along with this party came the American businessman Armand Hammer, **who later became famous**, as a representative of the Ford company'. (= First the American businessman came, then he became famous).

This asymmetry in non-simultaneity interpretations preference, which I am to call General Anteriority Preference (GAP), is noted not only for converbs and participles, but is extended to dependent temporal clauses in general, as suggested by typological [Weiss 1995; Muraviev 2017: 15, 111; Shagal 2017] and corpus studies [Jansen 2008: 83; Yevseyev 2012: 60–67]. Anteriority being a more default and unmarked meaning for those [Khrakovskij 2009: 56] is understandably motivated by better compatibility with the backgrounding function of dependent taxis constructions and their tendency to code less important collateral information [Cristofaro 2003: 25–26; Yevseyev 2013: 574]. At the same time posteriority is the prerogative of foreground constituting independent constructions [Weiss 1995: 245; Hopper 1979: 214–215].

Despite that, posteriority is accepted by some authors as a separate taxis meaning for perfective converbs [Rappaport 1984; Akimova & Kozintseva 1987; Khrakovskij 2003; Birzer 2010] and participles [Say 2014b] in postposition or a specific realization of their basic "vague" meaning [Krave 2010: 7]. As clause order is assumed crucial for temporal interpretation of converbs [Birzer 2010; Onipenko & Bikkulova 2014; Givón 1990; Thompson & Longacre 1985; Chafe 1984; Kortmann 1991: 117–152; König 1995: 75–85; but see [Haspelmath 1995: 14], [Lehmann 1998: 116]), associated with specific discursive functions and information structure, it is expected to allow posteriority and follow OIP, which is supported by [Yevseyev 2012] (87.3% iconic order utterances for Russian perfective converbs), although less frequently in postposition, where OIP is commonly disrupted (47.7% non-iconic utterances; [Yevseyev 2012: 54–55]). Prepositive converbial clauses tend to serve as "guideposts" or coherence bridges between the preceding context and the main clause, often by means of introducing repeated, topical information and non-assignment of illocutionary force [Chafe 1984; Givón 1990; Thompson & Longacre 1985; Thompson, Longacre & Hwang 2007), and, thus, are more compatible with denoting events preceding or the main one [Hopper 1979]. Postpositive converbs, on the other hand, as "afterthoughts" having "a flavor of a separate, added comment" [Chafe 1984; Onipenko

& Bikkulova 2014] tend to preserve the line of the agent, are more prone to mark significant information [Givón 1990; Thompson & Longacre 1985; Thompson et al. 2007: 296; Say 2020: 50–52] and, therefore, are more compatible with posteriority taxis function [Hopper 1979].

As for the participles, if they follow OIP and allow posteriority readings in postposition, they are likely to do so in their non-restrictive (appositive) usage, introducing additional background information, being prosodically detached from the head [Krapivina 2009: 38–39; Say 2011: § 6.3.1] and typologically seen as structurally and semantically similar to conjunction constructions, even assumed to have coordinate constructions as an underlying syntactic representation [Thompson 1970; Cristofaro 2003].

Due to several syntactic, discourse and paradigmatic differences there are also reasons to assume that OIP would be more pronounced for converbs, than for participles and, similarly, posteriority interpretation would be more characteristic of the former, than the latter. To begin with, Russian converb modifies predicates, sentences or clauses, i.e., main situation as a whole [Nedjalkov 1995: 97], while Russian participle performs relative clause functions, modifying only the participants or elements of the situation [Krapivina 2007: 27–32]. Relative relations between the main and the subordinate clause are established on the basis of the participant they share, thus, time reference may be more or less irrelevant [Shagal 2017: 110]. Secondly, while converbial constructions involve subject coreference, control over the action and the same modality plan, this not essentially true for participles, proposing subjective link between the eventualities, united within the cognition of the speaker or observer [Vjal'sova 2008]. Furthermore, participles are generally worse at preserving the inherent verb dynamics and denote a temporally unfolding property or atemporal entity associated with the result of this action [Pušina 2009: 164–165; Verkhoturova 2012: 60] by providing a “summary scan” of the processual verb base [Langacker 1987: 76]. They primarily serve to organize the text, express background, descriptive and static information [Vjal'sova 2008: 18–20]. Moreover, as the category of absolute tense is more preserved for Russian participles, intricate interaction of the participial tense system with the aspectual properties of the base creates additional ambiguity between absolute or relative tense, complicating the definition of specific taxis meaning [Krapivina 2009; Say 2014a; Shagal 2017: 110–113; Say 2020: 605–609]. Finally, posteriority, similarly to general future reference is poorly compatible with the factual character of the information introduced by the participle as it often carries irrealis flavor. The fact that the states of affair, characterizing the participant of the main situation, are only to take place in the future (if they are at all), seems pragmatically inefficient with respect to the factual manner of eventualities representation by participles.

Based on the experimental, corpus and typological evidence presented, my hypotheses are as follows:

H1. OIP effect is present for Russian perfective participles and converbs, manifested in a) greater acceptability of iconic interpretations, b) shorter RTs, faster acceptability and longer rejection of iconic interpretations and vice versa for non-iconic ones.

H2. OIP effect is significantly more pronounced for Russian perfective converbs, manifested in significantly larger a) acceptability and b) interpretation speed difference for iconic and non-iconic interpretation.

H3. Posteriority interpretation is significantly acceptable for Russian perfective participles and converbs in postposition to the main predicate, even without contextual or lexical information in its support (=in a neutral context).

H4. Posteriority is significantly less acceptable for Russian perfective participles, manifested in smaller acceptability judgment ratings for this interpretation.

H5. Anteriority interpretation is more acceptable than posteriority interpretation for both Russian perfective converbs and Russian perfective participles and is easier processed, as indicated by faster RTs.

H6. There is a significant inter-participant variability

Another factor, influencing temporal interpretation is **"event coherence"** (*svjaznost sobytij*, [Fedorova 2005]) encompassing additional lexical, semantic or pragmatic cues (world knowledge, lexical meaning of the verb or "deflexion" [Lehman 1989], temporal adverbs etc.). Cases of these factors suggesting a preferred (frequent/typical) sequence for the two situations are called coherent situations (9), while cases, where there is no "standard" order for a set of situations – accidental (10).

(9) *Kostja zadul svechi na torte, zagadav zhelanie*.
'Kostja blew out the candle, having made a wish'.
(thinking of a wish usually comes before blowing out the candles)

(10) *Zhora protjor pyl' so shkafov, poliv tsvety*.
'Zhora wiped the dust off the bookshelves, having watered the plants'.
(dusting off the bookshelves and watering the plants can possibly occur in any sequence)

For asyndetic or coordinate constructions coherence weakens OIP effect, while for relative and complement clauses it strengthens it (42% → 61%; [Jansen 2008: 81]). Converbs are also shown to depend on the extralinguistic and contextual information cross-linguistically to override GAP and to denote iconic postpositive interpretation [König 1995; Kortmann 1995; Birzer 2010; Yevseyev 2012: 49–50; Muraviev 2017: 127]. Therefore, the following hypotheses are suggested:

H7. Event coherence, arguing in favor of anteriority, would significantly facilitate the corresponding interpretation, manifested in a) increased acceptability of the consistent interpretation an b) reduced RTs.

H8. Event coherence, arguing in favor of anteriority, would block posteriority interpretation regardless of its position.

A series of experiments conducted to test for those hypotheses is described in the following section.

4. Methods

Three experiments, involving a self-paced reading task and an interpretation acceptability judgment task, were hosted online on the IbexFarm[12] (Experiment 0–1) and its more recent replacement – PCIbex platform ([Zehr & Schwarz 2018]; Experiment 2)[13]: one with Russian perfective converbs (Experiment 0) and two experiments with participles, relativizing subject (**participle (subj)**; Experiment 1) or adjunct NP (**participle (adj)**; Experiment 2). Participants read the target sentences, varying by Clause Order and Coherence (presence\absence of a contextual support in favor of anteriority interpretation), regulating their appearance as a full sentence with the space bar, and accepted ("yes"/J) or rejected ("no"/F) the interpretations suggested in a form of an explicit finite temporal construction consistent with posteriority or anteriority interpretation of the stimuli (Fig. 1). Participants' answers and RTs were recorded, serving as the indicators of relative interpretation acceptability and processing difficulty.

[12] https://github.com/addrummond/ibexfarm

[13] Demo version of Experiment 2: https://farm.pcibex.net/r/duxrEJ/. Due to the closure of IbexFarm, materials and code of Experiments 0–1 are available here.

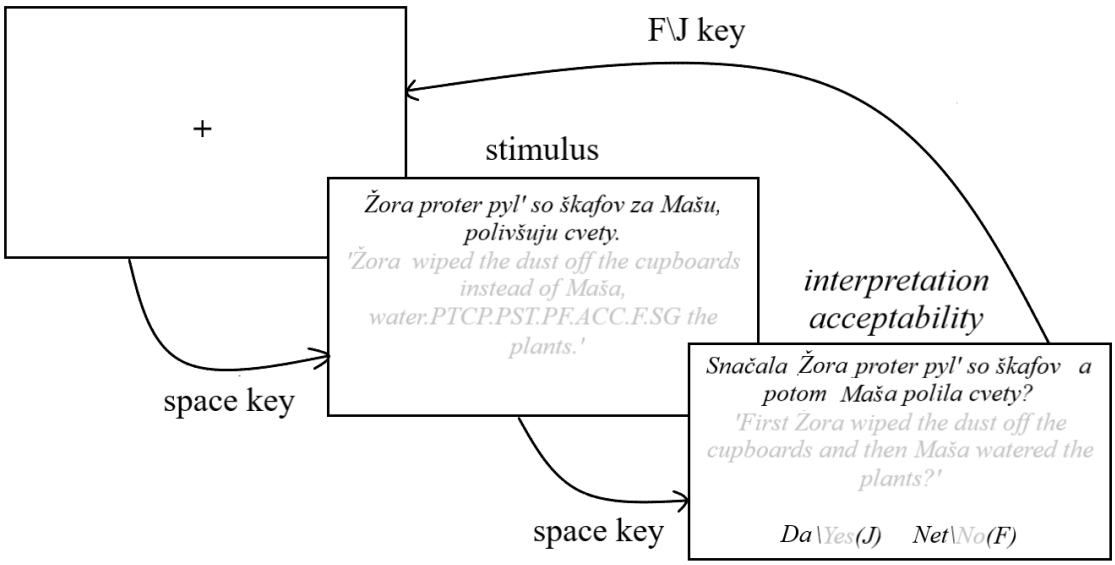


Figure 1. Experimental procedure

Each of the experiments was conducted in Russian and contained 128 stimuli in total, distributed among 4 experimental lists (8 for Experiment 0) in a Latin square design, and 24 fillers, the same for each list. There were 16 stimuli for each of 8 experimental conditions (Clause Order (2) * Coherence (2) * Question Type (2)). Stimuli contained perfective processual transitive past tense predicates, were balanced by length between the groups (6–7 phonetic words, 33–70 symbols). Dependent clause was shorter than the main one by 2 (Exp. 0, Exp. 1) or 3 (Exp. 2) phonetic words. Examples of the stimuli are presented below (a full list is available in the Appendix):

(11) Exp 0. Coherent stimulus, converb in preposition
Pojmav maršrutku, Lëva peredal den'gi za proezd.
‘Having caught the minibus, Lev handed over the money for the trip’.

(12) Exp 0. Coherent stimulus, converb in postposition
Lëva peredal den'gi za proezd, pojmav maršrutku.
‘Lev handed over the money for the trip, having caught the minibus’.

(13) Exp 0. Accidental stimulus, converb in preposition
Poliv cvety Žora proter pyl' so škafov.
‘Having watered the flowers, Zhora wiped the dust from the shelves’.

(14) Exp 0. Accidental stimulus, converb in postposition
Žora proter pyl' so škafov, poliv cvety.
‘Zhora wiped the dust from the shelves, having watered the flowers’.

(15) Exp 1. Coherent stimulus, participle (subj) in preposition
Pojmavšij maršrutku Lëva peredal den'gi za proezd.
‘Lev, who caught the minibus, handed over the money for the trip’.

(16) Exp 1. Coherent stimulus, participle (subj) in postposition
Lëva, pojmavšij maršrutku, peredal den'gi za proezd.
‘Lev, who caught the minibus, handed over the money for the trip’.

(17) Exp 1. Accidental stimulus, participle (subj) in preposition
Polivšij cvety Žora proter pyl' so škafov.
‘Zhora, who had watered the flowers, wiped the dust from the shelves’.

(18) Exp 1. Accidental stimulus, participle (subj) in postposition
Žora, polivšij cvety, proter pyl' so škafov.
‘Zhora, who watered the flowers, wiped the dust from the shelves’.

(19) Exp 2. Coherent stimulus, participle (adj) in preposition
Za Lenu, pojmavšuju maršrutku, Lëva peredal den'gi na proezd.
‘For Lena, who caught a minibus, Lev handed over the money for a ride’.

(20) Exp 2. Coherent stimulus, participle (adj) in postposition
Lëva peredal den'gi na proezd za Lenu, pojmavšuju maršrutku.
‘Lev handed over the money for a ride for Lena, who caught a minibus’.

(21) Exp 2. Accidental stimulus, participle (adj) in preposition
Za Mašu, polivšuju cvety, Žora proter pyl' so škafov.
‘Instead of Maša, who watered the plants, Žora wiped the dust off the shelves’.

(22) Exp 2. Accidental stimulus, participle (adj) in postposition
Žora proter pyl' so škafov za Mašu, polivšuju cvety.
‘Zhora wiped the dust from the shelves for Masha, who watered the flowers’.

In Exp. 1 participles relativized the subject of the main clause and critical items were identical to the ones from Experiment 0, involving only a change in verb form (*sdelav* do.CVB.PST.PF → *sdelavšij* do.PTCP.PST.PF.M.SG). As participles cannot be detached from their nominal head – the subject – which has a prototypical position in the beginning of the sentence, clause order was not manipulated in this case and no OIP effect or posteriority acceptability was expected, serving as a baseline. Exp. 2 contained participial clauses relativizing an adjunct situated in a prepositional group, which has a less fixed position and its displacement minimally changes the Information Structure in comparison with the subject or direct object making it easier to manipulate Clause Order. Lexical and semantic content of the stimuli was modified minimally and the stimuli were balanced on preposition (*dlja* ‘for’, n=4; *za* ‘on account of’, n=4; *s* ‘with’, n=8) and the length of the sentence ($mean_{acc}$=59.9, SD_{acc}=5.1; $mean_{coh}$=59.9, SD_{coh}=5.7; t-test; t = 0.64775, df = 27.767, p>0.52) and Coherence factor in a separate questionnaire. 11–15 native Russian speakers, who were not the participants of the main experiments, evaluated each pair of events presented as coordinate clauses on two 4-value scales: 1) acceptability of the order in which the events were presented; 2) acceptability of the inverse event order. There is a significant difference between those groups in inverse order acceptability (Exp. 0–1: $mean_{acc}$=3.87; SD_{acc}=0.16; $mean_{coh}$=1.73; SD_{coh}=0.51; paired WilcoxTest; p<0.001; Exp. 2: $mean_{coh}$=1.693; $mean_{acc}$=3.449; Welch Two Sample t-test; t=–18.53, df=27.005, p<0.001).

Fillers were finite coordinate ‘and’ constructions with coreferent (Exp. 0–1; 23) and non-coreferent subjects (Exp. 2; 24) to match the stimuli.

(23) *Petja$_i$ namotal na šeju šarf i Ø$_i$ zavjazal botinki*.
‘Petya$_i$ wrapped a scarf around his neck and Ø$_i$ tied his shoes’.

(24) *Petja namotal na šeju šarf i Žora zavjazal botinki*.
‘Petya wrapped a scarf around his neck and Zhora tied his shoes’.

Overall, 245, 120 and 134 Russian native speakers of 20–57 years of age (mean = 31, SD = 5.4) participated in Exp. 0, 1 and 2, respectively, after the exclusion of the results of inaccurate

respondents (reading times > 500 ms for more than 20% of the stimuli or > 50% incorrect answers to the control stimuli). Prior to the analysis I also excluded answers with RT outside range 500–10.000 ms (3.4% of the data). There was 42.5%–57.5% distribution between males and females in all three experiments and the majority of the participants in all experiments had a higher education degree (Exp. 0: 45.7%; Exp. 1: 58.3%; Exp. 2: 49.3%), but some only secondary (Exp. 0: 32.2%; Exp. 1: 25%; Exp. 2: 34.3%) and unfinished higher education degree (Exp. 0: 22%; Exp. 1: 16,7%; Exp. 2: 16.4%). All participants gave an informed consent.

Additionally, 11 Russian native speakers (13–55 years of age; mean=37; SD=16.4; f=7), who did not participate in the main experiments, took part in a pilot free-interpretation experiment and were asked to give the first temporal interpretation coming to mind in a free oral form for the same stimuli as in the Exp. 0 and 2. The only difference is that contexts, where natural chronology supports posteriority interpretation (25), were additionally included.

(25) *Anton zasušil polevye cvety dlja Kati, sostavivšej krasivuju èkibanu*.
‘Anton dried wildflowers for Katya, who made a beautiful ekibana’.

5. Results and Discussion

This section presents the results attained and discusses their implications. Statistical analysis included the application of mixed-effects linear regression model for log-transformed RT and mixed-effects logistic regression model for the binary IAJ. Clause order, interpretation and coherence were included as treatment-coded independent variables and individual participants and stimuli – as random effects.

5.1. OIP effect in different constructions

Starting with the main effect of OIP, it is significantly pronounced in IAJs for all constructions, where clause order is manipulated, but not participles (subj) (50.4% vs. 50.6%; p=0.87), which did not change their disposition with respect to the main predicate (Fig. 2). For coordinate clauses (93.1% vs 4.7%; p<0.001), converbs (72.7% vs 28.1%; p<0.001) and participles (adj) (50.9% vs. 46%; p<0.03) iconic interpretation is significantly more appropriate, confirming the hypothesis H1a[14]. Expectantly (hypothesis H2a), the extent of OIP prominence depends on the construction type: it is more pronounced for coordinate constructions than for perfective converbs (93.1% vs 72.7%; p<0.001) and the least – for participles (adj) (50.9% vs. 46%; p<0.001).

[14] Notably, these results were unaffected by the general acceptance bias, reflecting overall preference to accept an interpretation, rather than to reject it, irrespective of what is this interpretation is, was found (p>0.9).

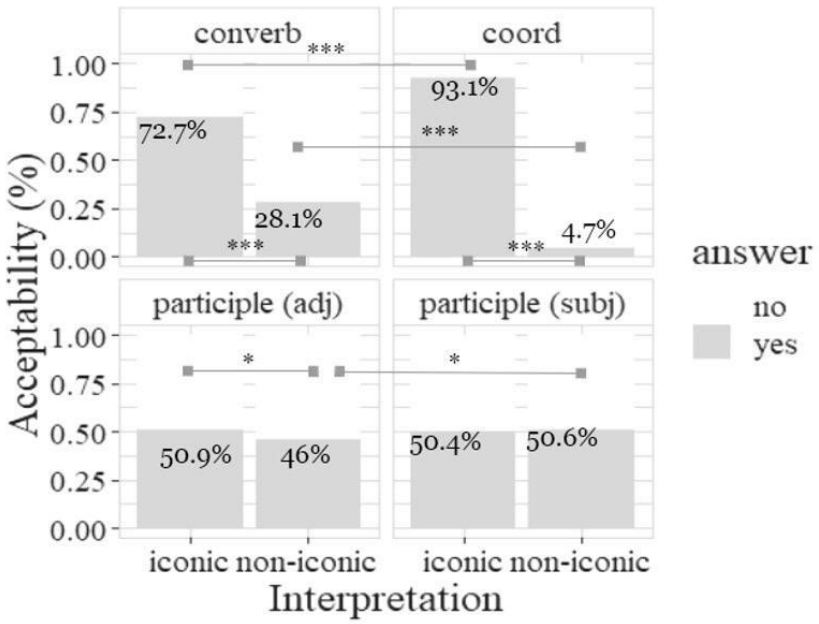


Figure 2. Interpretation acceptability for different construction types, depending on the Order Iconicity (neutral contexts only)

RTs showed clear OIP consistent patterns only for converbs and coordinate clauses: decision about the interpretation acceptability is significantly faster made for iconic interpretations (conv: –132.7 ms, $p<0.05$; coord: –163.4 ms, $p<0.025$; part: $p>0.05$; fig. 3), accepting iconic interpretation was faster than rejecting it (conv: –731.7 ms, $p<0.001$; coord: –452.6 ms, $p<0.0035$), negating non-iconic interpretation was faster than negating iconic interpretation (conv: –508.3 ms, $p<0.001$), non-iconic interpretation was faster (and, thus, easier) rejected than accepted (coord: –524.2 ms, $p<0.001$; conv: –392.6 ms, $p<0.001$) and accepting iconic interpretation was faster than accepting non-iconic one (conv: –616 ms, $p<0.001$; coord: –767.7 ms, $p<0.001$; fig. 4). For participles (subj) there was general acceptance bias: accepting both iconic (–291.2 ms, $p<0.001$) and non-iconic interpretation (–291.2 ms; $p<0.001$) was faster than rejecting it. Participles (adj) take an intermediate position between those two poles, showing both OIP and acceptability bias patterns. On one hand, negating non-iconic interpretation was faster (and, thus, easier) than negating iconic interpretation (–87.6 ms, $p<0.013$). On the other hand, accepting both iconic (–182.2 ms, $p<0.001$) and non-iconic interpretation (–182.2 ms, $p<0.001$) was faster than rejecting it.

These results highlight the continuum-like nature of OIP effect applicability and support hypotheses H1b and H2b. The effect is, indeed, less pronounced for dependent constructions, which are worse at dynamics preservation and discourse continuation, involve factive information transmission and having a narrow modification scope. Besides, coordinate clauses and participles (subj) seem to be easier for temporal interpretation, than converbs and participles (adj) (coord << part (adj); –181.5 ms; $p<0.0015$; coord << conv; –342.8 ms; $p<0.03$; part(subj) << conv; –306.5 ms; $p<0.0035$) possibly reflecting the inherent ambiguity of the latter constructions.

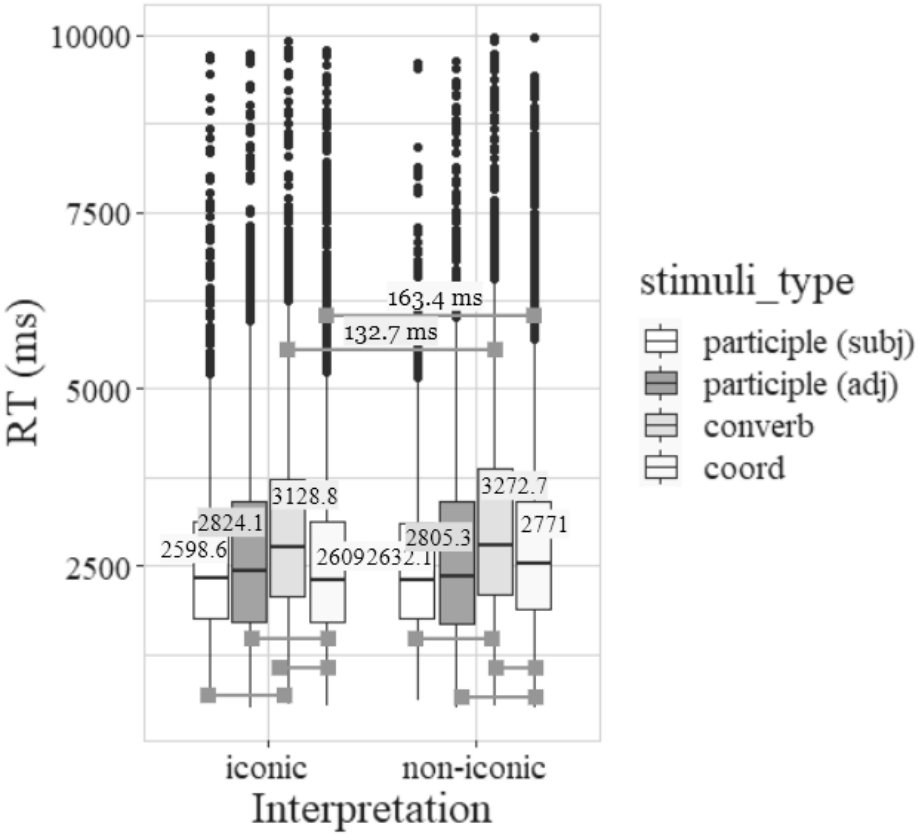


Figure 3. RTs for different construction types, depending on the Order Iconicity (neutral contexts only)

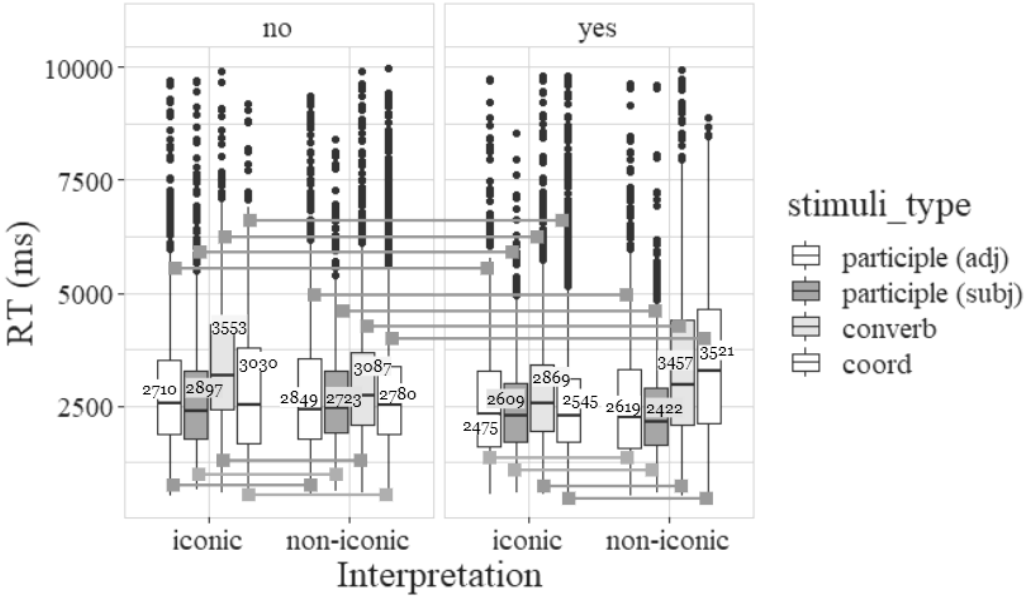


Figure 4. RTs for different construction types, depending on the Order Iconicity and Answer (neutral contexts only)

5.2. Anteriority and posteriority acceptability

In this section relative acceptability of anteriority and posteriority interpretations in different contexts would be regarded. Consistently with the **GAP effect**, anteriority is indeed more acceptable ($p<0.001$; Fig. 5) and processed faster than posteriority for all dependent

constructions (conv: (–163 ms; p<0.001; part (adj): –201 ms; p<0.001; part (subj): –192 ms; p<0.001; Fig. 6) as a significantly more prototypical interpretation, consistent with backgrounding discourse function of dependent taxis constructions [Hopper 1979; Thompson 1987; Jansen 2008; Vjal'sova 2008; Yevseyev 2013]. This confirms the hypothesis H5.

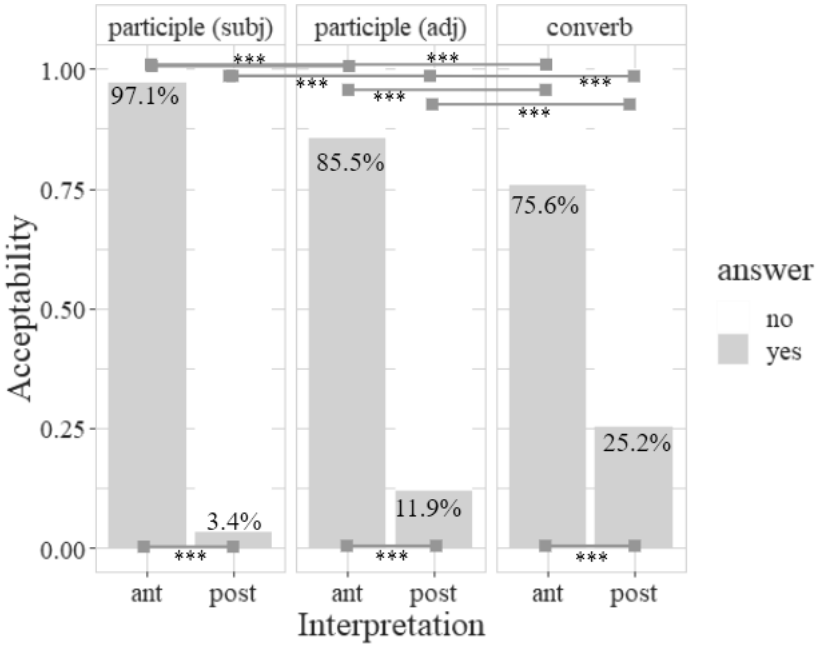


Figure 5. Interpretation acceptability for different construction types, depending on the Interpretation (neutral contexts only)

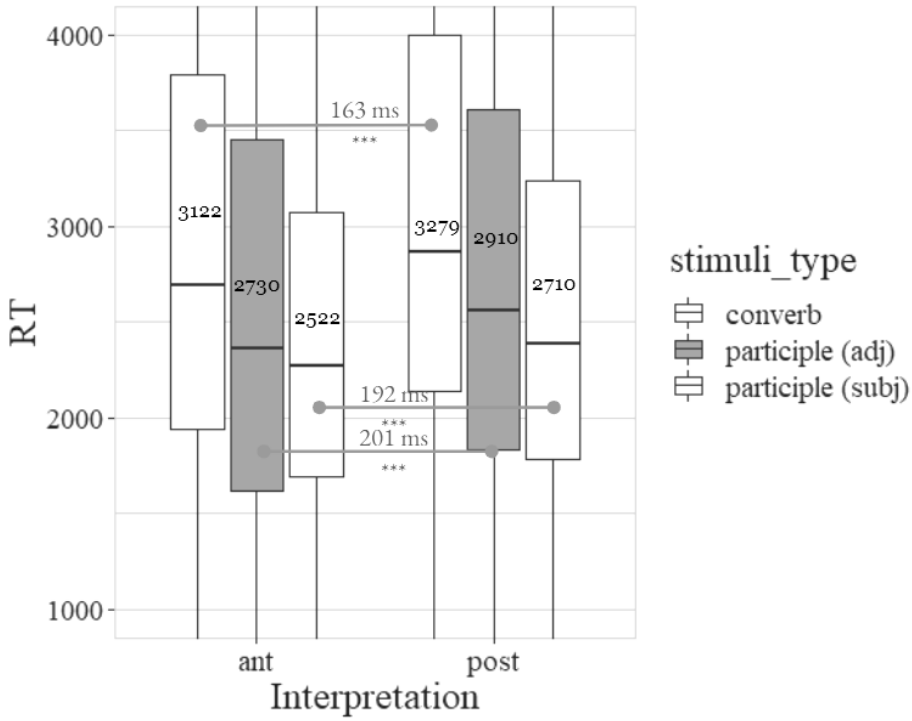


Figure 6. RTs for different construction types, depending on the Interpretation (neutral contexts only)

Posteriority, nevertheless**,** is still marginally acceptable for Russian perfective converbs in postposition, with below or around chance possibility, when context and our world knowledge do not contradict this interpretation (Fig. 7), and above chance, when there is lexical or contextual prompt in favor of this interpretation (free-interpretation experiment; Table 1; 69.57%). At the same time, anteriority interpretation became less probable than chance in posteriority-coherent contexts (30.43%). The only context of ambiguity, where anteriority and posteriority are not significantly different in acceptability, is postposition of a converb in a neutral context (53.4% vs. 47.5%; $p>0.07$). As we can see in Fig. 7, Clause Order significantly affected the interpretation of converbs (43.3% difference in a neutral context; $p<0.001$) and marginally – the interpretation of participles (adj) (5–6% difference; $p<0.015$), but not participle (subj) ($p>0.6$), supporting hypothesis H3. Furthermore, posteriority is in general more acceptable for converbs, than for participles (adj) and even more so than participles (subj) (25.2% vs. 11.9% vs. 3.4%; $p<0.001$), speaking in favor of the hypothesis H4. The difference in narrative status of the events, denoted by the constructions, their syntactic function, cognitive representation of the event and absolute tense category preservation, indeed, largely influences posteriority acceptability.

Russian perfective participles, however, are peculiar with respect to the unboundedness of posteriority interpretation to postposition, allowing posteriority even in preposition (9.3%; $p<0.003$). Moreover, in free-interpretation experiment only participles received absolute past reading (21%; Table 1), indicating that absolute tense category has an immediate effect on their temporal interpretation. It also suggests that posteriority interpretation could arise not due to OIP, but general past tense reference.

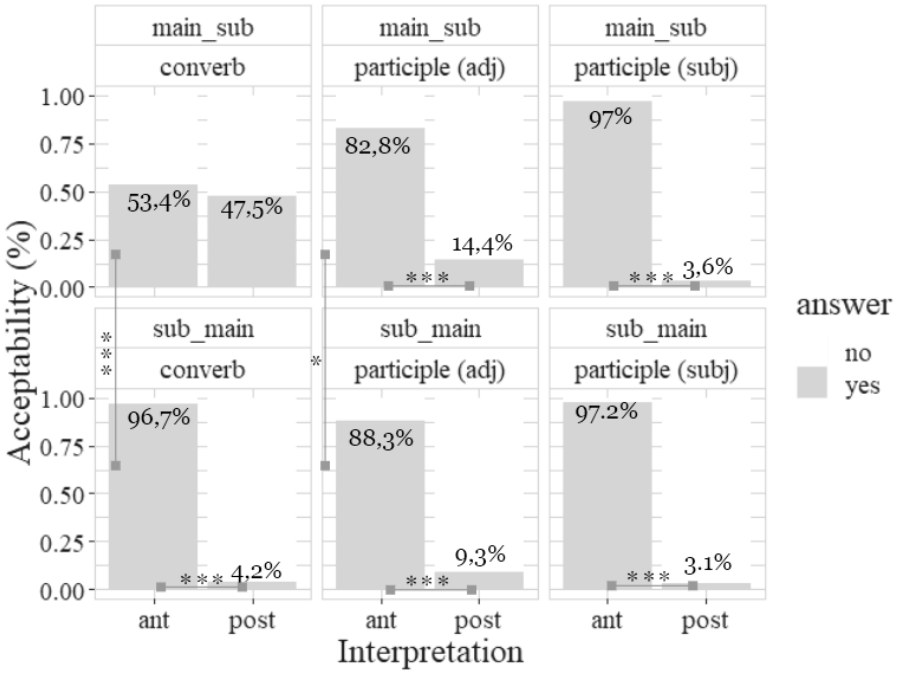


Figure 7. Interpretation acceptability for different construction types, depending on the Clause Order and Interpretation (neutral contexts only)

Table 1

First interpretation of past tense stimuli, depending on the construction, coherence and clause order

			first interpretation			
construction	coherence	Order	absolute past	anteriority	posteriority	simultaneity
converb	accidental	main-sub		72.73%	27.27%	
		sub-main		95.45%	4.55%	
	anterior	main-sub		95.45%	4.55%	
		sub-main		100.00%		
	posterior	main-sub		30.43%	69.57%	
		sub-main		68.18%	31.82%	
participle	accidental	main-sub	4.35%	78.26%	8.70%	8.70%
		sub-main	13.04%	73.91%		13.04%
	anterior	main-sub		95.65%	4.35%	
		sub-main		95.83%	4.17%	
	posterior	main-sub	3.70%	37.04%	59.26%	
		sub-main		62.50%	37.50%	

5.3. Influence of the Event Coherence

Event coherence was shown to play an important, but not defining role in temporal interpretation of taxis, contradicting Narrative Event Chronology approach [Lehmann 1998; Fedorova 2005; Birzer 2010]. Acceptability of converbial interpretations in the main experiment were affected up to 25% ($p<0.001$; Fig. 8) and acceptability of participial constructions – up to 5% ($p<0.02$), with anteriority becoming more acceptable in coherent contexts, lexically or pragmatically supporting it, and posteriority becoming less acceptable, but only in postpositive contexts, where there is competition between several possible meanings. Coherence had more of an effect in free-interpretation experiment, totally blocking posteriority in anteriority consistent contexts for both converbs and participles and deflating the difference in posteriority acceptability in a neutral context in postposition vs. preposition for converbs (27.3% vs. 4.6%) and participles (8.7% vs. 0%; Table 1). Nevertheless, in cases when clause order supported anteriority and coherence – posteriority, these situations were resolved in favor of anteriority. Therefore, the hypothesis H7 is supported, while H8 is not, implying that clause order is a much more significant parameter of temporal interpretation, than was suggested by Narrative Event Chronology approach [Lehmann 1998]. For Russian perfective participles, on the other hand, Event Coherence seems to be the only deciding factor for posteriority interpretation to arise (Table 1).

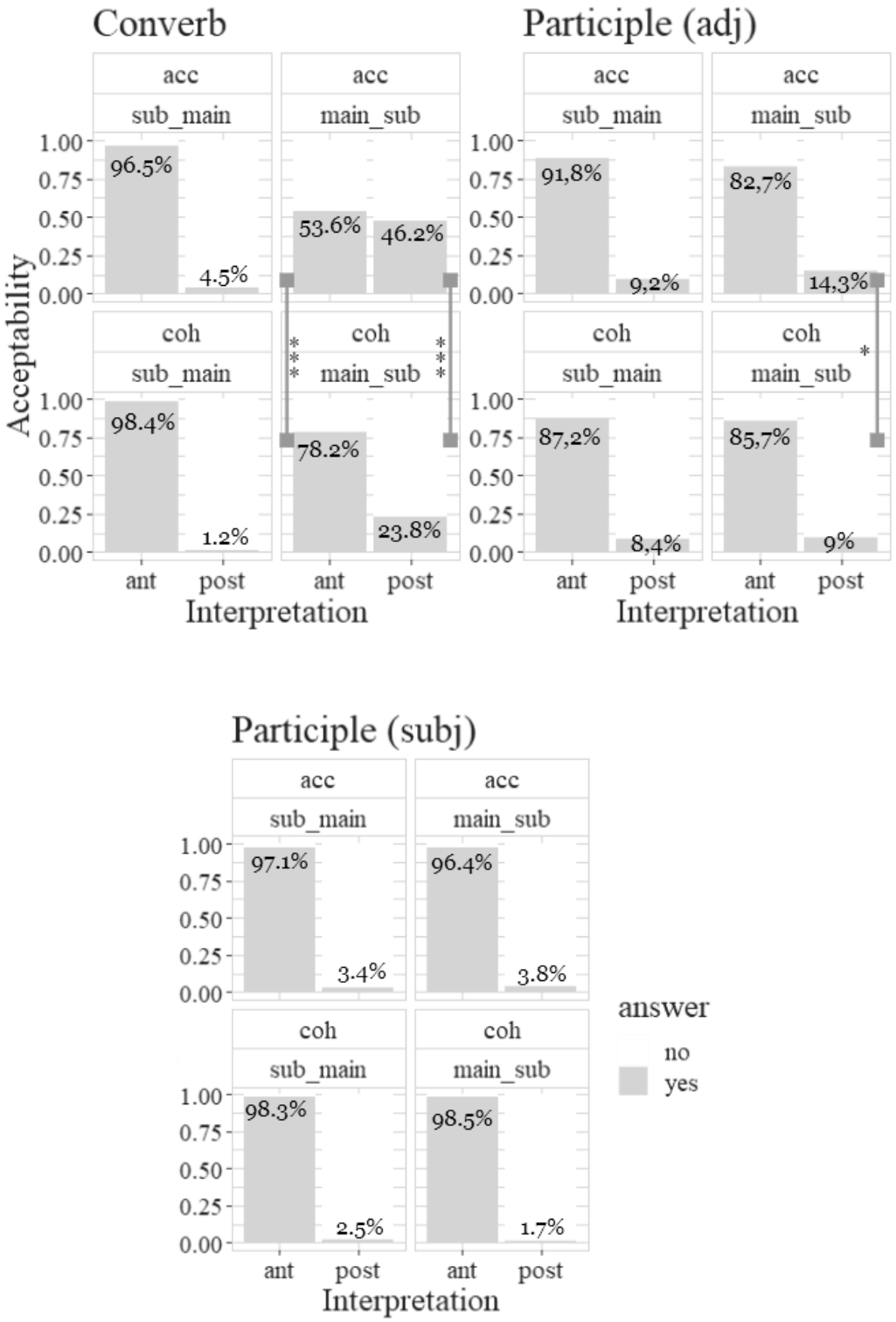


Figure 8. Interpretation acceptability depending on the Coherence, Clause Order and Stimuli Type

5.4. Inter-participant variation

Despite the common patterns observed so far, tendency to follow OIP is subject to inter-participant variation in accordance with [Yevseyev 2012] and hypothesis H6. Mean acceptability scores distribution shows three major groups, who interpret postpositive perfective converb as denoting predominantly anteriority (~100), predominantly posteriority (~80) and having 50\50 distribution of the interpretations (~60; fig. 9–10). These two interpretations have a weak tendency to be mutually exclusive for the same participant: the more s\he accepts anteriority, the

less s\he accepts posteriority and vice versa (cor=–0.569; t=–10.63, df=236; p<0.001; Fig. 11). This implies that people tend to adhere to either OIP or GAP, although there are many intermediate cases.

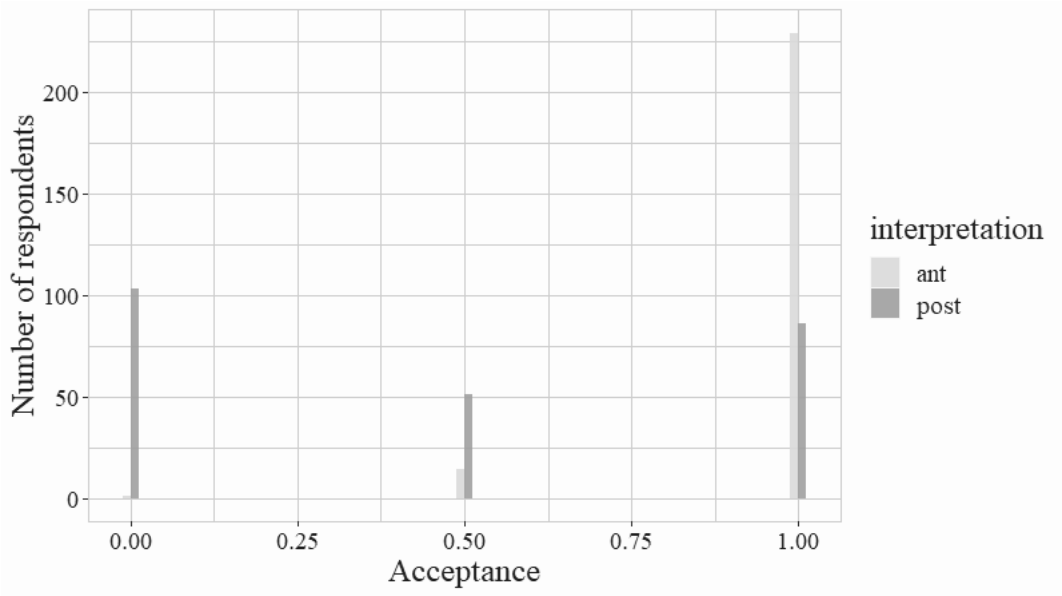


Figure 9. Distribution of mean interpretation acceptability (per participant) scores for converbs when the order is iconic

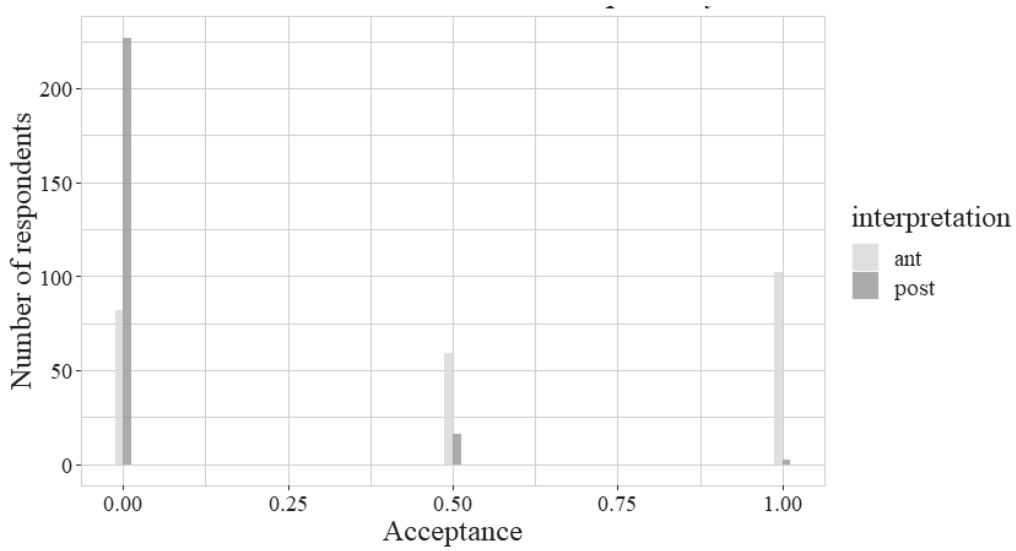


Figure 10. Distribution of mean interpretation acceptability (per participant) scores for converbs when the order is non-iconic

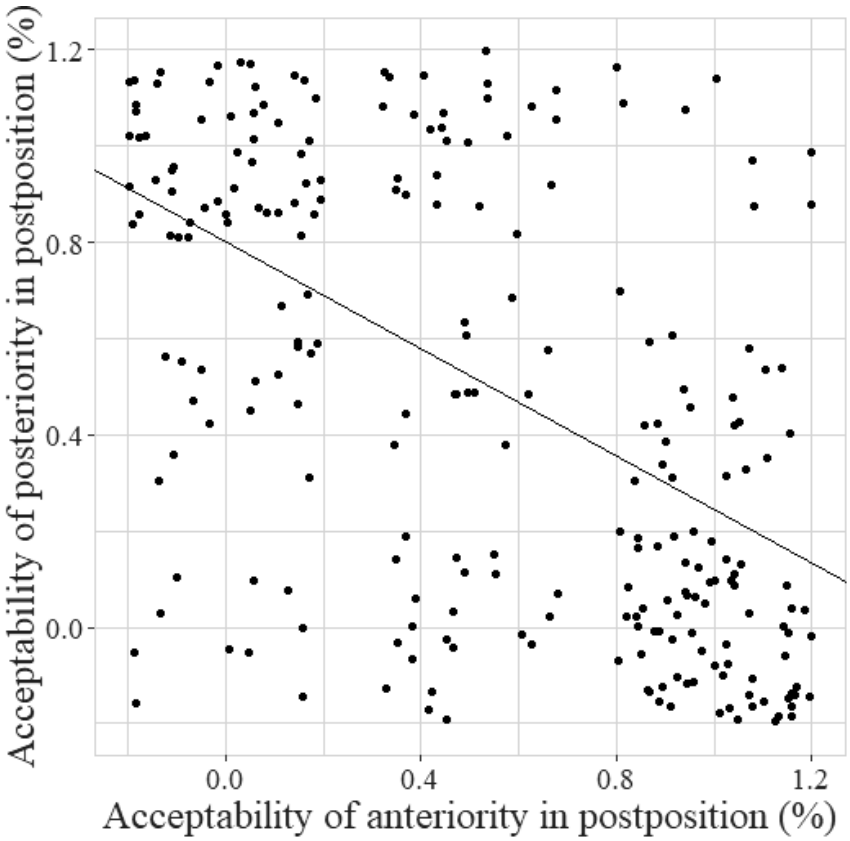


Figure 11. Distribution of mean converb interpretation acceptability (per participant) scores for when the order is non-iconic

Additional analysis of the participants profile suggests, that higher education experience reduces the order iconicity preference for converbs by approximately 8% ($p<0.008$) and self-reported usage frequency of converbs in written speech is negatively correlated with the extent of OIP reliance by participant (slope=–0.07142, SD=0.02490, t=–2.869, $p<0.02$), while self-reported exposure to participles in oral speech is positively correlated with it (slope=0.04532, SD=0.01352, t=3.353, $p<0.009$). It is on a par with claims that order iconicity and language linearization are of more importance in oral speech [Chafe 1984; Kortmann 1995; Yevseyev 2012), whereas in written speech the focus is on shaping the narration and (re)structuring the text so that it better fits the aim of composition.

5.5. Posteriority: a taxis relation or an OIP implicature?

Given the results, posteriority reading for Russian perfective converbs is unlikely to comprise a taxis relation. It is quite marginal in comparison with anteriority and without contextual strengthening is restricted to only certain idiolects predominantly in oral discourse. I propose that it is a specific manifestation of OIP implicature, derived on the basis of maxim of manner [Grice 1975]. As is common for implicatures, especially temporal ones (e.g., Cessation Temporal Inference [Cremers at al. 2018]), OIP in case of Russian perfective converbs is not conventional, arising more frequently than chance only with the help of additional lexical or pragmatic means (e.g., world knowledge, deflexion, temporal adverbs etc.) in contrast to sequential meaning ('and then') for coordination, where sequential reading is "built up from the explicit content of the utterance by conceptual strengthening" [Kroeger 2018: 162–165, 170] and affects the truth values of the sentence [Levinson 2000]. In case of Russian perfective converbs the implicature is rather weak due to the contradicting GAP and competition with coordinative constructions – a more prototypical means to code an iconic sequence.

For perfective participles OIP is further inhibited by weaker dynamic preservation, absolute past reference restrictions, more pronounced backgrounding functions, factivity of the information about the main event participant and restricted scope of relativization. I assume posteriority to be one of the realizations of its vague temporal meaning, lying on the intersection of general past reference and non-simultaneity taxis relation incurred by perfective aspect.

6. Conclusion

In this study, I presented experimental evidence for Order Iconicity Principle (OIP) extending to non-finite taxis constructions on Russian material, although to a less extent than for finite coordinate and temporal subordinate clauses. OIP effect was also dependent on the narrative status and cognitive representation of the events, denoted by the construction, its syntactic function and absolute tense category preservation and, therefore, less pronounced for participles, than for converbs. This study also presents some evidence in favor of posteriority interpretation for Russian perfective converbs as a specific realization of OIP implicature based on the submaxim of manner ("be orderly"; [Grice 1975]) rather than taxis meaning. Its infrequency is arguably due to concurrent General Anteriority Prominence and coordinate clauses as more prototypical means to denote a succession of events. For Russian perfective participles I assume posteriority to be a realization of its absolute past reference.

References

Akimova, T., Kozintseva, N. *Zavisimyj taksis (na materiale deepričastnyx konstrukcij)* [Dependent taxis (on the basis of converbial constructions)]. // *Teorija funkcional'noj gramatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Taksis* [Functional grammar theory: Introduction. Aspect. Taxis] / Bondarko, A. (Ed.) — 1987 — Leningrad: Nauka [Science] — Vol. 25.

Bikkulova, O.S. *Deepričastie* [Converb] In Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru), 2011.

Birzer, S. *Russkoe deepričastie. Processy grammatikalizacii i leksikacii* [Russian converb. Processes of grammaticalization and lexicalization] — München: Otto Sagner, 2010 — 284 p.

Bondarko, A. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis.] — Leningrad: Nauka [Science], 1987 — 352 p.

Chafe, W. How people use adverbial clauses. // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society — 1984. — Vol. 10 — Pp. 437–449.

Clark, H. H., Clark, E. V. Semantic distinctions and memory for complex sentences // Quarterly journal of experimental psychology — 1968. — Vol. 20(2) — Pp. 129–138.

Cremers, A., Kane, F., Tieu, L., Kennedy, L., Sudo, Y., Folli, R., Romoli, J. Testing theories of temporal inferences: Evidence from child language // Glossa: a journal of general linguistics — 2018 — Vol. 3(1) — Pp. 1–21.

Cristofaro, S. Subordination — OUP Oxford, 2003 — p. 354

Declerck, R. The Grammar of the English Verb Phrase. Vol. 1. The Grammar of the English Tense System. — Berlin / New York, 2006 — p. 553

Fedorova, O. *Pered i posle: čto prošče? (Ponimanie složnopodčinennyx predloženij s pridatočnymi vremeni)* [Before and after: which is easier? (Understanding complex sentences with subordinate tense clauses)] // *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language] — 2005 — Vol. 54. — Pp. 44–58.

Givón, T. Topic continuity in discourse — Amsterdam: John Benjamins, 1984 — p. 41.

Givón, T. Iconicity, Isomorphism and Non-Arbitrary Coding in Syntax. In Haiman, J. (ed.). Iconicity in Syntax — Amsterdam / Philadelphia, 1985 — Pp. 187–219.

Givón, T. Syntax: a functional-typological introduction: 2V. — Amsterdam: Benjamins Pub. Co, 1990

Grice, H. P. Logic and conversation. // Speech acts — Brill, 1975 — Pp. 41–58.

Haspelmath, M., König, E. Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms-adverbial participles, gerunds. — Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 1995 — p. 565.

Hopper, P. J. Aspect and foregrounding in discourse. // Discourse and syntax — Brill, 1979. — Pp. 211–241.

Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb — De Gruyter Mouton, 1957. — Pp. 41–58.

Jansen, F. Order of mention and the position of temporal clauses in Dutch complex sentences // Segmentation in Discourse — 2008. — Vol. 77. — Pp. 77–85.

Jou, J. &. Harris, R. J. Event Order versus Syntactic Structure in Recall of Adverbial Complex Sentences // Journal of psycholinguistic research — 1990 — Vol. 19. — Pp. 21–42.

Khrakovskij, V. S. *Kategorija taksisa (obščaja xarakteristika)* [Taxis category (general characteristics)] // *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language] — 2003 — Vol. 2. — Pp. 32–54.

Khrakovskij, V. S. *Taksis: semantika, sintaksis, tipologija.* [Taxis: semantics, syntax, typology.]. // *Tipologija taksisnyx konstrukcij* [Typology of taxis constructions] — 2009 — Pp. 8–100.

König, E. The meaning of converb constructions. // Haspelmath, M. / König, E.(eds). Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds. — Berlin – New York, 1995 — Pp. 57–96

Kortmann, B. Adverbial participial clauses in English. // Haspelmath, M. / König, E.(eds). Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds. — Berlin – New York, 1995 — Pp. 189–237.

Krapivina, K. A. *Pričastnyj taksis v russkom jazyke* [Participial taxis in Russian]: Bachelor’s Thesis — St. Petersburg State University. 2009

Krave, M. F. Russian converbs–temporal interpretation and information structure // Bergen Language and Linguistics Studies — 2010 — Vol. 1. — Pp. 1–16

Kroeger, P. *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics*. —Language Science Press, 2018 — p. 502..

Langacker, R. W. Nouns and verbs // Language — 1987 — Vol. 63. — Pp. 53–94.

Lehmann, V. *Zeitliche Kohärenz* [Temporal coherence] // *Slavistische Linguistik* [Slavic linguistics] — 1997 — Pp. 101–123.

Levinson, S. Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature: Master Thesis — MIT Press, 2000.

Mel'čuk, I. *Kurs obščej morfologii* [General morphology course] // *Jazyki russkoj kul'tury* [Languages of Russian culture], Vol. I. — Mocsow, 1997.

Muraviev, N. *Taksis i taksisnye formy v jazykax mira: taksonomija i tipologija* [Taxis and taxis forms in the languages of the world: taxonomy and typology]: PhD Thesis — Moscow, 2017

Natsopoulos, D., Mentenopoulos, G., Bostantzopoulou, S., Katsarou, Z., Grouios, G., & Logothetis, J. Understanding of relational time terms before and after in Parkinsonian patients // Brain and language — 1991 — Vol. 40(4) — Pp. 444–458.

Nedjalkov, V. P. Some typological parameters of converbs. // Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms-adverbial participles, gerunds. — Berlin – New York, 1995 — Pp. 97–136.

Onipenko, N. K., Bikkulova, O. S. *Semantiko-sintaksičeskie vozmožnosti russkogo deepričastija* [Semantic and syntactic possibilities of Russian adverbial participle] // Stilistika segodnja i zavtra [Stylistics of today and tomorrow] — 2014 — Pp. 267–270.

Padučeva, E. *Semantičeskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of time and aspect in Russian; Narrative Semantics]. — Litres, 2017.

Prideaux, G. D. Text Data as Evidence for Language Processing Principles: The Grammar of Ordered Events // Language Sciences — 1989 — Vol. 11(1). — Pp. 27–42.

Pušina, N. I. *Neličnye formy glagola v onomasiologičeskom i kognitivnom aspektax* [Non-personal verb forms in onomasiological and cognitive aspects] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija»* [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"] — 2009 — Vol. 1 — 160–172.

Rappaport, G. C. Grammatical function and syntactic structure: The adverbial participle of Russian — Slavica Pub, 1984 — p. 218.

Say, S. *Prichastie* [Participle]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru), 2011.

Say, S. *Dejstvitel'noe prichastije* [Active participle]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru), 2014

Say, S. *Dejstvitel'noe prichastije prošedšego vremeni* [Past active participle]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru, 2014

Say, S. (2020). *Vzaimodejstvie kategorij vremeni i reprezentacii v russkom jazyke* [Interaction of time and representation categories in the Russian language]. // *Ierarhija i vzaimodejstvie grammaticheskih kategorij glagola* [Hierarchy and interaction of grammatical categories of the verb] — Pp. 582–618.

Sasanuma, S., & Kamio, A. Aphasic's comprehension of sentences expressing temporal order of events // Brain and language — 1976 — Vol. 3(4) — Pp. 495–506.

Shagal, K. Towards a typology of participles: PhD Thesis — University of Helsinki, 2017

Shigurov, V. *K probleme kategorial'noj interpretacii vida i otnositel'nogo vremeni deepričastij* [On the problem of categorical interpretation of the type and relative tense of converbs] // *Inženernye texnologii i sistemy* [Engineering technologies and systems] — 1991 — Vol. 4.

Sichinava, D. *Vid* [Aspect]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru), 2011.

Simone, R. Iconic aspects of syntax: A pragmatic approach // Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science series — 1995 — Vol. 4 — Pp. 153–153.

Suzuki, K. Comprehension of sentences expressing temporal order of events in children of two to six years old: Unpublished thesis — Keio University, 1972.

Tai, J. Temporal sequence and Chinese word order // Iconicity in syntax — 1985 — Pp. 49–72.

Tesnière, L. Basis of the structural syntax. — Moscow: Progress, 1988

Testelec, Ja. *Vvedenie v obščij sintaksis* [Introduction to the general syntax.] — RGGU, 2001

Thompson, S. A. “Subordination” and narrative event structure // Coherence and Grounding in Discourse. — Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1987 — Pp. 435–454.

Thompson, S. A. The deep structure of relative clauses. // Studies in linguistic semantics. – 1971. – Vol. 78. – p. 94.

Thompson, S. A., Longacre, R. E. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description: Complex Constructions. — 1985 — Vol. 2. — Pp. 171–234.

Thompson, S., Longacre, R., Hwang, Sh. Adverbial clauses. // Shopen T. (Ed.) Language typology and syntactic description — Cambridge, 2007 — Vol. 2.

Verxoturova, T. L. *Nabljudatel' v grammatike (semantika neličnyx form glagola v kontekste modusa vosprijatija)* [Observer in grammar (semantics of non-personal verb forms in the context of the mode of perception)] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University] — 2012 — Vol. 2s (18). — C. 59–63.

Vjal'sova, A. P. *Tipy taksisnyx otnošenij v sovremennom russkom jazyke (na materiale pričastnyx konstrukcij)* [Types of taxis relations in modern Russian (based on the material of

participial constructions)]: Doctoral Dissertation. — V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Weiss, D. Russian converbs: a typological outline. // Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds. — Berlin – New York, 1995 — Pp. 239–282.

Ye, Z., Kutas, M., George, M. S., Sereno, M. I., Ling, F., Münte, T. F. Rearranging the world: Neural network supporting the processing of temporal connectives // NeuroImage, 2012 — Vol. 59(4) — Pp. 3662–3667.

Yevseyev, V. Non-iconic chronology in Russian narrative texts. Its types and motivations // Zeitschrift für Slawistik — 2012 — Vol. 57(1) — Pp. 46–70.

Yevseyev, V. (2013). Motivations for non-iconic chronology in English narrative texts // Linguistics — 2013 — Vol. 51(3) — Pp. 555–584.

Zehr, J., Schwarz, F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). —2018.

Appendix 1. Experimental data and stimuli

https://drive.google.com/drive/folders/1r6AzUlBZJITTSE5SS7uvsVHeOeTj4cGR?usp=sharing

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-6

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КВАНТОРНЫЕ СЛОВА В ОСЕТИНСКОМ: СМР-КВАНТИФИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НОВОГО ЗАВЕТА)[15]

Ирина Андреевна Хомченкова
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН (научный сотрудник) /
Институт языкознания РАН (младший научный сотрудник) /
НОШ МГУ имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (аспирант)

Аннотация. В статье рассматриваются единицы, употребляющиеся в контекстах с СМР-квантификацией (универсальной квантификацией единичных объектов, т. е. выраженных словоформами в единственном числе) в осетинском переводе Нового Завета, а именно *æппæт*, *иууылдæр* ‘весь, все’, *æгас* ‘весь’, *æнæхъæн* ‘целый’, *къахæй-къухмæ* ‘с ног до головы’, *æххæстæй* ‘полностью’. Специализированным СМР-маркером является *æгас* (29 контекстов), в то время как *æппæт* и *иууылдæр* могут употребляться и вне контекстов СМР-квантификации. Единица *æгас* встречается реже с одушевленными, чем с неодушевленными объектами, и не употребляется с неисчисляемыми объектами. Наиболее частотной единицей является *æппæт* (85 контекстов), она равномерно распределена по различным группам контекстов; *æнæхъæн*, *къахæй-къухмæ* и *æххæстæй* встречаются редко (всего 8 контекстов), как и *иууылдæр* (9 контекстов).

Ключевые слова: универсальная квантификация, СМР-квантификация, холистическая квантификация, собирательные существительные, осетинский, корпус, Новый Завет.

UNIVERSAL QUANTIFIERS IN OSSETIC: CMP-QUANTIFICATION (ON THE MATERIAL OF THE NEW TESTAMENT TRANSLATION)

Irina A. Khomchenkova
Vinogradov Russian Language Institute, RAS (research fellow) /
Institute of linguistics, RAS (junior researcher) /
Scientific and Educational School of Lomonosov MSU “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage” (graduate student)

Abstract. The paper describes the items, which used in the contexts of CMP-quantification (universal quantification of objects, expressed with singular noun forms) in the Ossetic translation of the New Testament, namely *æppæt*, *iwwyldær* ‘all’, *ægas*, *ænæx’æn* ‘whole’, *k’axæj-k’uxmæ* ‘from head to toe’, *æxxæstæj* ‘completely’. The specialized CMP-marker is *ægas* (29 contexts), while *æppæt* and *iwwyldær* can be also used outside the CMP-quantification contexts. The marker *ægas* is less common with animate than inanimate objects, and is not used with uncountable objects. The most frequent is *æppæt* (85 contexts), it is evenly distributed across different groups of contexts; the items *ænæx’æn*, *k’axæj-k’uxmæ* and *æxxæstæj* are rarely used (8 contexts in total), as well as *iwwyldær* (9 contexts).

Keywords: universal quantification, CMP-quantification, holistic quantification, collective nouns, Ossetic, corpus, New Testament.

[15] Исследование поддержано грантом РНФ № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева».

1. Введение

Универсальными кванторными словами (УКС) называют такие слова, как рус. *все*, *каждый*, *любой*, которые имеют значение всеобщности; о семантике и типологии УКС см., например, [Падучева 1989; Татевосов 2002; Keenan, Paperno (eds.) 2012]. Данная работа посвящена описанию УКС, употребляющихся в контекстах СМР-квантификации (от англ. completeness), в осетинском (< ИРАНСКИЙ < ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИЙ) переводе Нового Завета.

По определению С. Г. Татевосова, СМР-квантификация — это «квантификация единичных целостных объектов, которые являются семантически множественными или обладают сложной внутренней структурой (‘дом’, ‘машина’, ‘стадо’)» [Татевосов 2002: 115]. Мы будем понимать под этим термином квантификацию объектов, выраженных словоформами в единственном числе. Таким образом, под это определение попадает и квантификация неисчисляемых сущностей, которая занимает промежуточное звено между квантификацией множественных и единичных исчисляемых объектов — она может кодироваться средством, типичным либо для множественных, либо для единичных исчисляемых объектов [Татевосов 2002: 124–125], см. также [Haspelmath 1995: 367]. Различные семантические подтипы «всеобщности» обсуждаются также в [Sapir 1930].

В некоторых работах (например, [Аркадьев, Герасимов 2012]) квантификация такого типа называется «холистической» (holistic quantification). По-видимому, устоявшегося термина не существует, и эта область не изучена достаточно широко. В [Wągiel 2018: 115] единицы, употребляющиеся при СМР-квантификации, называются «прилагательные типа *целый*» (*whole*-adjectives); обсуждаются данные польского и немецкого языков, а именно разница между целостностью (integrity) и максимальностью (maximality)[16] [Wągiel 2018: 115–130]. Существуют исследования отдельных языков, выполненные в рамках формальной семантики, см., например, [Moltmann 1998, 2005; Morzycki 2002] об англ. *whole* ‘целый’, [Liao 2015] об англ. *whole* и кит. *zheng* ‘целый’.

Материалом исследования послужили тексты Нового Завета, представляющие собой обширный многоязычный параллельный корпус, см., например, [de Vries 2007]. Мы использовали его нарративные части — Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых Апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.). Осетинский перевод был выполнен Институтом перевода Библии в 2004 г. (см. online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/, а также [Асратян 2004]). Об истории перевода Библии на осетинский язык см., например, [Мамиева 2015].

В грамматических описаниях осетинского языка кратко упоминались универсальные кванторные слова (под ярлыком определенные [Гагкаев 1952: 69–70; Багаев 1965: 260] или определительные местоимения [Абаев 1959: 42; Ахвледиани (ред.) 1963: 191]), однако контексты СМР-квантификации подробно не обсуждались. Примеры из грамматик показывают, что в этих контекстах могут употребляться *æппæт* и *æгас* (см., например, [Багаев 1965: 260]). Напротив, в типологической работе [Татевосов 2002: 214–215], включающей, в частности, данные осетинского языка, в качестве УКС, кодирующего СМР-квантификацию (и вообще в качестве основного УКС), указана единица *иууылдæр*.

Работа устроена следующим образом. В разделе 2 мы опишем, какие контексты СМР-квантификации присутствуют в осетинском переводе Нового Завета. Раздел 3 посвящен осетинским лексемам, употребляющимся в этих контекстах. Мы покажем, что базовым УКС является *æппæт*, а не *иууылдæр*, как было указано в [Татевосов 2002]. Тем не менее, *иууылдæр* действительно может кодировать СМР-квантификацию, в отличие от

[16] Так, модель игрушечного самолета может быть «целой», если в наборе присутствуют все его части, но он не собран (maximality), либо если он собран (integrity), ср. обсуждение аналогичных польских примеров в [Wągiel 2018: 122–123].

информации, приведенной в [Багаев 1965: 261]. Заключительный раздел 4 подводит итоги и очерчивает направления дальнейших исследований.

2. Контексты СМР-квантификации в Новом Завете

В осетинском переводе Нового Завета встретился 131 контекст с СМР-квантификацией. Они делятся на три группы: «множественные» объекты (подраздел 2.1), единичные исчисляемые объекты (подраздел 2.2.), неисчисляемые объекты (подраздел 2.3).

2.1. «Множественные» объекты

Под «множественными» объектами в данном исследовании понимаются существительные, обозначающие совокупность предметов. Например, в [Ахвледиани (ред.) 1963: 78–79] к таким существительным относятся *адæм* ‘люди’, *ссад* ‘мука’, *кæрдæг* ‘трава’, см. также [Ахвледиани (ред.) 1963: 85–86].

Мы разделили контексты с «множественными» объектами в Новом Завете на три группы:

- **Одушевленные** (“AnimPl”, 37 к.): *адæм* ‘народ’ (27 к.), *синедрион* (4 к.), *аргъуан* ‘церковь’ (2 к.), *æфсæддон хай* (букв. «армейская часть») ‘полк’ (2 к.), *дзуг* ‘стадо’ (2 к.);
- Метонимическое употребление существительных с **пространственным** значением (“AnimPl_Loc”, 11 к.): *сахар* ‘город’ (5 к.), имена собственные (4 к.), *дуне* ‘мир’ (1 к.), *бæстæ* ‘страна’ (1 к.);
- **Неодушевленные** (“InanPl”, 7 к.): *мулк* ‘имущество’ (2 к.), *исбон* ‘имение’ (2 к.), *æфтиаг* ‘доход’ (1 к.), *хор* ‘хлеб’ (1 к.), *кæрдæг* ‘трава’ (1 к.).

Как мы отмечали во введении, мы рассматриваем универсальную квантификацию объектов, выраженных словоформами в единственном числе. Таким образом, несмотря на то, что, например, единица *адæм* имеет ряд свойств, совпадающих со свойствами существительных в форме множественного числа (например, глагольное согласование по множественному числу), мы рассматриваем эту единицу как единичный объект. Более того, некоторые неодушевленные собирательные существительные также демонстрируют аналогичные свойства. Так, в примерах (9) и (10) из осетинского национального корпуса (ОНК)[17] анафорическое местоимение *уыдон* ‘тот.PL’ в форме мн. ч. отсылает к словоформам *хæцæнгарз* ‘орудие’ и *тых* ‘сила’ в форме ед. ч., соответственно (отметим, что словоформы *хæцæнгæрз-тæ* ‘орудие-PL’ и *тых-тæ* ‘сила-PL’ в форме мн. ч. также существуют).

(9) *Хуссар Ирыстон-ы цы-дæриддæр* ***хæцæнгарз*** *ис,*
южный Осетия-GEN что-INDEF орудие быть.PRS.3SG
уыдон *сты* *Уæрæсей-ы*
тот.PL быть.PRS.3PL Россия-GEN
‘Какие бы ни были орудия у Южной Осетии, они российские’. [ОНК]

(10) *буар-ы* *уæнг-т-ы* *цы-дæриддæр* ***тых*** *вæйй-ы,*
тело-GEN член-PL-IN что-INDEF сила бывать-PRS.3SG
уыдон *сараз-ы* *иу* *ран-мæ*
тот.PL направлять-PRS.3SG один место-ALL
‘Какие бы то ни было силы в своем теле направляет в одну точку’. [ОНК]

2.2. Единичные объекты

[17] http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru

Единичные объекты, маркированные СМР-квантификаторами, в Новом Завете также представлены тремя группами:

- **Одушевленные** (“AnimSg”, 3 к.): невыраженное местоимение (2 к.), *рынчын* ‘больной’ (1 к.);
- **Неодушевленные** (“InanSg”, 10 к.): *буар* ‘тело’ (6 к.), *хæс* ‘долг’ (2 к.), *Æгъдау* ‘закон’ (1 к.), *хыссæ* ‘тесто’ (1 к.);
- **Пространственные** (“Space”, 40 к.): *бæстæ* ‘страна’ (11 к.), *дуне* ‘мир’ (11 к.), имена собственные (10 к.), *зæхх* ‘земля’ (4 к.), *алфамбылай* ‘окрестность’ (2 к.), *сахар* ‘город’ (1 к.), *сакъадах* ‘остров’ (1 к.);
- **Временны́е** (“Time”, 4 к.): *æхсæв* ‘ночь’ (2 к.), *бон* ‘день’ (1 к.), *аз* ‘год’ (1 к.).

Группа “InanSg” не является однородной, поскольку в ней присутствуют как физические объекты (‘тело’, ‘тесто’), так и объекты, не обладающие свойством протяженности (‘долг’, ‘закон’). Они были объединены в одну группу ввиду малого количества контекстов.

Пространственные контексты достаточно многочисленны, и поэтому они выделяются в отдельную группу. Соответствующие лексемы также часто используются в обстоятельственной позиции, как в (11), что отличает эту группу от остальных.

(11) *Хабар* *а-йхъуыст* ***æппæт*** ***уы-цы*** ***бæстæ-йыл.***
новость PV-слышаться.PST.3SG весь тот-DET страна-SUPER
‘И разнесся слух о сем по всей земле той’. [Мф. 9: 26]

Временны́е контексты выделяются в отдельную группу на основании семантики.

2.3. Неисчисляемые/абстрактные объекты

Наконец, **неисчисляемые/абстрактные** объекты (“Uncount”, 19 к.) представлены следующими лексемами: *зонд* ‘ум’ (4 к.), *зæрдæ* ‘сердце’ (4 к.), *уд* ‘душа’ (3 к.), *хъару* ‘сила’ (3 к.), *туг* ‘кровь’ (1 к.), *хæрам* ‘зло’ (1 к.), *фæндон* ‘воля’ (1 к.), *тæрхон* ‘суд’ (1 к.), *æцæгад* ‘истина’ (1 к.).

Лексема *зæрдæ* ‘сердце’ добавлена в эту группу, поскольку она фигурирует в четырех стихах ([Лк. 10:27; Мк. 12:30, 12:33; Мф. 22:37]) вместе с лексемами *зонд* ‘ум’, *уд* ‘душа’ и *хъару* ‘сила’ и употребляется в переносном значении, см. (12).

(12) *Уарз* *дæ=Хицау* *Хуыцау-ы* ***æппæт*** ***зæрдæ-йæ,***
любить.IMP.2SG POSS.2SG=господин бог-GEN весь сердце-ABL
æппæт уд-æй, ***æппæт*** ***хъару-йæ,*** ***æппæт*** ***зонд-æй,***
весь душа-ABL весь сила-ABL весь ум-ABL
‘Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим,’ {и ближнего твоего, как самого себя.} [Лк. 10:27]

3. Осетинские УКС в контекстах СМР-квантификации

В данном разделе мы рассмотрим единицы, которые употребляются в контекстах СМР-квантификации в Новом Завете в порядке убывания их частотности: *æппæт* (85 контекстов), *æгас* (29 контекстов), *иууылдæр* (9 контекстов), *æнæхъæн* (5 контекстов), прочие средства (3 контекста).

3.1. æппæт

Единица ***æппæт*** употребляется как со множественными, так и с единичными объектами. Согласно [Багаев 1965: 260], *æппæт* «выражает полноту охвата в

количественном отношении, например: *æппæт адæм* ‘весь народ’, *æппæт бæстæтæ* ‘все страны’, а иногда полноту охвата в отношении цельности, например: *æппæт быдыр* ‘вся степь’».

В Новом Завете в сочетании с существительными ед. ч. *æппæт* в конструкции вида [*æппæт* X] выступает в основном без зависимых (71 контекст из 81), как в (13). Из них в семи случаях такая группа употребляется с аддитивной частицей =*дæр*, см. (14). Различий между употреблениями с частицей и без нее на текущий момент не обнаружены.

(13) *Кад* *кодтой* *Хуыцау-æн* *æмæ* ***æппæт*** ***адæм-æн***
слава делать-PST.3PL Бог-DAT и весь народ-DAT
уыд-ысты *уарзон*;
быть-PST.3PL любимый
‘Хваля Бога и находясь в любви у всего народа’. [Деян. 2:47]

(14) *Уым-ы* *адæм* *Йесо-йы* *куы* *ба-зыдт-ой,*
тот.IN-GEN народ Иисус-GEN когда PV-знать-PST.3PL
уæд *фе-хъус-ын* *кодт-ой* ***æппæт*** ***алфамбылай-ы=дæр***.
тогда PV-слушать-INF делать-PST.3PL весь окрестность-IN=ADD
‘Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту’ {и принесли к Нему всех больных.} [Мф. 14:35]

В пяти случаях *æппæт* употребляется с прилагательными *израилаг* (см. также [Деян. 13:24]) и *иудейаг* (см. также [Деян. 10:22, 26:20]):

(15) *Уæдæ* ***æппæт*** ***израил-аг*** ***адæм*** *фидар-æй* *зон-æнт*:
так весь Израиль-ATTR народ крепкий-ABL знать-IMP.3PL
‘Итак твердо знай, весь дом Израилев,’ {что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли.} [Деян. 2:36]

(16) *Цыд-ысты=йæм* ***æппæт*** ***иудей-аг*** ***бæстæ-йы*** *адæм* *æмæ*
идти-PST.3PL=3SG.ALL весь иудей-ATTR страна-GEN народ и
æппæт *иерусалим-æг-тæ*
весь иерусалим-ATTR-PL
‘И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне,’ {и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои.} [Мк. 1:5]

В четырех случаях *æппæт* использован с указательным местоимением *уыцы* (см. также [Мф. 9:26] (11), [Мф. 9:31; Лк. 7:29]):

(17) ***Æппæт*** ***уы-цы*** ***хæрам*** *ра-цæу-ы* *зæрдæ-йæ* *æмæ*
весь этот-DET зло PV-идти-PRS.3SG сердце-ABL и
чъизи *кæн-ы* *адæймаджы*.
грязный делать-PRS.3SG человек.GEN
‘Все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека’. [Мк. 7:23]

Также зафиксированы примеры с сочинением генитивных зависимых (18), существительных, модифицируемых *æппæт* (19), см. также [Лк. 6:17], и двух ИГ с *æппæт* (20)–(21). В (21) также иллюстрируется употребление посессивных клитик (посессивные клитики вне сочинительных конструкций представлены также в [Лк. 12:44, Мф. 24:47]: *йе=ппæт исбон* (POSS.3SG=весь имущество) ‘все его имущество’).

(18) *Уый* *фæстæ* ***æппæт*** [***Мысыр-ы*** ***æмæ*** ***Ханаан-ы***] ***зæхх-ыл***
тот.GEN после весь Египет-GEN и Ханаан-GEN земля-SUPER
с-кодт-а *стонг* *рæстæг,* *адæм* *хъизæмар-ы*
PV-делать-PST.3SG голодный время народ мучение-IN
ба-фтыд-ысты,
PV-попадать-PST.3PL
'И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую,' {и отцы наши не находили пропитания.} [Деян. 7:11]

(19) ***Æппæт*** ***Иудейæ-йы,*** ***Галилей-ы*** ***æмæ*** ***Самарий-ы*** *аргъуан-тæ*
весь Иудея-IN Галилея-IN и Самария-IN церковь-PL
хъыгдард *нал* *æййæфт-ой*,
беспокоить.PST.PTCP больше_не испытывать-PST.3PL
'Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое,' {назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались.} [Деян. 9:31]

(20) *æмæ* *йæ=ном* *нал* *нæр-дзæн,* ***æппæт*** ***Аси***
и POSS.3SG=уважение больше_не греметь-FUT.3SG весь Асия
æмæ ***æппæт*** ***дуне*** *кæм-æн* *кув-ынц,* *уы-цы*
и весь мир кто-DAT молиться-PRS.3PL тот-DET
ус-хуыцау-æн.
женщина-бог-DAT
{А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить,} 'и испровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная'. [Деян. 19:27]

(21) *æмæ* *уым* *ба-фснай-дзын-æн* ***ме=ппæт*** ***хор*** ***æмæ***
и тот.IN PV-хранить-FUT-1SG POSS.1SG=весь хлеб и
ме=ппæт ***мулк***.
POSS.1SG=весь имущество
{И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие,} 'и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое.' [Лк. 12:18]

Помимо *æппæт*, в [Кулаев 1958: 45–48] также упоминается единица *æппæтдæр*. Она употребляется постпозитивно, как в (22). Во всех четырех примерах из Нового Завета она была употреблена с посессивной клитикой, при этом в трех случаях эта единица употребляется в главной клаузе в коррелятивной конструкции с лексемой *адæм* 'народ', как в (23). (О коррелятивных конструкциях в осетинском языке см. [Беляев 2014].)

(22) *Фæлæ* ***адæм*** ***се=ппæт=дæр*** *хъæр* *с-ист-ой*:
но народ POSS.3PL=весь=ADD крик PV-брать-PST.3PL
'Но весь народ стал кричать:' {смерть Ему! а отпусти нам Варавву.} [Лк. 23:18]

(23) ***Адæм*** *уый* *куы* *федт-ой,* *уæд* ***се=ппæт=дæр***
народ тот когда видеть-PST.3PL тогда POSS.3PL=весь=ADD
с-кад *кодт-ой* *Хуыцау-æн*.
PV-почет делать-PST.3PL бог-DAT
{И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога;} 'и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу'. (Букв. 'Когда народ это увидел, тогда все воздали почет богу') [Лк. 18:43]

В таблице 1 представлено распределение конструкций с *æппæт* по типам контекстов.

Таблица 1

Распределение *æппæт* по типам контекстов в Новом Завете

	***æппæт* X**	***æппæт* X *=дæр***	**X *æппæт =дæр***	**Всего**
AnimPl	22	2	4	28
AnimPl_Loc	4	2		6
AnimSg				
InanPl	5	1		6
InanSg	1			1
Space	25	2		27
Time				
Uncount	17			17
Всего	74	7	4	85

Базовая конструкция *æппæт* X встречается практически во всех типах контекстов (за исключением немногочисленных групп “AnimSg” и “Time”). Конструкция с аддитивной частицей (*æппæт* X *=дæр*) употребляется значительно реже, но также распределена по многим контекстам. Наконец, конструкция X *æппæт =дæр* свойственна лишь для одушевленных множественных объектов (а именно для лексемы *адæм* ‘народ’).

3.2. æгас

Единица ***æгас*** «выражает полноту охвата предмета в отношении цельности, например: *æгас хъæу* ‘все село’, ‘целое село’, *æгас горæт* ‘весь город’, ‘целый город’, *æгас бæстæ* ‘вся страна’» [Багаев 1965: 260] и тем самым представляет собой специализированный СМР-маркер.[18] Она также обладает значениями ‘здоровый’, ‘живой’ (24) и употребляется в составе сложных глаголов *райгас кæнын* ‘воскресить’ (25), *райгас уын* ‘воскреснуть’ [Абаев 1958: 119].

(24) *næ* *mard* *ī,* *næ* ***ægas***
NEG умирать.PTCP.PST быть.PRS.3SG NEG весь
‘Он не мертв и не жив’. [Абаев 1958: 119]

(25) *ys-waʒ=mæ* *st-yn,* *æmæ=dyn*
PV-оставлять.IMP.2SG=1SG.GEN вставать-PRS.1SG и=2SG.DAT
=æj ***ra-jgas*** *kæn-ʒyn-æn* *de='fsymær-y*
=3SG.GEN PV-весь делать-FUT-1SG POSS.2SG=брат-GEN
‘Дай мне встать, и я оживлю твоего брата’. [Абаев 1958: 119]

В Новом Завете *æгас* в конструкции [*æгас* X] во всех 17 контекстах употребляется без зависимых, как в (26) (лишь в двух примерах он модифицирует устойчивое словосочетание *æфсæддон хай* ‘воинская часть’, как в (27), см. также [Мф. 27:27]). Из них в двух стихах *æгас* употребляется вместе с аддитивной частицей *=дæр*, см., например, (28). Различий между такими примерами, как и в случае с *æппæт*, выявлено не было. В одном случае представлен пример с сочинением (29).

[18] В сочетании с посессивными клитиками эта единица, по-видимому, может обозначать и квантификацию определенных множеств, см., например, (i).

(i) *ног* *ис-тæ-мæ* ***не=гас=дæр*** *цыбæл стæм*
новый состояние-PL-ALL POSS.1PL=весь=ADD жадный быть.PRS.1PL
‘охотники мы все до новизны’ [А. С. Пушкин. Гавриилиада; https://rus_iron.academic.ru/14428]

(26) *æмæ* ***æгас*** ***сахар*** *æр-æмбырд* *дуар-ы* *цур-мæ*
и весь город PV-собрание дверь-GEN около-ALL
‘И весь город собрался к дверям’. [Мк. 1:33]

(27) *æмæ* *æр-æмбырд* *кодтой* ***æгас*** ***æфсæдд-он*** ***хай***.
и PV-собрание делать-PST.3PL весь армия-ATTR часть
{А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию,} ‘и собрали весь полк’. [Мк. 15:16]

(28) *уæд* ***æгас*** ***сахар=дæр*** *ба-змæлыд*
тогда весь город=ADD PV-двигаться.PST.3SG
{И когда вошел Он в Иерусалим,} ‘весь город пришел в движение’ {и говорил: кто Сей?} [Мф. 21:10]

(29) *æмæ* *=Мын* *æвдисæн-тæ* *уы-дз-ыстут* *Иерусалим-ы,* ***æгас***
и =1SG.DAT свидетель-PL быть-FUT-2PL Иерусалим-IN весь
Иудейæ-йы ***æмæ*** ***Самарий-ы***, *æмæ* *суанг* *зæхх-ы* *кæрон-мæ*.
Иудея-IN и Самария-IN и даже земля-GEN край-ALL
{но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый;} ‘и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли’. [Деян. 1:8]

Помимо единицы *æгас* ‘весь, целый’, Н. Х. Кулаев упоминает также единицу *æгасæйдæр* ‘всё, всё целиком’ [Кулаев 1958: 46]. Она употребляется постпозитивно. Отметим, что, в отличие от постпозитивной конструкции вида X *æппæт=дæр*, *æгас* употребляется с аблативным показателем, который свойственен адвербиальным единицам [Багаев 1965: 312, 361].

В девяти из десяти контекстов Нового Завета *æгасæйдæр* расположена контактно с модифицируемым ей существительным, как в (30); в одном примере выраженная ИГ отсутствует (31).

(30) *Æмæ* ***хуы-т-ы*** ***дзуг*** ***æгас-æй*** ***=дæр*** *къардиу-æй* *денджыз-мæ*
и свинья-PL-GEN стадо весь-ABL =ADD обрыв-ABL море-ALL
а-ппæрст-а *йæ=хи*,
PV-бросать-PST.3SG POSS.3SG=REFL
{И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное.} ‘И вот, **всё стадо свиней** бросилось с крутизны в море’ {и погибло в воде.} [Мф. 8:32]

(31) *уым-æн æмæ* ***æгас-æй*** ***=дæр*** *сыгъдæг* *у*
тот-DAT и весь-ABL =ADD чистый быть.PRS.3SG
{Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть,} ‘потому что чист **весь**;’ {и вы чисты, но не все}. [Ин. 13:10]

В таблице 2 представлено распределение конструкций с *æгас* по типам контекстов.

Таблица 2

Распределение *æгас* по типам контекстов в Новом Завете

	***æгас* X**	***æгас* X =*дæр***	**X *æгас-æй=дæр***	**Всего**
AnimPl	3		1	4
AnimPl_Loc	3	1		4
AnimSg			1	1
InanPl			1	1
InanSg			4	4
Space	10	1	3	14
Time	1			1
Uncount				
Всего	17	2	10	29

Базовая конструкция [*æгас* X] не зафиксирована в группах “InanPl”, “InanSg”, “AnimSg”, а также “Uncount”. При этом с одушевленными объектами она встречается реже, чем с пространственными (также отметим, что она ни разу не была употреблена с лексемой *адæм* ‘народ’). Конструкция с аддитивной частицей (*æгас* X =*дæр*) употреблена лишь в двух контекстах. Конструкция X *æгас-æй=дæр* оказывается достаточно распространенной (в отличие, например, от конструкции X *æппæт=дæр*, частнотность которой значительно меньше, чем частотность базовой конструкции *æппæт* X). Она равномерно распределена по контекстам (не употребляясь лишь в группах “Time”, “Uncount”).

3.3. иууылдæр

Этимологически *иууылдæр* представляет собой сочетание суперэссивной формы числительного *иу* ‘один’ и аддитивной частицы =*дæр* [Абаев 1958: 560; Багаев 1965: 261]. Согдасно Н. К. Багаеву, *иууылдæр* выражает «полноту охвата в количественном отношении лиц и предметов, связанных с каким-нибудь действием, процессом. Они употребляются при личных местоимениях множественного числа, а также при именах существительных во множественном числе» [Багаев 1965: 261].

Однако примеры, где *иууылдæр* модифицирует единичные объекты, можно найти в [Татевосов 2002: 214–215], см. (32), а также и в Новом Завете, см., например, (33)–(34).

(32) a. *Лæппу* ***цæхх*** ***иууылдæр*** *ба-йзæрст-а*[19]
мальчик соль весь PV-сыпать-PST.3SG
‘Мальчик всю соль просыпал’.

b. ***Харбыз*** ***иууылдæр*** *æмбыд* *у*
арбуз весь гнить.PST.PTCP быть.PRS.3SG
‘Весь арбуз гнилой’.

(33) ***Адæм*** ***иууылдæр*** *дис-ы* *ба-фтыд-ысты* *æмæ*
народ весь удивление-IN PV-попадать-PST.3PL и
дзырдт-ой
говорить-PST.3PL
‘И дивился весь народ и говорил:’ {не это ли Христос, сын Давидов?} [Мф. 12:23]

(34) *Æмæ* *дæ=* *цæст* *сыгъдæг* *куы* *у-а,* *уæд*
и POSS.2SG= глаз чистый если быть-SBJ.3SG тогда

[19] Запись и глоссы в этих примерах скорректированы нами.

дæ= ***буар*** ***иууылдæр*** *рухс* *уы-дзæн*.
POSS.2SG= тело весь светлый быть-FUT.3SG
{Светильник для тела есть око.} ‘Итак, если око твое будет чисто, то **всё тело твое** будет светло’. [Мф. 6:22]

С. Г. Татевосов рассматривает *иууылдæр* как основное универсальное кванторное слово осетинского языка [Татевосов 2002: 214–215], не упоминая единицы *æппæт* и *æгас*. Тем не менее, распределение по частотности в Новом Завете показывает, что *æппæт* (85 контекстов) и *æгас* (29 контекстов) являются более употребительными, нежели *иууылдæр* (9 контекстов).

Единица *иууылдæр* употребляется постпозитивно, она расположена контактно с модифицируемым ей словом, см. (33)–(34), в том числе с анафорическими местоимениями (*уый* в примере (35)). Однако она может отрываться частицей =*та* (36).

(35) *Уы-мæ* *гæсгæ=уын,* *зæхх-ыл* *цы* ***рæстаг*** ***туг***
тот-ALL по=2PL.DAT земля-SUPER что правый кровь
фæ-калд, *уый* ***иууылдæр*** *фид-инаг* *у*
PV-проливать.PTCP тот весь платить-PTCP.FUT быть.PRS.3SG
‘Да придет на вас **вся кровь** праведная, пролитая на земле,’ (букв. ‘пролитую на землю праведную кровь, ее всю вы должны уплатить’) {от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником.} [Мф. 23:35]

(36) ***адæм*** *та* ***иууылдæр*** *лæууыд-ысты* *былгæрон*.
народ PTCL весь стоять-PST.3PL берег
{И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел;} ‘а весь народ стоял на берегу’. [Мф. 13:2]

Возможность дистантного расположения говорит о том, что *иууылдæр* может не образовывать единую составляющую с существительным: согласно [Lowe, Belyaev 2015], клитики в осетинском присоединяются после первой ИГ и не могут ее разрывать, см. (37). Впрочем, согласно [Fessenko 2020: 40], в некоторых случаях ИГ может разрываться клитикой (38).

(37) a. *Заур-ы* *рæсугъд* *чындз=**дæм*** *ба-дзырдт-а* [20]
Заур-GEN красивый невеста=2SG.ALL PV-звать-PST.3SG
‘Красивая невеста Заура позвала тебя’. [Lowe, Belyaev 2015: 233]

b. **Заур-ы=**дæм*** *рæсугъд* *чындз* *ба-дзырдт-а*
Заур-GEN=2SG.ALL красивый невеста PV-звать-PST.3SG
Ожидаемое значение: ‘Красивая невеста Заура позвала тебя’. [Lowe, Belyaev 2015: 233]

(38) *Мæ=чиныг*(=***дын***) *Хетæгкаты* *тыххæй*(=***дын***) *лæг*
POSS.1SG=книга=2SG.DAT Хетагуров о=2SG.DAT мужчина
ра-дт-а
PV-давать-PST.3SG
‘Мужчина дал тебе мою книгу про Хетагурова’. [Fessenko 2020: 40]

[20] Глоссы в этих примерах скорректированы нами.

Во всех примерах из Нового Завета *иууылдæр* модифицирует существительное в субъектной позиции. Можно предположить, что прочие позиции для него недоступны, ср. также пример с генитивной ИГ (39), где, согласно [Кулаев 1958: 48], невозможно употребить *иууылдæр*. Данное утверждение требует дальнейшей проверки.

(39) ***æгас*** / ***æппæт*** *бригад-ы* *фаг* *с-цæттæ* *кодт-а*
весь весь бригада-GEN достаточно PV-готовый делать-PST.3SG
хæринаг
пища
'Приготовила пищу, достаточную для всей бригады'. [Кулаев 1958: 48]

Распределение *иууылдæр* по типам контекстов в Новом Завете следующее. Она используется пять раз с лексемой *адæм* 'народ' (группа "AnimPl"), три раза с лексемой *буар* 'тело' (группа "InanSg") и один раз с лексемой *туг* 'кровь' (группа "Uncount").

3.4. æнæхъæн

Единица *æнæхъæн* обозначает 'целый', этимологически *æнæ-хъæн* 'без-повреждение'. Она встретилась в Новом Завете пять раз; три из них в конструкции [*æнæхъæн* X] во временны́х контекстах, как в (40), см. также *æнæхъæн аз* 'целый год' [Деян. 11:26] и *æнæхъæн бон* 'целый день' [Мф. 20:6].

(40) *æмæ* ***æнæхъæн*** ***æхсæв****уым* *куывт-а* *Хуыцау-мæ*.
и целый ночь там молиться-PST.3SG бог-ALL
{В те дни взошел Он на гору помолиться} 'и пробыл **всю ночь** в молитве к Богу'. [Лк. 6:12]

В двух контекстах (из группы "InanSg") она употребляется постпозитивно с аблативным показателем (тем самым сближаясь с адвербиалами), см. (41), в одном контексте — в сочетании с аддитивной частицей *=дæр*, см. (42).

(41) *Мæсты паддзах* *æй* *радт-а* *хъизæмар-æй*
злой царь 3SG.GEN давать-PST.3SG страдание-ABL
мар-ын-мæ, *цалынмæ* ***йæ=хæс*** ***æнæхъæн-æй***
убивать-INF-ALL пока POSS.3SG=долг целый-ABL
ба-фид-а, *уæд-мæ*.
PV-платить-SBJ.3SG тогда-ALL
'И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему **всего долга**'. [Мф. 18:34]

(42) *Ды=мын* *ба-лæгъстæ* *кодт-ай,* *æмæ=дын* *æз*
2SG=1SG.DAT PV-просьба делать-PST.2SG и=2SG.DAT 1SG
дæ=хæс ***æнæхъæн-æй=дæр*** *куы* *ныббарст-он,*
POSS.2SG=долг целый-ABL=ADD ведь простить-PST.1SG
{Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб!} '**весь долг** тот я простил тебе, потому что ты упросил меня'. [Мф. 18:32]

3.5. Прочие средства

Прочие средства, встретившиеся в Новом Завете в контекстах с СМР-квантификацией, включают выражение *къах-æй-къух-мæ* (нога-ABL-рука-ALL) 'с ног до головы' в контекстах "InanSg" (43)–(44) и лексему *æххæст-æй* (полный-ABL) 'полностью' в контексте "Uncount" (45).

(43) ***Дæ***=*ра-йгуыр-ын-æй* ***къах-æй-къух-мæ*** *тæригъæд-джын*
POSS.2SG=PV-рождаться-INF-ABL нога-ABL-рука-ALL грех-PROP
куы дæ, уæд мах ахуыр кæн-ыс?»
если быть.PRS.2SG тогда 1PL.GEN учеба делать-PRS.2SG
'Во грехах **ты весь** родился, и ты ли нас учишь?' [Ин. 9:34]

(44) *уæд Æз сабат-ы* ***рынчын-ы*** ***къах-æй-къух-мæ*** *кæй*
тогда 1SG суббота-IN больной-GEN нога-ABL-рука-ALL кто.GEN
с-дзæбæх кодт-он, уый тыххæй=Мæм с-мæсты
PV-здоровый делать-PST.1SG тот о=1SG.ALL PV-злой
стут?
быть-PRS.2PL
{Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев,} 'на Меня ли негодуете за то, что Я **всего человека** исцелил в субботу?' [Ин. 7:23]

(45) *Хуыцау-ы* ***фæндон***=*уын фе-хъус-ын кодт-он*
бог-GEN воля=2PL.DAT PV-слушать-INF делать-PST.1SG
æххæст-æй.
полный-ABL
'ибо я не упускал возвещать вам **всю волю** Божию'. [Деян. 20:27]

4. Заключение

Мы рассмотрели 131 контекст с универсальной квантификацией объектов, выраженных словоформами в единственном числе (СМР-квантификацией), в осетинском переводе Нового Завета. Контексты делятся на три группы: «множественные» объекты, единичные исчисляемые объекты, неисчисляемые объекты.

В этих контекстах употребляются следующие единицы: *æппæт*, *иууылдæр* 'весь, все', *æгас* 'весь', *æнæхъæн* 'целый', *къахæй-къухмæ* 'с ног до головы', *æххæстæй* 'полностью'.

УКС *æппæт* является наиболее частотным, оно равномерно распределено по разным группам контекстов. Таким образом, именно оно, а не *иууылдæр*, как было указано в [Татевосов 2002], оказывается базовым УКС. Единица *æппæт* чаще всего употребляется в атрибутивной позиции, возможно также его постпозитивное употребление в сочетании с посессивной и аддитивной клитиками. Напротив, *иууылдæр* употребляется только постпозитивно.

Специализированным СМР-маркером является *æгас*, в то время как *æппæт* и *иууылдæр* могут употребляться и вне контекстов СМР-квантификации. С одушевленными объектами *æгас* встречается реже, чем с неодушевленными (и он ни разу не был употреблен с лексемой *адæм* 'народ'); с неисчисляемыми объектами *æгас* не был употреблен вовсе. Эта единица в основном используется в атрибутивной позиции (*æгас* X), но конструкция X *æгасæйдæр* (где *æгас* употребляется постпозитивно вместе с аблативным показателем и аддитивной частицей) оказывается достаточно распространенной.

Единицы *æнæхъæн*, *къахæй-къухмæ* и *æххæстæй* встречаются крайне редко. Можно отметить, что лексема *æнæхъæн* типична для временны́х выражений, она употребляется как препозитивно (*æнæхъæн* X), так и постпозитивно (X *æнæхъæнæй*(*дæр*)). Выражение *къахæй-къухмæ* свойственно для одушевленных единичных объектов ввиду своего

значения ‘с ног до головы’. Наречие *æххæстæй* встретилось лишь один раз, поэтому делать выводы о его свойствах затруднительно.

Настоящее исследование на материале перевода Нового Завета представляет собой предварительный этап изучения универсальных кванторных слов в осетинском языке, на котором были выявлены основные тенденции их употребления в контекстах СМР-квантификации, а также верифицированы некоторые утверждения, сделанные в работах по УКС в осетинском языке. Следующий этап будет включать привлечение данных других корпусов, а также метод опроса носителей для получения отрицательного языкового материала.

В дальнейшем необходимо исследовать, в частности, вопросы о синтаксических свойствах рассматриваемых единиц. Какова структура постпозитивных конструкций вида X UQ(=ADD) и X UQ-ABL(=ADD)? Имеют ли они различные свойства, поскольку *æппæт* (и *иууылдæр*) употребляется постпозитивно без аблатива, а *æгас* и *æнæхъæн* — с аблативом? Употребляется ли *иууылдæр* лишь с существительными в субъектной позиции? Есть ли ограничения на синтаксическую позицию у остальных УКС, употребляющихся справа от ИГ? (Во всех случаях такие единицы модифицировали ИГ, занимающую субъектную позицию, за исключением примеров с *æнæхъæнæй* и ИГ в позиции прямого объекта, см. (41)–(42).) Могут ли остальные УКС, помимо *иууылдæр*, отрываться от модифицируемой ими ИГ клитиками? Могут ли УКС отрываться от ИГ не только клитиками?

Интерес представляют и вопросы семантики. Есть ли разница между конструкциями с аддитивной частицей *=дæр* и без нее? Как соотносятся лексемы *æгас* и *æнæхъæн*, если они обе означают ‘целый’? Является ли распределение единиц по рассмотренным нами группам контекстов лишь тенденцией, проявляющейся на корпусном материале, или же употребление некоторых единиц в каких-либо контекстах неграмматично?

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитив; ALL — аллатив; ATTR — атрибутивизатор; DAT — датив; DET — демонстратив в приименной позиции; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — инессив; INDEF — неопреденность; INF — инфинитив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексив; SBJ — субъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив.

Литература

Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. — Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1958. — 657 с.

Абаев, В. И. Грамматический очерк осетинского языка. — Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с.

Аркадьев, П. М., Герасимов, Д. В. О конструкции холистической квантификации в адыгейском языке // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 1. — С. 22–27.

Асратян, Д. К выходу в свет Нового Завета на осетинском языке // Информационный бюллетень «Новости библейского перевода». — 2004. — №2. — URL: https://ibt.org.ru/ru/articles-10-04 (дата обращения 30.05.2022)

Ахвледиани, Г. С. (ред.) Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. — Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. — 368 стр.

Багаев, Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — 488 с.

Беляев, О. И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. — МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.

Гагкаев, К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. — Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952. — 116 с.

Кулаев, Н. Х. Местоимения в современном литературном осетинском языке. — Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1958. — 56 с.

Мамиева, И. В. Национальная картина мира и проблема переводимости текстов священного писания (из опыта редактирования перевода бытия на осетинский язык) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2015. — № 1. — С.138 –143.

Падучева, Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. — 1989. — № 2. — С. 15–25.

Татевосов, С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. — Москва: ИМЛИ РАН, 2002. — 240 с.

Fessenko, K. Clitics in Ossetic: Master’s thesis. — Concordia University, 2020.

Haspelmath, M. Diachronic sources of 'all' and 'every' // Bach, E., Jelinek, E., Kratzer, A., Partee, B. (eds.). Quantification in natural languages. — Dordrecht: Kluwer, 1995. — Pp. 363–382.

Keenan, E., Paperno, D. (eds.) Handbook of quantifiers in natural language. — Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2012. — 970 p.

Liao, W. R. On modification with *whole*/*zheng* in English and Chinese and the uniformity of syntax // Journal of East Asian Linguistics. — 2015. — Vol. 24. — Pp. 53–74.

Lowe, J., Belyaev, O. Clitic positioning in Ossetic // Butt, M., King, T. (eds.). Proceedings of the LFG15 Conference. — Stanford, CA: CSLI Publications, 2015. — Pp. 229–249.

Moltmann, F. Part structures, integrity, and the mass-count distinction // Synthese. — 1998. — Vol. 116. — Pp. 75–111.

Moltmann, F. Part structures in situations: the semantics of *individual* and *whole* // Linguistics and Philosophy. — 2005. — Vol. 28. — Pp. 599–641.

Morzycki, M. Wholes and their covers // B. Jackson (ed.). Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 12 (SALT XII). — Ithaca, NY: CLC Publications, 2002. — Pp. 184–203.

Sapir, E. Totality. Baltimore: Waverly Press, Inc., 1930.

de Vries, L. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // STUF – Language Typology and Universals. — 2007. — Vol. 60. № 2. — Pp. 148–157.

Wągiel, M. Subatomic quantification: Doctoral thesis. — Masaryk University, 2018.

References

Abaev, V. I. Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka [Grammatical sketch of Ossetic]. — Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. — 168 p.

Abaev, V. I. Istoriko-ehtimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. I [Historical and etymological dictionary of Ossetic. Vol. I]. — Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1958. — 657 p.

Akhvlediani, G. S. (ed.) Grammatika osetinskogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya [Ossetic grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. — Ordzhonikidze: NII pri Sovete ministrov Severo-Osetinskoi ASSR, 1963. — 368 p.

Arkadiev, P. M., Gerasimov, D. V. O konstruktsii kholisticheskoi kvantifikatsii v adygeiskom yazyke [On the construction of holistic quantification in the Adyghe language] // Vestnik TGPU. — 2012. — № 1. — P. 22–27.

Asratyan, D. K vykhodu v svet Novogo Zaveta na osetinskom yazyke [On the publication of the New Testament in Ossetic] // Informatsionnyi byulleten' «Novosti bibleiskogo perevodA». — 2004. — №2. — URL: https://ibt.org.ru/ru/articles-10-04 (accessed 30.05.2022)

Bagaev, N. K. Sovremennyi osetinskii yazyk. CH. 1. Fonetika i morfologiya [Modern Ossetic. Part 1. Phonetics and morphology]. — Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. — 488 p.

Belyaev, O. I. Korrelyativnaya konstruktsiya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii [Correlative construction in Ossetic in typological perspective]: PhD thesis. — Lomonosov MSU, 2014.

Fessenko, K. Clitics in Ossetic: Master's thesis. — Concordia University, 2020.

Gagkaev, K. E. Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka [Essay on the grammar of Ossetic]. — Dzaudzhikau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoi ASSR, 1952. — 116 p.

Haspelmath, M. Diachronic sources of 'all' and 'every' // Bach, E., Jelinek, E., Kratzer, A., Partee, B. (eds.). Quantification in natural languages. — Dordrecht: Kluwer, 1995. — Pp. 363–382.

Keenan, E., Paperno, D. (eds.) Handbook of quantifiers in natural language. — Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2012. — 970 p.

Kulaev, N. Kh. Mestoimeniya v sovremennom literaturnom osetinskom yazyke [Pronouns in modern literary Ossetic]. — Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1958. — 56 p.

Liao, W. R. On modification with *whole*/*zheng* in English and Chinese and the uniformity of syntax // Journal of East Asian Linguistics. — 2015. — Vol. 24. — Pp. 53–74.

Lowe, J., Belyaev, O. Clitic positioning in Ossetic // Butt, M., King, T. (eds.). Proceedings of the LFG15 Conference. — Stanford, CA: CSLI Publications, 2015. — Pp. 229–249.

Mamieva, I. V. Natsional'naya kartina mira i problema perevodimosti tekstov svyashchennogo pisaniya (iz opyta redaktirovaniya perevoda bytiya na osetinskii yazyk) [National picture of the world and the problem of translating the texts of the Holy Scripture (from the experience of editing the translation of Genesis into Ossetic)] // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. — 2015. — № 1. — P.138 –143.

Moltmann, F. Part structures in situations: the semantics of *individual* and *whole* // Linguistics and Philosophy. — 2005. — Vol. 28. — Pp. 599–641.

Moltmann, F. Part structures, integrity, and the mass-count distinction // Synthese. — 1998. — Vol. 116. — Pp. 75–111.

Morzycki, M. Wholes and their covers // B. Jackson (ed.). Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 12 (SALT XII). — Ithaca, NY: CLC Publications, 2002. — Pp. 184–203.

Paducheva, E. V. Ideya vseobshchnosti v logike i v estestvennom yazyke [The idea of universality in logic and in natural language] // Voprosy yazykoznaniya. — 1989. — № 2. — P. 15–25.

Sapir, E. Totality. Baltimore: Waverly Press, Inc., 1930.

Tatevosov, S. G. Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova [Semantics of the constituents of the noun phrase: quantifiers]. — Moscow: IMLI, 2002. — 240 p.

de Vries, L. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // STUF – Language Typology and Universals. — 2007. — Vol. 60. № 2. — Pp. 148–157.

Wągiel, M. Subatomic quantification: Doctoral thesis. — Masaryk University, 2018.

3. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-7

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА КАК ПРИЧИНА ДЛИТЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ОТРИЦАНИЙ В РЕЧИ

Галина Александровна Андреева
Российская Академия Народного Хозяйства и
Государственной Службы при президенте РФ
(аспирант)

Аннотация. Статья посвящена обзору когнитивных теорий и исследований отрицаний в речи, а также статья представляет поставленное нами психолингвистическое эмпирическое исследование оценки отрицаний. В когнитивной психологии показана более длительная обработка отрицательных фраз или словосочетаний по сравнению с утвердительными. Этому феномену есть несколько объяснений. Представленное эмпирическое исследование показало, что отрицательные словосочетания оцениваются как более негативные (неприятные) по сравнению с утвердительными. Эти результаты мы постарались представить как возможную дополнительную причину, которая может влиять на более длительную обработку отрицаний.

Ключевые слова: отрицания, негативная оценка, оценка в речи, ЦТО, сложность отрицаний.

NEGATIVE EVALUATION AS A CAUSE FOR PROLONGED PROCESSING OF NEGATIONS IN SPEECH

Galina A. Andreeva
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(graduate student)

Abstract. The article is devoted to a review of cognitive theories and studies of negations in speech, and also the article presents our psycholinguistic empirical study of the evaluation of negations. Cognitive psychology shows a longer processing of negative phrases compared to affirmative ones. There are several explanations for this phenomenon. Our empirical research has shown that negative phrases are evaluated as negative (unpleasant). We tried to present these results as a possible additional cause that may affect the longer processing of negations.

Keywords: negation, negative assessment, assessment in speech, color relationship test, complexity of negations.

1. Введение

Практически сразу после появления теории трансформационной грамматики стали появляться эмпирические исследования, призванные проверить достоверность основных ее положений. В одной из исследовательских ветвей такой проверки применялся метод верификации предложений, где измерению подлежало время, затрачиваемое на понимание разных по грамматической структуре предложений. Ожидалось, что утвердительные предложения должны обрабатываться быстрее, чем сослагательные, пассивные или отрицательные. Это подтверждало бы гипотезу о существовании как

минимум двух уровней языка – глубинного и поверхностного. А задержка в обработке предложений объяснялась необходимостью трансформировать поверхностную структуру в глубинную, тогда как простые утвердительные предложения не требуют этой процедуры [Слобин 1976].

Исследования в парадигме верификации предложений оказались плодотворными, и они проводятся до сих пор [Селиванова, Спиридонов, Решетников 2019], [Tian 2014]. Их методология значительно усложнилась, а интерпретация ушла довольно далеко от первоначальной идеи о трансформации синтаксических структур. Если сейчас обобщить основную идею подобных исследований, то она заключается в следующем: чем дольше обрабатывается предложение, тем оно сложнее. Но чем вызвана это сложность?

Многочисленные исследования отрицательных предложений показывают, что их обработка занимает больше времени, чем обработка утвердительных предложений [Wason, Jones 1963], [Kaup, Ludke, Zwaan 2005], [Tian 2014]. Отметим сразу, что время, о котором идет речь, составляет по разным данным от 30 до 150 миллисекунд (0,03 – 0,15 секунды). Безусловно, это очень малая величина, но она относительно стабильно фиксируется.

У этого феномена есть два теоретических объяснения:

1. Отрицание является более сложным, т.к. в процессе его обработки сначала актуализируется утвердительный вариант предложения, а потом он отрицается – теория двух шагов (two-step simulation) [Wason, Jones 1963], [Kaup, Ludke, Zwaan 2005],
2. Отрицание всегда содержит пресуппозицию [Падучева 2013], и если она не ясна из контекста ситуации, то на ее восстановление требуется время. Роль контекста в обработке отрицаний показана в теории динамической прагматической обработки отрицаний [Tian 2014].

Исходя из прагматического характера отрицаний (отрицания облигаторны в негативных ситуациях критики, запрета, отвержения и т.п.) [Кашина 2004], [Убушаева 2008], [Белобородова 2010], и некоторых эмпирических исследований [Wegner, Wenzlaff, Kerker, Beattie 1981], [Herbert, Deutsch 2011] есть основания считать, что отрицания в речи маркируют негативную оценку или даже негативные эмоции. В таком случае, увеличение времени обработки отрицаний может быть связано еще и с негативной оценкой, которую несут в себе отрицания как дополнительную имплицитную, но значимую информацию.

В психологии существует феномен эмоционального эффекта Струппа, который заключается в том, что испытуемым требуется больше времени для того чтобы назвать цвет слова с эмоциональной семантикой, чем цвет эмоционально нейтрального слова [Сысоева 2014]. Этот феномен показывает, что наличие эмоционального характера стимула действительно может влиять на время его обработки.

Если отрицания несут негативную оценку, которая при этом не ясна из контекста, то на обработку этой оценки может требоваться время, этот процесс может быть аналогичен процессу восстановления пресуппозиции у Тянь [Tian 2014].

В нашем эмпирическом исследовании мы попытались проверить, действительно ли отрицания сопряжены с негативной оценкой. А также в этой статье мы попытаемся критически осмыслить когнитивную парадигму исследования отрицаний, и показать, что исследования в разных парадигмах могут обогащать друг друга.

При этом под отрицаниями мы понимаем такое языковое средство, которое выражает отсутствие некоторого положения вещей [Падучева 2013]. Отрицание может быть выражено на уровне слова, словосочетания или предложения.

Помимо разъяснения некоторых чисто теоретических вопросов обработки отрицаний, исследование об имплицитных (скрытых) функциях отрицаний может иметь и практическое приложение: в частности, при анализе вербальных проективных тестов (например, тематический апперцептивный тест, тест Розенцвейга), в психологической и лингвистической экспертизе текстов и при автоматическом анализе текста. Во всех этих

прикладных сферах отрицания могут быть имплицитным маркером выражения негативной оценки. Но для реализации таких практических целей необходимы дальнейшие исследования.

Перед тем как перейти к описанию эмпирического исследования необходимо подробнее описать суть кратко изложенных выше положений относительно более длительной обработки отрицаний в сравнении с утверждениями, а также нужно пояснить, как отрицания связаны с негативной оценкой.

2. Отрицания сложны для обработки

Исторически первыми отрицания изучали философы, затем экзистенциально ориентированные психологи и психиатры. Значительно позже отрицание как операция мышления попала в фокус экспериментальной психологии [Wason 1963] и получила активное развитие в эмпирических исследованиях за рубежом [Kaup, Ludke, Zwaan 2005]; [Tian 2010]. Некоторую экспериментальную разработку отрицание как явление мышления получило и в советской психологии [Железко, Роговин 1985].

Если кратко обратиться к отечественной традиции исследования процессов мышления, то можно обнаружить косвенные экспериментальные свидетельства связи отрицательных операций и эмоциональной оценки [Железко, Роговин 1985]. В процессе исследования онтогенеза операций классификации по отрицательному основанию было обнаружено, что отрицания по эмоциональному критерию «любимый – нелюбимый» появляются у детей раньше (в возрасте 5 лет), чем отрицания на основании эмоционально нейтральных критериев «круглый – не круглый» (в возрасте 10 лет). В силу неожиданности полученных результатов авторы исследования обращают внимание на необходимость разъяснения и исследования взаимосвязи отрицаний и эмоциональной оценки [Железко, Роговин 1985: 102].

Отечественные психологи изучали отрицание как операцию мышления на уровне слова. Представленные далее исследования были выполнены на материале более длинных речевых образований – предложений.

Одним из важных выводов когнитивных исследований отрицания как логической операции является то, что время обработки отрицательных предложений больше, чем время обработки утвердительных предложений [Kaup, Ludke, Zwaan 2005]. Обычной задачей в подобных исследованиях является необходимость как можно быстрее определить соответствует ли прочитанное предложение картинке – задача верификации предложения.

Хотя этот феномен увеличения времени реакции после отрицаний не всегда фиксируется, особенно если отрицанию подлежит лишь одно слово [Селиванова, Спиридонов, Решетников 2019], в целом, сложность отрицаний является уже устоявшимся положением в этой области исследований.

Стоит отметить, что в исследованиях когнитивных психологов практически не разделяется отрицание как операция мышления и отрицание как чисто речевое явление. На такую специфику когнитивных исследований указывает, например, Слобин [Слобин 1976]. Более поздние эксперименты по скорости обработки отрицаний пытаются преодолеть это упущение путем учета разнообразных факторов, влияющих на обработку речевых сообщений. Можно упомянуть тут серию экспериментов, где изучалась связь отрицательного предложения с пресуппозицией и контекстом сообщения [Tian 2010, 2014]. В этой работе использовался всё тот же метод верификации предложений по картинке, и была показана важная роль лингвистического контекста, который способен значительно снизить время реакции на отрицательные предложения (Теория динамической прагматической обработки отрицаний).

Другая исследовательская линия отрицаний связана с логической отрицательной операцией – это изучение задачи Уэйзона. Чуть больше 50 лет назад английский психолог

Уэйзон предложил логическую задачу на условный вывод «если А, то В» [Wason 1966], правильное решение которой требовало от испытуемых совершения операции отрицательной верификации, которую редко удавалось совершить испытуемым, т.к. верифицировать нужно было не просто верность или ложность одного предложения, а истинность целого правила.

Классический вариант задачи заключается в том, что перед испытуемым лежат 4 карточки (табл. 1) на которых написаны буквы Е, К, цифры 4 и 7. В инструкции сообщается, что с одной стороны карточек написана буква, а с другой цифра. При этом задача испытуемого проверить верно ли правило: «Если на одной стороне карточки изображена гласная буква, то на другой ее стороне – четное число».

Таблица 1

Карточки для классической задачи Уэйзона (1966г.)

Е	К	4	7

Почти всегда испытуемые выбирают карточки Е и 4, как будто информация на обороте карточки 4 имеет отношение к верификации правила. Ведь в правиле ничего не сказано о том, что должно бить написано на обороте четной цифры, условие «Если А, то В» действует в одну сторону и не является обратимым - «Если В, то А». Тем временем, единственным правильным вариантом решения является проверка карточек Е и 7. С карточкой Е всё понятно – на обороте должна быть четная цифра, а вот карточка 7 тоже позволяет выяснить соблюдение правила, ведь если на обороте семерки будет гласная буква, то это опровергает верность правила, которое было заявлено в инструкции.

Эмпирические исследования показывают, что испытуемым очень редко удается применить операцию отрицательного логического вывода, они стремятся подтвердить свои гипотезы относительно верности правила, при этом неверно понимая связь переменных, как бы додумывая связь согласных букв с нечетными числами, да еще и делая эти две связи обратимыми [Спиридонов, Пичугина 2012]. Кажется, что сложность с применением отрицательной логической операции в данной задаче связана не со сложностью отрицательного логического вывода как такового, а с неправильной репрезентацией всей задачи.

Таким образом, если рассматривать два описанных направления исследования отрицательных операций мышления (операции верификации предложений и логическая операция вывода), то заметна сложность, которую вызывают эти отрицательные операции. Если это так, то негативная оценка отрицаний может быть вызвана именно этой когнитивной сложностью, а не отрицанием как языковым средством. Поэтому мы постараемся изложить свои рассуждения о том, почему негативная оценка при обработке отрицаний в речи не может быть объяснена только их когнитивной сложностью.

3. Критика когнитивных методов изучения отрицаний

Задача Уйэзона демонстрирует сложность отрицания как чисто логической операции, и перенос этой сложности на речевую обработку не правомерен, даже безотносительно к тому, что сложность решения задачи Уэйзона связана с неправильным пониманием задачи, а не с отрицательной логической операцией.

В исследованиях на верификацию картинки по предложению выявляется более длительная обработка отрицательных предложений, из чего делается вывод об их большей сложности. И далее встает вопрос о том, можно ли переносить выявленную в этих экспериментах сложность на обработку отрицательных фраз в живой ситуации коммуникации? Да, если считать, что восприятие речи письменной или устной протекает

как процесс мышления, потому что в обсуждаемых когнитивных исследованиях обработка отрицательных предложений исследовалась именно как задача. Действительно, в определенных случаях понимание речи может являться задачей, например, если предметом понимания является сложная метафора, синтаксически или семантически запутанное предложение, а также сложный научный или художественный текст. Но простая родная речь с точки зрения психологии решения задач и проблем не является задачей, т.к. нет никакой специфической преграды на пути понимания [Спиридонов 2006]. Даже более того, известна задача Струпа, где игнорирование смысла написанного слова представляет специальную задачу, т.к. это глубоко автоматизированный процесс [Stroop 1935], [MacLeod 1991], [Сысоева 2014].

Таким образом, рассматривание обработки отрицаний в речи с точки зрения процессов мышления кажется чрезмерным распространением операций мышления на вообще любые психические процессы.

4. Связь отрицаний и негативной оценки

Интересно, что некоторые исследователи отрицаний как мыслительных операций упоминали в своих работах, что отрицания сопряжены с чем-то неприятным для человека, что помимо своей сложности, они могут нести в себе негативный эмоциональный оттенок, т.к. имеют прямое отношение к ситуациям запрета [Wason 1963: 102].

В отечественных лингвистических исследованиях можно встретить прямые указания на негативный эмоциональных характер отрицательно сформулированных фраз, который проистекает из их прагматического характера – отрицательные обороты практически облигаторны в эмоционально негативных ситуациях запрета, отвержения, критики [Убушаева 2008], [Белобородова 2010],

Есть эмпирическое исследование физиологической и субъективной реакции в ответ на отрицательные и утвердительные фразы. С помощью метода регистрации мигательного рефлекса (startle reflex) была выявлена высокая защитная реакция на эмоционально позитивные словосочетания, сформулированные с отрицанием [Herbert, Deutsch 2011]. Мигательный рефлекс считается показательным для измерения степени защитной реакции. Предсказуемо, что реакция мигания выше на эмоционально негативные словосочетания, например, «my panic», чем на эмоционально позитивные – «my love», и средняя выраженность рефлекса наблюдается в ответ на нейтральные слова (бессмысленные сочетания слогов). При этом в эксперименте были отрицательные негативные – «no panic» и отрицательные позитивные фразы – «no love», и реакция на них оказалась следующая: отрицательные негативные («no panic») вызывают защитный рефлекс такой же по силе, как и нейтральные бессмысленные слова – этот результат объясняется активацией семантических ассоциативных сетей на ядерный смысл фразы «panic». Но почему отрицательные позитивные фразы («no love») вызывают высокую защитную реакцию, даже более высокую, чем утвердительные негативные фразы («my panic») – не вполне понятно самим авторам и не укладывается в объяснение активации семантических ассоциативных сетей отрицаемого слова. Если бы оценка была связана с активацией эмоционального оттенка отрицаемого слова, то в примере «no love» следовало бы ожидать активация ассоциаций на слово «love» и, соответственно, снижение защитного рефлекса.

С данными физиологического метода согласуются данные субъективной шкальной оценки – испытуемые оценивают эмоционально негативно отрицательные позитивные фразы («no love») подобно утвердительным негативным («my panic»). Возможно ли, что субъективная негативная оценка и повышение защитного рефлекса связаны с самим отрицанием?

5. Эмпирическое исследование оценки отрицаний

Чтобы уменьшить возможное влияние когнитивной сложности отрицаний, в нашем эмпирическом исследовании мы выбрали отрицательные словосочетания, в которых отрицательную сему несут приставки «не» и «без» (неотразимый, безусловный). Таким образом, отрицание здесь максимально слито с основой слова, а значит и обработка таких словосочетаний наиболее приближена к обработке утвердительного словосочетания.

Стимульный материал представлял 17 пар словосочетаний, где одно из словосочетаний было с отрицанием, а другое было утвердительным и при этом синонимичным отрицательному варианту в паре (табл. 2). Синонимия необходима для того, чтобы семантика словосочетаний имела одинаковое влияние на результаты оценки. Все словосочетания были позитивные по своему явному смыслу, т.к. нас интересует влияние на оценку самой отрицательной языковой формы, это влияние может иметь место вопреки явной семантике словосочетания.

Подбор синонимичных пар по указанным критериям оказался сложной задачей, поэтому синонимия во многих парах приблизительная. А также среди словосочетаний встречаются как контрарные (допускающие ложность обоих антонимов), так и контрадикторные (антонимия которых взаимоисключающая) отрицания, что делает выбранные отрицания не вполне равными по своим семантическим характеристикам [Апресян 1995], [Падучева 2013].

Таблица 2

Стимульные словосочетания

№ пары	Утвердительное словосочетание	Отрицательное словосочетание
1	*Точный результат*	*Несомненный результат*
2	*Гениальная музыка*	*Бессмертная музыка*
3	*Любопытная идея*	*Нетривиальная идея*
4	*Точный бросок*	*Беспроигрышный бросок*
5	*Четкая позиция*	*Бескомпромиссная позиция*
6	*Удивительный пейзаж*	*Необычный пейзаж*
7	*Заинтересованный зритель*	*Неравнодушный зритель*
8	*Абсолютная правда*	*Несомненная правда*
9	*Честный суд*	*Беспристрастный суд*
10	*Объективный ум*	*Непредвзятый ум*
11	*Выдающийся талант*	*Незаурядный талант*
12	*Абсолютное счастье*	*Безусловное счастье*
13	*Чистое чувство*	*Незамутненное чувство*
14	*Прекрасное впечатление*	*Неизгладимое впечатление*
15	*Полная уверенность*	*Непоколебимая уверенность*
16	*Совершенная красота*	*Неотразимая красота*
17	*Удивительный опыт*	*Невероятный опыт*

5.1. Методы

Для оценки словосочетаний были использованы два метода: Цветовой тест отношений (сокращенно ЦТО) А.М. Эткинда [Бодалев, Столин, Аванесов 2006] и непрямая субъективная оценка.

Метод ЦТО предполагает, что соотнесение объекта исследования с одним из восьми цветов позволит извлечь имплицитную, неосознаваемую оценку данных объектов. Отношение и предпочтение того или иного цвета определяется у каждого испытуемого индивидуально.

Метод непрямой субъективной оценки предполагает, что испытуемым будет проще оценить объекты, если оценка дается отстраненно и косвенно, так, словно оценивается не само словосочетание, а человек, который его произносит.

5.2. Испытуемые

Участники исследования с методом ЦТО не принимали участие в процедуре с методом субъективной оценки и наоборот. В первой процедуре с методом ЦТО приняли участие 38 человек, во второй процедуре участвовало 39 человек. Это были студенты московского филиала РАНХиГС, преимущественно девушки от 18 до 25 лет. За участие они получали баллы в счет учебных дисциплин.

5.3. Процедура исследования

Испытуемых знакомили с инструкцией для ЦТО, где их просили соотнести каждое из словосочетаний с одним из восьми цветов (использовались карточки Люшера). Словосочетания были представлены в хаотичном порядке и зачитывались вслух. После этого, каждый испытуемый должен был выстроить 8 цветов в ряд: от самого приятного до самого неприятного цвета.

При оценке словосочетаний по методу субъективной оценки испытуемым давалась следующая инструкция: «Вам будет представлен ряд словосочетаний, нужно определить, в каком настроении, хорошем или плохом, человек мог бы сказать каждое словосочетание. Это совершенно интуитивное суждение, не задумывайтесь, старайтесь отвечать быстро».

5.4. Результаты исследования.

Статистический анализ ответов показал высокую значимость различий в оценках отрицательных и утвердительных словосочетаний.

Для ЦТО был использован непараметрический ранговый тест Вилкоксона для связанных выборок ($p \leq 0{,}001$; значение критерия Вилкоксона -3,514). Сравнению подлежали ранги цветов, которыми были отмечены все отрицательные словосочетания и ранги цветов, которыми были отмечены все утвердительные словосочетания. Сумма рангов отрицательных словосочетаний (2322) больше суммы рангов утвердительных словосочетаний (2096), это говорит о том, что именно отрицательные словосочетания оценивались неприятными цветами значимо чаще, чем утвердительные (чем выше ранг, тем ниже оценка).

Сравнение непрямых субъективных оценок производилось с помощью критерия Хи квадрат ($p \leq 0{,}001$), простые статистические расчеты по методу субъективной оценки представлены в табл. 3.

Таблица 3

Статистическое распределение ответов по методу непрямой субъективной оценки в количественных данных и в процентах

Утвердительные словосочетания, приписанные человеку в хорошем настроении	Утвердительные словосочетания, приписанные человеку в плохом настроении	Отрицательные словосочетания, приписанные человеку в хорошем настроении	Отрицательные словосочетания, приписанные человеку в плохом настроении
594	69	545	118
89,6 %	10,4 %	82,2 %	17,8 %

Из табл. 3 видно, что, преимущественно, оценки были позитивными: 89,6% всех оценок, которые получили утвердительные словосочетания и 82,2% всех оценок, которые получили отрицательные словосочетания. Но были ответы, когда словосочетания приписывались человеку в плохом настроении, при этом испытуемые более чем в полтора раза чаще именно отрицательные словосочетания приписывали человеку в плохом настроении (соотношение негативных оценок отрицательных и утвердительных словосочетаний: 118/69 = 1,7).

6. Обсуждение

Исследование было поставлено таким образом, чтобы максимально нивелировать влияние семантики стимулов, что позволило оценить влияние непосредственно отрицательной формулировки. Результаты показали, что словосочетания, содержащие отрицание, действительно оцениваются испытуемыми как более негативные, чем утвердительные. В таком случае можно предположить, что более длительная обработка отрицаний, которая выявляется в эмпирических исследованиях [Kaup, Ludke, Zwaan 2005], [Tian 2014], может быть связана и с негативной оценкой, которую вызывают отрицания.

Полученные нами результаты согласуются с данными эмпирического исследования отрицательных и утвердительных фраз, где было зарегистрировано повышение мигательного рефлекса в ответ на предъявление отрицательных фраз, а также была показана негативная их оценка по шкале эмоциональной оценки [Herbert, Deutsch 2011].

Можно предположить, что обнаруженная связь отрицаний и негативной оценки может быть обусловлена прагматическим характером отрицаний, когда отрицательная форма буквально ассоциирована с негативными эмоциями, которые появлялись в ситуациях запрета, отвержения и критики [Убушаева 2008], [Белобородова 2010].

Если отрицательно сформулированная фраза может нести вместе со своим основным значением еще и негативную оценку, то могут ли другие грамматические средства выражения также содержать имплицитную и неосознаваемую информацию о тех или иных эмоциональных интенциях, которые порой, невозможно идентифицировать прямо из контекста?

7. Дальнейшие исследования

Описанное исследование является первым в ряду исследований об имплицитном характере отрицаний. Следующее эмпирическое исследование призвано ответить на вопрос о том, может ли негативная эмоциональная оценка стимулов актуализировать употребление отрицательных конструкций в спонтанной устной речи. Полученные данные говорят о том, что свободное спонтанное описание неприятных, негативных стимулов действительно содержит большое количество отрицаний в сравнении с описанием позитивных стимулов.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. Переиздано в: Избранные труды. Т. 1. М. 1995 — 422 с.

Белобородова, А. В. Средства выражения отрицания и негативной коннотации во фразеологизмах со значением безразличия в русском и английском языках // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2010. — № 5 (1). — С. 147–155.

Бодалев, А. А., Столин, В. В., Аванесов, В. С. Общая психодиагностика. — СПб.: Речь, 2006. — 438 с.

Железко, П. С., Роговин, М.С. Исследования отрицания в практической и познавательной деятельности. — Кишинев: Штиинца, 1985. — 135 с.

Кашкина, О. В. Я-концепт сквозь призму самооценочных высказываний // Вестник ВГУ. — 2004. — № 1. — С. 47–53.

Падучева, Е. В. Русское отрицательное предложение. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 304 с.

Селиванова, Е. И., Спиридонов, В. Ф., Решетников, М. Л. Особенности переработки утверждений, включающих отрицание // Сборник трудов конференции Когнитивная наука в Москве: новые исследования (19 июня 2019 года, Москва). — М.: БукиВеди. Институт практической психологии и психоанализа, 2019. — С. 485–489.

Слобин, Д., Грин, Дж. Психолингвистика // Пер. с англ. Е. И. Негневицкой; под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1976. — 352 с.

Спиридонов В.Ф. Психология мышления: Решение задач и проблем: Учебное пособие. — М.: Генезис, 2006. — 319 с.

Спиридонов, В. Ф., Пичугина, М. О. Исследование процесса решения и репрезентации задачи выбора П. Уэйзона // Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления. Труды Третьей конференции молодых ученых памяти К. Дункера. — М.: РГГУ, 2012. — С. 33–41.

Сысоева, Т. А. Теоретический анализ механизмов возникновения эмоционального эффекта Струпа / / Психология. Журнал ВШЭ. — 2014. — №1. — С. 49–65.

Убушаева, И. В. Прагматика отрицательных высказываний в английском и русском языках // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2008. — № 4–2. — С. 207–210.

Kaup, B., Ludtke, J., Zwaan, R. A. Effects of Negation, Truth Value, and Delay on Picture Recognition after Reading Affirmative and Negative Sentences // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. — 2005. — Vol. 27. — No 27. — Pp. 1113–1119.

Herbert, C., Deutsch, R., Sütterlin, S., Kübler, A., & Pauli, P. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. — 2011. — Vol. 11(2). — Pp. 199–206.

MacLeod, C.M. Half a century of research on the Stroop effect: An integrative review // Psychological Bulletin. — 1991. — Vol. 109(2). — Pp. 163–203

Stroop, J.R. (1935). Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psy – chology. — 1935. — Vol. 18. — Pp. 643–662

Tian, Y. Negation Processing: a Dynamic Pragmatic Account. — PhD thesis. — 2014.

Wason, P. C., Jones, S. Negatives: denotation and connotation // British Journal of Psychology. — 1963. — Vol. 54. — No 11. — Pp. 299–307.

Wason, P. C. Reasoning / In B. M. Foss (Ed.) // New horizons in psychology I. — Harmondsworth: Penguin. 1966. — Pp. 106–137.

Wegner, D. and others Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? // Journal of Personality and Social Psychology. — 1981. — № 40 (5). — Pp. 822–832.

References

Apresyan Yu. D. Lexical semantics: Synonymous means of language. — Moscow: Science, 1974. Reprinted in: Selected Works, vol. 1. — 422 p.

Beloborodova, A.V. Means of expressing negation and negative connotation in phraseological units with the meaning of indifference in Russian and English languages // Bulletin of the Pushkin State University of Leningrad. — 2010. — № 5 (1). — Pp. 147–155.

Bodalev, A. A., Stolin, V. V., Avanesov, V. S. General psychodiagnostics. — St. Petersburg: Speech, 2006. — 438 p.

Herbert, C., Deutsch, R., Sütterlin, S., Kübler, A., & Pauli, P. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. — 2011. — Vol. 11(2). — Pp. 199–206.

Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? / D. Wegner and others // Journal of Personality and Social Psychology. — 1981. — № 40 (5). — Pp. 822–832.

Kashkina, O. V. I-concept through the prism of self-assessment statements // Vestnik VSU. — 2004. — No. 1. — Pp. 47–53.

Kaup, B., Ludtke, J., Zwaan, R. A. Effects of Negation, Truth Value, and Delay on Picture Recognition after Reading Affirmative and Negative Sentences // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. — 2005. — Vol. 27. — No 27. — Pp. 1113–1119.

MacLeod, C.M. Half a century of research on the Stroop effect: An integrative review // Psychological Bulletin. — 1991. — Vol. 109(2). — Pp. 163–203

Paducheva, E. V. Russian negative sentence. — M.: Languages of Slavic culture, 2013. — 304 p.

Selivanova, E. I., Spiridonov, V. F., Reshetnikov, M. L. Features of processing statements including negation // Proceedings of the conference Cognitive Science in Moscow: New Research (June 19, 2019, Moscow). — Moscow: BukiVedi. Institute of Practical Psychology and Psychoanalysis, 2019. — Pp. 485–489.

Slobin, D., Green, J. Psycholinguistics // In A. A. Leontiev (Ed.). — M.: Progress, 1976. — 352 p.

Spiridonov, V. F. Psychology of thinking: Solving problems and problems: Textbook. — M.: Genesis, 2006. — 319 p.

Spiridonov, V. F., Pichugina, M. O. Investigation of the process of solving and representing the P. Wayzon choice problem // Theoretical and applied problems of psychology of thinking. Proceedings of the Third Conference of Young Scientists in memory of K. Dunker. — Moscow: RSUH, 2012. — Pp. 33–41.

Stroop, J.R. (1935). Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psy – chology. — 1935. — Vol. 18. — Pp. 643–662

Sysoeva, T. A. Theoretical analysis of the mechanisms of the emotional Stroop effect / / Psychology. HSE Journal. — 2014. — No. 1. — pp. 49-65.

Tian, Y. Negation Processing: a Dynamic Pragmatic Account. — PhD thesis. — 2014.

Wason, P. C., Jones, S. Negatives: denotation and connotation // British Journal of Psychology. — 1963. — Vol. 54. — No 11. — Pp. 299–307.

Wason, P. C. Reasoning / In B. M. Foss (Ed.) // New horizons in psychology I. — Harmondsworth: Penguin. 1966. — Pp. 106–137.

Ubushaeva, I. V. Pragmatics of negative statements in English and Russian languages // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. — 2008. — No. 4–2. — Pp. 207–210.

Zhelesco, P. S., Rogovin, M.S. Studies of negation in practical and cognitive activity. — Chisinau: Stiinza, 1985. — 135 p.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-8

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУР

Валерия Александровна Рязанова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(аспирант)

Аннотация. В статье рассматривается проблема передачи семантических характеристик аббревиатур в специализированных словарях сокращений. На материале изученных специализированных словарей установлено, что семантика аббревиатур в словарных статьях практически не описывается. Это вызвано представлением о том, что для понимания значения аббревиатуры достаточно указания мотивационно связанного с ней словосочетания (т.н. расшифровки). Необходимость в полноценном толковании аббревиатур обосновывается семантическими особенностями аббревиатур как самостоятельных языковых единиц. Среди таких особенностей выделяются: ограниченная сфера использования аббревиатуры; идиоматизация значения сокращения; возможность омонимических отношений, которые необходимо отграничивать от случаев полисемии; многозначность аббревиатур, которая может в отдельных случаях приводить к множественной структурной трактовке аббревиатуры. Рассматриваются способы реализации многоаспектного семантико-словообразовательного словарного описания аббревиатур.

Ключевые слова: лексикографическое описание, семантика аббревиатуры, многозначные аббревиатуры, словарь сокращений, множественная трактовка.

SEMANTIC ASPECT OF THE VOCABULARY DESCRIPTION OF ABBREVIATIONS

Valeria A. Riazanova
Department of the Russian Language,
Donetsk National University
(graduate student)

Abstract. The article deals with the problem of representing the semantic characteristics of abbreviations in specialized dictionaries of abbreviations. Using material of specialized dictionaries it has been established that the semantics of abbreviations is almost never described in dictionary entries. This is due to the idea that in order to understand the meaning of an abbreviation it is enough to indicate the collocation motivationally associated with it, i.e. to carry out the so-called decoding. The need for a full-fledged interpretation of abbreviations is conditioned by the semantic features of abbreviations as independent language units. We identify the limited scope of the use of abbreviations; idiomatic meaning of abbreviations; possibility of homonymic relations, which should be distinguished from cases of polysemy; multiple meanings of abbreviations, which may in some cases lead to multiple structural interpretation of abbreviation. The article also studies the means of realization of a multidimensional semantic and word-formation vocabulary description of abbreviations.

Keywords: lexicographic description, abbreviation semantics, polysemantic abbreviations, dictionary of abbreviations, multiple interpretations.

1. Введение

С начала XX века русский язык начал активно пополняться аббревиатурами и сокращениями. Сформировавшийся за короткий промежуток времени лексический слой стал объектом лингвистических исследований сразу в нескольких направлениях:

- в изучении образования и функционирования аббревиатур в русском языке [Алексеев 1977, Борисов 1972];
- в разработке типологий аббревиатур по формальным признакам [Шведова 1970];
- в сопоставлении аббревиатур и сокращений в русском и английском, немецком и других языках [Дюжикова 1995, Максименко 2017];
- в лексикографическом описании новообразованных единиц.

В целом многочисленные исследования объединены общим пониманием аббревиатуры как результата трансформации устоявшегося расчленённого наименования (словосочетания) в нерасчленённое при условии их одновременного функционирования в языке. Аббревиация рассматривается как одноактный процесс создания коррелятивной пары «словосочетание > сокращение», в которой образованная единица полностью сохраняет семантические, стилистические и иные характеристики производящего словосочетания.

Сформировавшийся подход к аббревиации (в данной работе он рассматривается как традиционный) оказал влияние на методы лексикографического описания аббревиатур. Внимание лексикографов сосредоточено в большей степени на изучении структурных особенностей сокращений и моделей универбализации (трансформации словосочетания в слово), в то время как описание семантики и стилистики аббревиатур занимает факультативную позицию. Данное исследование посвящено проблеме передачи семантики сокращений в специализированных словарях. Актуальность исследования обусловлена намечающейся тенденцией к многоаспектному лексикографическому описанию сокращений, при котором учитываются семантические особенности вокабул.

С начала 20 века появляются специализированные словари сокращений различного назначения и объёма.

Отмечается большое количество переводных и одноязычных словарей, посвященных описанию сокращений одной тематики: «Англо-русский словарь медицинских аббревиатур» К. Осадчего и О. Удовиченко (1997), «Англо-французско-немецко-русский словарь аббревиатур, используемых в Организации сотрудничества железных дорог» (2007), «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А. А. Щелокова (2003), «Аббревиатуры тематической группы “Перемещение по воздуху” в языке и речи» под ред. А. В. Петрова (2019), «Краткий словарь военных сокращений» Н. Н. Тютюнникова (2020) и мн. др.

Особый интерес представляют общие словари сокращений, предназначенные для широкого круга пользователей: «Словарь сокращений русского языка» под ред. Д. И. Алексеева (1977), «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н. Н. Новичкова (1995), «Новый словарь сокращений русского языка» под ред. Е. Г Коваленко (1995), «Словарь сокращений современного русского языка» С. В. Фадеева (1997), «Новые сокращения в русском языке» И. В. Фаградянца (1999), «Словарь сокращений современного русского языка» Г. Н. Скляревской (2004) и др. Словари такого типа служат материалом данного исследования.

2. Особенности описания сокращений в специализированных словарях

В качестве объекта описания в рассмотренных словарях представлены аббревиатуры разных структурных типов, однако преимущественно описываются инициальные аббревиатуры и условные сокращения простых слов. В словниках обнаруживаются как сокращённые имена собственные, так и нарицательные сокращения.

Словарные статьи исследованных словарей имеют схожую модель описания вокабул. Для словарных единиц в первую очередь даются расшифровки – словосочетания, которые трактуются составителями словарей как источники описываемых аббревиатур. Как правило, с помощью специальной маркировки – с помощью жирного начертания и под. – демонстрируется формальная соотнесённость аббревиатуры и расшифровки (т. е. показано, какие элементы расчленённого наименования составляют сокращение):

(1) **ЛЗУ** [эл-зэ-у́] — **л**есо**з**аготовительный **у**часток [Алексеев 1977][21];

(2) **СИБ** [сиб*], нескл., ср. Средство индивидуальной безопасности [Скляревская 2004];

(3) **ДРЛ** дуговая ртутная лампа [Фадеев 1998];

(4) **АБЛ а**люминиевая *краска на основе* **б**акелитового **л**ака [Елисеев 2015].

При этом семантические особенности аббревиатур в словарных статьях освещаются слабо. В частности, отсутствует блок толкований, для аббревиатур не приводятся стилистические и функциональные пометы. Вместо полноценного толкования факультативно приводится краткая информация о значении или сфере употребления вокабулы:

(5) **ЛЗП** линия заданного пути (*авиа*) [Фадеев 1998];

(6) **ЧП** [че-пэ́], нескл., *ж*. Четвертая полоса (в речи журналистов). *Отредактированная ЧП* [Скляревская 2004];

(7) **агробизнес** бизнес в агропромышленности (сельском хозяйстве) [Фаградянц 1999];

(8) **ЛСП** [эл-эс-пэ́] – **л**ечебно-**с**анитарный **п**ункт (вет.) [Алексеев 1977];

Исключение семантического аспекта при описании аббревиатур можно объяснить устоявшимся мнением о том, что сокращения не нуждаются в толковании. Описательная структура расчленённых наименований, служащих источником аббревиатур, по мнению исследователей, приводит к избытку заложенной в них информации, что делает их значение понятным без толкования [Борисов 1972: 35]. В связи с этим составители словарей сокращений отождествляют формальную расшифровку аббревиатур с толкованием их лексического значения. Например, Г. Н. Скляревская в предисловии к «Словарю сокращений современного русского языка» называет расшифровки аббревиатур толкованием, смешивая таким образом разные типы словарной интерпретации [Скляревская 2004: 8].

Отсутствие блока толкований является существенным упущением, поскольку по мере закрепления в языке аббревиатуры «обрастают» собственной семантикой, стилистическими особенностями, оценочными коннотациями.

3. Особенности семантики аббревиатур

3.1. Ограниченная сфера использования

Во-первых, далеко не всегда для понимания лексического значения аббревиатуры достаточно приведенной расшифровки, особенно в случаях, когда аббревиатура относится к лексике ограниченной сферы употребления. Тогда толкование нужно как для сокращений, так и для расшифровок.

В «Словаре сокращений русского языка» под ред. Д. И. Алексеева зафиксировано большое количество аббревиатур-терминов, которые не снабжены какой-либо поясняющей информацией:

(9) ОИП – **о**бщий **и**стинный **п**еленг;

(10) ПБО – **п**олевой **б**анный **о**тряд;

(11) НРТ –**н**етто-**р**егистровый **т**оннаж [Алексеев 1977].

[21] В качестве примеров приводятся словарные статьи из словарей сокращений. Графическое оформление примеров сохраняется в соответствии с источниками.

Аббревиатура *ОИП* относится к терминам морской навигации. Истинный пеленг – это угол между направлением, по которому виден предмет или слышен звук, и северным полюсом (т.н. истинным нордом). *ПБО* – это передвижная баня (помещение, а не совокупность людей, как может показаться на первый взгляд). *НРТ* – это чистая вместимость грузового судна, равная объёму помещений, специально предназначенных для грузоперевозки.

Подобные примеры обнаруживаются в «Словаре сокращений современного русского языка» Г. Н. Скляревской:

(12) ЛИИ [лий], нескл., *м*. Лейкоцитарный индекс интоксикации;

(13) СНС [эс-эн-э́с], нескл., *ж*. симпатическая нервная система [Скляревская 2004].

Обе аббревиатуры относятся к медицинской терминологии. *ЛИИ* – показатель, характеризующий степень эндогенного (вызываемого внутренними факторами) отравления организма, который достигается подсчётом лейкоцитов различных видов. *СНС* – часть вегетативной нервной системы, которая активизируется в результате выработки адреналина и при активации вызывает возбуждение сердечной деятельности и усиление обменных процессов.

3.2. Идиоматичность значения аббревиатур

Обнаруживается большое количество сокращений с невыраженным значением, которое не выводится из суммы значений составляющих её компонентов. К таковым относится аббревиатура *ГМД* с расшифровкой *гибкий магнитный диск*. Эквивалентное словосочетание не выражает закреплённое за ним значение. *ГМД* – это не магнит, а устройство для хранения информации, больше известное как *дискета*. *Бронерукав* – гибкий трубопровод изготавливаемый из оцинкованной стали (а не защитный элемент одежды). Аббревиатура *ОЗ* (*операционная зона*) имеет несколько значений: 1. ‘часть акватории моря или океана, в пределах которой осуществляется систематическая активность военно-морских сил’; 2. ‘территория нефтебазы, на которой размещаются средства отпуска нефтепродуктов в автоцистерны, контейнеры, бочки и бидоны’.

Несмотря на то, что расшифровки представленных аббревиатур состоят из общеупотребительных слов установить лексическое значение аббревиатур на их основании невозможно.

3.3. Утрата тождества семантики сокращения и производящего словосочетания

Существуют специфические особенности семантики самих аббревиатур, связанные с устойчивым закреплением этих единиц в языке. В частности, происходит расширение значения регулярно используемых аббревиатур, которое не распространяется на соответствующие словосочетания.

Например, *МКАД* (Московская кольцевая автомобильная дорога) в современных контекстах может выражать значение символической границы, отделяющей столицу от провинции или цивилизацию от дикого мира: «*Есть ли жизнь за МКАД*?» [Шумарин 2014]. Английская аббревиатура *SMS* (Short Message Service; «служба коротких сообщений»), функционирующая в русском языке наряду с транслитерацией *СМС*, в настоящее время используется не только для обозначения короткого сообщения, которое передается при помощи сотовой связи, но и для любого сообщения какого угодно объема, передаваемого с помощью любого средства обмена информацией [Зубрицкая 2019]. Можно сказать, *СМС* сегодня является синонимом слова *сообщение*.

3.4. Возможность омонимических отношений

Начальные компоненты не взаимосвязанных расчленённых наименований могут совпадать, в результате чего образуются аббревиатуры-омонимы. В словарях фиксируется множество одинаковых по формальной выраженности аббревиатур и сложносокращенных

слов, при этом в словарных статьях нет специальной маркировки, указывающей на омонимические отношения между вокабулами.

Отмечаются случаи, когда в результате смешения омонимов носители языка ошибочно используют расшифровки омонимичных сокращений в качестве эквивалентов. Например, словосочетания *автоматический гидроподъёмник* (то же, что автовышка) и *автомобильный гидроподъёмник* (подъемник для ремонта автомобилей на СТО) образуют омонимичные сокращения *автогидроподъёмник1* и *автогидроподъёмник2*. Фиксируются тексты, в которых указанные расшифровки ошибочно используются в качестве лексических дублетов друг друга: ***Автомобильный гидроподъемник*** *можно смело отнести к категории спецтехники, имеющей оптимальное соотношение рабочего потенциала и удобства при работе с ней –* ***Автоматический гидроподъемник*** *может быть использован в работах самого широкого спектра назначения: строительных и монтажных, при прокладке коммуникаций, в городском озеленении, аварийных высотных работах* (technograd-spb.com).

3.5. Многозначность аббревиатур

Многозначность может быть обусловлена, с одной стороны, многозначностью базового компонента сокращения, а с другой стороны – возможностью вариативной трактовки признакового компонента. Такая возможность связана с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода к процессу аббревиации [Теркулов 2017].

Данный подход специализируется не на отношениях производности между словосочетанием и его сокращением, а на установлении актуальных текстовых отношений между этими единицами. Под эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры и словосочетания, в которых формально выражены одни и те же компоненты.

С разработкой синхронно-эквивалентностного подхода сформировались новые объекты исследования в сфере словообразования – аббревиатурные группы и гнёзда эквивалентности.

В результате исследования текстов с аббревиатурами было обнаружено, что сокращению могут быть эквиваленты сразу несколько словосочетаний. Например, для сложносокращенного слова *медобувь* фиксируются эквивалентные словосочетания *медицинская обувь*, *обувь медика*, *обувь для медика*, *обувь для медперсонала*, *обувь для медработника* т.д. (ССС – это разновидность аббревиатуры, представляет собой сочетание усеченной основы в препозитивном положении (т.н. аббраконструкта) с целым словом) Такие взаимосвязанные единицы формируют гнездо эквивалентности (ГЭ) сокращения.

Под аббревиатурными группами понимаются группы сокращений одной части речи, которые объединены на основании наличия у них общего препозитивного конструкта. Например, все сложносокращённые слова, имеющие в абсолютном начале конструкт био- (*биоагент*, *биоблок*, *биодатчик*, *биозавивка*, *биозащита*, *биоиспытания*, *биоконтроль*, *биоматериал*, *биополимер*, *биореактор*, *биосистема*, *биоспутник*, *биотипливо*, *биофабрика*, *биохимия* и мн. др.), объединены в абброгруппу «био».

Аббревиатурные группы сложносокращенных апеллятивов являются объектом описания «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» (далее – «Словарь»), разрабатываемого под ред. В. И. Теркулова при кафедре русского языка Донецкого национального университета [Теркулов 2018]. В разрабатываемом словаре зафиксировано около 10 тыс. сложносокращенных апеллятивов.

На материале «Словаря» обнаружено несколько моделей формирования многозначности сокращения, а также несколько вариантов взаимообусловленности семантики сложного слова и способов его расшифровки.

Первый вариант. Многозначность базиса приводит к многозначности сложного слова.

Слово э*кономрежим* базируется на многозначном компоненте *режим*. Согласно толковому словарю Д. В. Дмитриева, *режим* имеет следующие значения: «государственный строй, тип правления»; «запланированный и исполняемый кем-либо распорядок жизни, дел, действий»; «система медицинских предписаний, направленных на преодоление течения болезни»; «способ функционирования какого-либо устройства» и т.д. [Дмитриев 2003].

В разрабатываемом «Словаре» для сокращения *экономрежим* даются значения: 1. «условия функционирования работы электроприбора, позволяющие затрачивать меньше потребляемой энергии»; 2. «способ ведения хозяйства, в основу которого положен принцип бережливости, минимизации расхода ресурсов, ресурсосбережения». В данном случае первое и второе значения реализуются в одних и тех же синтаксических эквивалентах (*экономный режим*, *экономичный режим*, *режим экономии*). Дополнительные словосочетания здесь появляются скорее в результате регулярного смешения носителями языка паронимов, а не по причине полисемантичности базиса.

Второй вариант. Многозначность базиса приводит к многозначности сложного слова и к появлению разных синтаксических эквивалентов.

Отмечаются случаи, когда каждое из значений многозначного сокращения мотивирует появление специального синтаксического эквивалента.

Например, сложное слово *нефтеёмкость* в соответствии с многозначным базисом *ёмкость* имеет следующие значения: «1. физическая величина, характеризующая способность сорбционного материала впитывать нефть или нефтепродукты 2. большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти». В гнезде эквивалентности имеется СЭ *нефтяная ёмкость*, который способен передавать оба лексических значения, поскольку обладает предельно общей ономасиологической структурой (конструкт в данном случае имеет ономасиологический статус «квалификатив»). В то же время обнаруживаются эквиваленты *ёмкость нефти* и *ёмкость для нефти*, которые в силу своих структурно-ономасиологических характеристик могут соотноситься только с одним из представленных значений (только с первым и только со вторым соответственно).

Третий вариант. Расширение значения сокращения приводит к появлению синтаксических эквивалентов.

Полисемантичность может формироваться непосредственно у сложного слова в результате идиоматизации.

Слово *нефтебочка* используется в двух значениях: 1. ‘большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти’ (то же, что *нефтеёмкость* в первом значении); 2. ‘мера объема нефтепродуктов, используемая для измерения в экономических расчётах в некоторых странах’ (т.е. баррель). Очевидно, что развитие второго значение не связано с семантикой отдельно взятых составляющих его структурных компонентов. Синтаксический эквивалент *бочка для нефти* соотносится только со значением ‘большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти’, поскольку ономасиологичсекая модель данного эквивалента («приспособление + дестинатив») не противоречит этому значению.

Четвёртый вариант. В разных синтаксических эквивалентах проявляются разные ономасиологические модели.

Сложное слово *маслостойкость* имеет значения 1. «свойство пигмента, из которого изготовляют окрасочные составы, не растворяться в растительных маслах и олифах», которое соотносится со словосочетанием *стойкость к маслу* и 2. «способность масла сохранять свойства при химическом, физическом воздействии», соответствующее словосочетанию *стойкость масла*. Очевидно, эти словосочетания не могут использоваться для взаимозамены в одном контексте для обозначения одного и того же референта, в отличии от компонентов ГЭ слова *экономрежим*, рассмотренного выше.

Исследование и описание аббревиатур, которые проводится при работе по составлению «Словаря» под ред. В. И. Теркулова, базируются на четырёх аспектах:

● на квантитативном, который учитывает различные количественные характеристики и соотношения между компонентами группы;

● на структурном, который позволяет определить структуру составляющих абброгруппу единиц;

● на ономасиологическом, в рамках которого рассматриваются типы смысловой связи между компонентами сокращения;

● на семантическом, при котором учитываются особенности семантики сокращений и её влияние на гнёзда эквивалентности.

Составители учитывают фонетические, морфологические, стилистические, лексические характеристики сокращений и отражают все эти особенности в словарных статьях. Представленная на слайде статья как раз содержит все функционирующие в «Словаре» блоки:

(14) ***Àвтоизвóз, -а***, м., ед. *Разг.* Перевозка за плату на своём личном *автомобиле* пассажиров и грузов ◄ 1: *извоз на автомобиле* ► 10: *автомобильный извоз, извоз на автомобилях* ● *автоперевозки, извоз, перевозки, такси* ✶ *автоизвозчик*.

Словарная статья включает заглавное слово (с основным и побочным ударениями) и его графические варианты; грамматические характеристики слова; пометы, толкование значения; блок текстовых эквивалентов с указанием соотношения частотных характеристик между сокращением и эквивалентом (т.н. балансы индексов), блок лексических эквивалентов – гиперонимов и синонимичных сокращений; блок отаббревиатурных производных.

4. Выводы

Структурные трактовки аббревиатур не способны предоставить полноценные сведения об их лексическом значении. Это обусловлено семантическими особенностями аббревиатур, которые, как правило, не отображаются в специализированных словарях.

Во-первых, в толковании нуждаются аббревиатуры-термины. Во-вторых, аббревиатуры подвергаются процессу идиоматизации, в результате чего их значение невозможно сформировать на основе значений составляющих их компонентов. В-третьих, существуют многозначные аббревиатуры, полисемантичность которых может иметь различные основания и пути формирования.

Метод многоаспектного толково-словообразовательного описания аббревиатур имеет преимущества перед традиционным лексикографическим подходом. Введение блока толкований в структуру специализированных словарей позволяет решить целый ряд проблем, обозначенных в исследовании: зафиксировать актуальную связь сокращения с расчленёнными эквивалентами; предоставить пользователям словаря сведения о лексическом значении общеупотребимых слов и узкоспецилизированных терминов; разграничить случаи омонимии и полисемии сокращений; отразить стилистическую окраску или нейтральность описываемых единиц и т.д.

Таким образом, пользователь словаря получит всю необходимую информацию об интересующем его сокращении в одном источнике.

Литература

Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка. 3-е изд. – Москва, 1977. – С. 13–37.

Алексеев Д. И. Словарь сокращений русского языка : около 15 000 сокращений / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров ; под ред. Д. И. Алексеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1977. – 415 с.

Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – Москва : Воениздат, 1972. – 320 с.

Дюжикова Е. А. Словосложение и аббревиация: сходство и различия (на материале современного английского языка) // Изв. Вост. ин-та. – 1995. – № 2. – С. 115–121.

Елисеев И. А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка. – М. : Инфра-М, 2015. – 716 с.

Зубрицкая Ю. Д. Структурно-семантические особенности аббревиатур в молодежном Интернет-общении и проблемы их перевода (на примере аббревиатур в английском, русском и испанском языках) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : Сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых. В 2-х частях, Екатеринбург, 08 февраля 2019 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент лингвистики, Кафедра иностранных языков; Общая редакция: Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, С. А. Иванова, С. К. Пестерев. – Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2019. – С. 263–267.

Максименко О. И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 174–181.

Новые сокращения в русском языке 1996–1999. Под ред. И. В. Фаградянца. – М.: ЭТС, 1999. – 160 с.

Скляревская Г. С. Словарь сокращений современного русского языка. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73–97.

Теркулов В. И. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» , Санкт-Петербург, 03–05 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. – С. 104–113.

Толковый словарь русского языка. – Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

Фадеев С. В. Тематический словарь сокращений современного русского языка: около 20 000 сокращений. – М., 1998. – 538 с.

Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – Москва : Наука, 1970. – 76 с.

Шумарин С. И. Словарное описание аббревиатур: лингвокультуроведческий аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №3 (45). – С. 31–33.

References

Alekseev D. I. Abbreviatury kak novyj tip slov [Abbreviations as a new type of words]. Razvitie slovoobrazovanija sovremennogo russkogo jazyka. 3rd edition. Moscow, 1977, pp. 13–37. – in Russian

Alekseev D. I. Slovar' sokrashchenij russkogo yazyka: okolo 15 000 sokrashchenij [Dictionary of Russian Abbreviations: about 15,000 abbreviations]. Moscow: Russkij Jazyk, 1977. 415 p.

Borisov V. V. Abbreviacija i akronimija. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashhenija v inostrannyh jazykah [Abbreviation and acronyms. Military and scientific and technical abbreviations in foreign languages]. Moscow, Voenizdat Publ., 1972. 320 p.

Djuzhikova E. A. Slovoslozhenie i abbreviacija: shodstvo i razlichija (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [Word compounding and abbreviation: similarities and

differences (on the material of modern English)]. Izvestija Vostchnogo instituta. 1995, №2, pp. 115–121.

Eliseev I. A. Slovar' abbreviatur i akronimov russkogo yazyka [Dictionary of Russian Abbreviations and Acronyms]. Moscow. Infra-M, 2015. 716 p.

Fadeev S. V. Tematicheskij slovar' sokrashhenij sovremennogo russkogo jazyka: okolo 20 000 sokrashhenij [Thematic dictionary of abbreviations of the modern Russian language: about 20 000 abbreviations]. Moscow, 1998.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Responsible editor N. Ju. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.

Maksimenko O. I. Novye tendencii abbreviacii (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov) [New tendencies of abbreviation (on the material of Russian, English and German languages)]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2017, Vol. 8, № 1, pp. 174–181.

Novye sokrashhenija v russkom jazyke. 1996–1999 [New abbreviations in Russian language. 1996-1999]. Edited by I. V. Fahradyants. Moscow, 2000. – in Russian

Skljarevskaja G. N. Slovar' sokrashhenij sovremennogo russkogo jazyka [Dictionary of abbreviations of modern Russian language]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 448 p.

Shumarin S. I. Slovarnoe opisanie abbreviatur: lingvokul'turovedcheskij aspekt [Dictionary description of abbreviations: linguocultural aspect]. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014, №3 (45), pp. 31–33.

Terkulov V. I. Slozhnosokrashhennye slova: sinhronnyj i diahronnyj aspekty opisanija [Complex abbreviated words: synchronic and diachronic aspects of the description].Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2017, №6, pp. 73–97.

Terkulov V.I. Tolkovo-jekvivalentnostnyj slovar' slozhnosokrashhennyh slov russkogo jazyka kak novyj tip slovarja abbreviatur [Explanatory-Equivalent Dictionary of Russian Abbreviated Words as a new type of dictionary of abbreviations]. Rossijskaja akademicheskaja leksikografija: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju vyhoda pervogo toma akademicheskogo «Slovarja sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka», Sankt-Peterburg, 03–05 oktjabrja 2018 goda. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. Pp. 104–113.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by D. V. Dmitriev. Moscow, Astril, AST Publ., 2003. 1578 p.

Zubrickaja Ju. D. Strukturno-semanticheskie osobennosti abbreviatur v molodezhnom Internet-obshhenii i problemy ih perevoda (na primere abbreviatur v anglijskom, russkom i ispanskom jazykah) [Structural and semantic features of abbreviations in youth Internet-communication and problems of their translation (by the example of abbreviations in English, Russian and Spanish)]. Aktual'nye voprosy filologicheskoj nauki XXI veka: Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. V 2-h chastjah, Ekaterinburg, 08 fevralja 2019 goda. Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Ural'skij gumanitarnyj institut, Departament lingvistiki, Kafedra inostrannyh jazykov. Ed. by Zh. A. Hramushina, A. S. Porshneva, S. A. Ivanova, S. K. Pesterev. Ekaterinburg, UMC UPI Publ. 2019, pp. 263–267.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-9

ТАВТОЛОГИИ ТОЖДЕСТВА В ЭКСПЛИЦИРУЮЩИХ КОНТЕКСТАХ КАК МАРКЕРЫ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

Анастасия Александровна Сахоненко
Санкт-Петербургский Государственный университет
(студент)

Аннотация. В статье рассматриваются русские тавтологии тождества, сопровождаемые эксплицирующими комментариями, которые раскрывают импликатуры, передаваемые тавтологиями в данном контексте. Примеры из Национального корпуса русского языка демонстрируют, что такие комментарии могут сильно различаться по объёму, но большинство из них не превышает одиннадцати слов. Комментарии могут относиться к одной или нескольким тавтологиям и обычно располагаются непосредственно после них. Эксплицирующие комментарии можно разделить на три группы: указание на релевантный признак референта, ожидаемый план действий или принадлежность передаваемой тавтологией информации к сфере фоновых знаний. В статье утверждается, что тавтологии, сопровождаемые эксплицирующими комментариями, выступают в качестве маркеров фоновых знаний и указывают на то, что говорящий причисляет себя и слушающего к одной группе.

Ключевые слова: грамматика конструкций, микросинтаксис, русский язык, языковые тавтологии, семантика, прагматика, общие знания, фоновые знания.

EQUATIVE TAUTOLOGIES IN EXPLICATING CONTEXTS AS MARKERS OF GENERAL KNOWLEDGE

Anastasiya A. Sachonenko
Saint Petersburg State University
(undergraduate student)

Abstract. The paper examines Russian equative tautologies accompanied by explicating comments which disclose the implicatures conveyed by the tautologies in the given context. The data taken from the Russian National Corpus show that such comments can vary greatly in length but the majority do not exceed eleven words. The comments can pertain to one or several tautologies and are generally placed directly after them. Explicating comments can be divided into three semantic groups depending on whether they reference relevant characteristics of an object or a customary course of action or state that the information conveyed by the tautology belongs to the category of general knowledge. We argue that, when accompanied by explicating comments, tautologies serve as markers of general knowledge and show that the speaker regards themselves and the hearer as members of the same group.

Key words: Construction Grammar, microsyntax, Russian language, tautologies, semantics, pragmatics, shared knowledge, general knowledge.

1. Введение

Тавтологии тождества *X есть X* и *X это X* активно используются носителями русского языка в повседневном общении, позволяя говорящему имплицитно передавать информацию о конкретных свойствах референта за счёт отсылки к общим фоновым

знаниям, а также сигнализируя о принадлежности коммуникантов к единой группе, разделяющей представления о референте [Fraser 1988; Miki 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Meibauer 2008; Вилинбахова 2022] (см. 1–2).

(1) *Ни один артист не застрахован от разного рода неожиданных происшествий на сцене* ***— театр есть театр****, а особенно если это оперный.* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)][22].

(2) *Он, конечно, понимает, что* ***сказка — это сказка****. Но он умеет вышелушить сказку и добыть драгоценное зернышко, помогающее осмыслению жизни.* [С. А. Дангулов. Керашев (1981)]

В то же время встречаются контексты, в которых, на первый взгляд, нарушается принцип языковой экономии, так как сообщение, передаваемое тавтологией, дублируется (см. 3–4).

(3) *Конечно, это немного утомляло, но вообще-то* ***юбилей есть юбилей —*** *надо же отпраздновать!* [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]

(4) *Но* ***партнер — это*** *только* ***партнер****. То есть на время.* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

В примерах вроде (1) такое противоречие не ощущается, а тавтология, помимо своего общего значения, несёт также оттенок причинности. В рамках настоящего исследования было решено сосредоточиться на случаях употребления тавтологий в начальной или средней позиции, то есть в контекстах, которые могут показаться более спорными.

Изложение в статье строится следующим образом: в разделе 2 даётся характеристика фоновых знаний, в разделе 3 рассматриваются структурные и семантические свойства тавтологий *X есть X* и *X это X*, в разделе 4 излагаются методология и результаты исследования, и в заключительном разделе 5 подводятся итоги исследования и обсуждаются перспективы применения его результатов.

2. Значение общего и индивидуального фонового знания

В лингвистической литературе фоновые знания обсуждаются при описании коннекторов, показателей эвиденциальности, тавтологических конструкций и других языковых явлений (см. [Willet 1988; Инькова 2016; Hintz, Hintz 2017; Eberhard 2018; Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020; Крюкова 2020; Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022]). При этом, как подчёркивается в [Вилинбахова 2022], в некоторых из цитируемых работ на первый план выходит понятие генерализованного знания (general knowledge), в то время как в других важная роль отводится понятию совместного, или общего, знания (mutual knowledge, shared knowledge). В первом случае подчёркивается очевидность информации и обязательность знания, а во втором делается акцент на известности некоторого факта как для говорящего, так и для слушающего.

Основные свойства фоновых знаний описаны в работе [Kittilä 2019], посвящённой общим фоновым знаниям как эвиденциальной категории. Этими свойствами являются: (а) включённость фоновых знаний в представления говорящего об окружающем мире; (б)

[22] Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), если не указано иное.

возможность обращения к фоновым знаниям в любой момент времени; (в) неспособность говорящего указать на источник фоновых знаний.

Также в литературе обсуждаются дополнительные значения, которые могут передаваться при помощи показателей фоновых знаний. Так, в [Kittilä 2019] отмечается, что при апелляции к фоновым знаниям на первый план обычно выходит уверенность говорящего в правдивости информации; в [Hintz, Hintz 2017] говорится о способности показателей фонового знания в южном кончукос указывать на принадлежность говорящего и слушающего к одной группе или представлять собой приглашение для слушающего к ней присоединиться.

3. Общие сведения о конструкциях *X есть X* и *X это X* в русском языке

3.1. Структурные свойства

Частеречное наполнение конструкций *X есть X* и *X это X* целесообразно определять не в морфологических терминах, а в терминах синтаксических групп, так как именно синтаксические группы могут занимать место переменных в конструкциях [Вилинбахова, Копотев 2017] (см. 5–6)[23].

(5) *Сейчас мало людей, которые знают архивное дело так, как я.* ***Любимая работа есть любимая работа!*** [Яна Шевцова (КП-Казань). «Синий» человек теперь еще и не спит // Комсомольская правда, 2002.04.26].

(6) *И не оспоришь приговор арбитра — все верно,* ***вне игры есть вне игры***. [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)]

В качестве повторяющихся элементов могут выступать именные группы с присутствующими (5) или эллиптированными вершинами (7), местоименные группы в Им. п. (8) или косвенных падежах (9), группы числительных (10), глагольные группы с глаголами в форме инфинитива (11) или претерита (12), предложные (13) и наречные группы (14), а также предикативы (6) [Вилинбахова, Копотев 2017].

(7) *— Вы так удивляетесь, будто я китайского языка не знаю. А его многие не знают. — Ну,* ***китайский это китайский***. [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга, 2010]

(8) *— Интересно мне, почему* ***ты — это ты****, а* ***я — я****?!* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)]

(9) *— Скажи, что нам поесть. — Кому это — нам? — удивилась Людмила. —* ***Нам — это нам****…* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

(10) *Всякое может случиться.* ***Один — это один****, а* ***трое — трое****…* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]

(11) *Серые, глубокие глаза Лобастого тихо сияют. —* ***Начать — это начать****, — бормочет он.* [Василий Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту (1972—1974)]

[23] Примеры (5–15) оттуда же.

(12) *Колька опять приник к ней и опять стал уговаривать: в конце концов,* ***погиб — это погиб****.* [Владимир Маканин. Голоса (1977)]

(13) [Мит Андрей, nick] *Александр, история — точная наука.* ***«В июле» — это «в июле»****.* [коллективный. Форум: Уничтожение польской профессуры Львова. Обсуждение (2012)]

(14) ***Завтра — это завтра****, но уже сейчас стоит подготовиться.* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)]

Отдельно стоит упомянуть модификации, которым могут подвергаться конструкции. Во-первых, в [Вилинбахова, Копотев 2017] упоминается возможность нарушения симметричности конструкций за счёт эллипсиса одной из вершин (15). В ходе текущего корпусного исследования мы выделили также случаи перестановки вершины и зависимого (16), употребления таких лексем, как *всякий*, *просто*, *всегда*, *здесь* (17–20), а также разрывания конструкций обращением (21), что также приводит к нарушению симметричности.

(15) ***Обязательство в письменной форме — это [обязательство] в письменной форме****.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]

(16) *Однако* ***государственные дела есть дела государственные*** *и тут не до сантиментов.* [Игорь Андреев. Желтый ящик // «Знание - сила», 2006]

(17) *Всякий* ***бунт есть бунт****.* [Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты (1928)]

(18) ***Учитель Бэлшуну*** *–* ***это*** *просто* ***учитель Бэлшуну****.* [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Обретение Энкиду (1997)]

(19) *А* ***солдат*** *всегда* ***солдат****, хоть бы и советский, где-нибудь в Берлине, а* ***баба*** *всегда* ***есть баба****, хоть и в оккупации — не всегда ждет, когда вернутся «наши».* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]

(20) *А* ***«ясак»*** *здесь —* ***это «ясак»****, никакими уговорами его не прошибешь, это не Россия-матушка.* [Шура Буртин. Турция — Курдистан: линия фронта // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января - 7 февраля 2008]

(21) *Так вот — пугать нас не надо, мы все тут люди пуганые, а* ***политическая несознательность****, товарищи,* ***— это политическая несознательность****, и* ***безответственность — это****, товарищи,* ***безответственность****, и подобные настроения мы, товарищи, конечно же пресекали и будем пресекать…* [Любовь Кабо. Правдёнка (1997)]

Во-вторых, в [Вилинбахова, Копотев 2017] описываются случаи употребления связок *это* и *есть* в форме прошедшего или будущего времени, сопровождающегося изменением падежа второго из повторяющихся элементов с именительного на

творительный [Вилинбахова, Копотев 2017] (см. 22–24)[24]. Кроме того, в ходе исследования мы обратили внимание на возможность сочетания связки *это* со связкой *есть* в форме настоящего времени (25) и способность связок подвергаться эллипсису в случае параллельного употребления нескольких тавтологических конструкций (8, 10, 23). Отметим также возможность распространения конструкции *X есть X* путём употребления союза *и* в позиции перед связкой (26).

(22) *Для него* ***приказ был приказом, закон был законом****, правильный, неправильный, но исполнять надо, раз это закон.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

(23) *Пусть* ***улыбка будет улыбкой****, а* ***нож*** *—* ***ножом****.* [Б. Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // Звезда, 2005]

(24) ***Мать*** *—* ***это была мать****, другая сторона, и незачем задевать ее в разговоре.* [Дина Рубина. Терновник (1983)]

(25) *Вам кажется, что* ***жизнь — это есть жизнь****, что действительность видима и что поступки — это есть человек.* [Александр Кабаков. Последний герой (1994-1995)]

(26) *— Да* ***Хрон*** *и* ***есть Хрон****, ему лишь бы залиться!* [Роман Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000]

В [Падучева 2004] отмечается, что тавтология *X есть X* может сопровождаться эксплицирующим комментарием, раскрывающим заключённую в ней импликатуру[25]. То же самое верно и для конструкции *X это X* (см. также 20, 22, 24, 26). Подробно характеристики эксплицирующих комментариев рассматриваются в разделе 3.2.

3.2. Семантические свойства конструкций

Для описания значений, передаваемых конструкциями *X есть X* и *X это X* в конкретных контекстах, необходимо выйти за рамки чисто семантического уровня и обратиться к частным речевым импликатурам [Падучева 2004; Вилинбахова, Копотев 2017], что позволяет объяснить способность обеих тавтологий передавать как положительное, так и отрицательное отношение говорящего. Это противоречит описанию из [Булыгина, Шмелев 1997], где говорится, что конструкции *X есть X* свойственна отрицательная импликатура, а конструкции *X это X* — положительная, но уже в [Вилинбахова, Копотев 2017] приводятся примеры, демонстрирующие, что каждая из конструкций способна передавать любую оценку говорящего (27–28)[26], т.е. для этих конструкций «всегда находятся “контрпримеры”, опровергающие возможные толкования» [Там же: 119].

(27) *Это прекрасная новость. А у него есть конкурент? Компания «Боско»? Хорошая марка, но* ***Карден есть Карден****. Он обладает абсолютным вкусом, великолепно*

[24] Примеры (22–24) оттуда же.

[25] Под импликатурой в работе понимается «компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т. е. закодированное в языке, значение слов или конструкций, а выводится из него при учёте контекста ситуации, с опорой на Принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты» [Падучева 2004: 101].

[26] Примеры (27–28) оттуда же.

чувствует линию, красоту. [Долгополов Николай. Пьер Карден против «Боско» // Труд-7, 2007.03.02]

(28) *— Насколько мне известно из допросов военнопленных, — заметил Вайс, — советские люди, например, несмотря на все, убеждены, что гитлеровцы — это одно, а немецкий народ — совсем другое. — Вздор! — горячо воскликнул Генрих. —* ***Немцы — это немцы****, и все они одинаковы.* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)]

Тем не менее, даже с учётом важной роли контекста, можно выделить некоторые тенденции в употреблении конструкций. В целом, в конструкции *X есть X* «первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй — на его свойство», в то время как в конструкции *X это X* «устанавливается тождество объекта самому себе» [Вилинбахова, Копотев 2017: 119], чем объясняются содержательные особенности этих тавтологий.

Во-первых, конструкция *X есть X* указывает на «общее свойство всех манифестаций индивида или класса X», в то время как значение конструкция *X это X* «состоит в выделении X-а среди прочих индивидов или классов» [Булыгина, Шмелев 1997: 508–509].

Во-вторых, конструкция *X есть X* обычно употребляется в том случае, когда у говорящего и слушающего имеются общие фоновые знания относительно предмета разговора, а конструкция *X это X* может успешно использоваться также в тех ситуациях, когда общие фоновые знания участников коммуникативного акта отсутствуют [Вилинбахова, Копотев 2017] (29)[27].

(29) *— Утро — это до какого часа? —* ***Утро — это утро****, до десяти. Но телефон не входит*. [Сергей Юрский. Сеюки (1997–1998)]

В-третьих, конструкция *X это X* чаще используется для апелляции к метаязыковому знанию [Вилинбахова, Копотев 2017] (30).

(30) *Ерунда все эти ярлыки и звания!* ***Кобзон есть Кобзон****. Равнозначная себе величина*. [Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)]

Другие типы фоновых знаний, которые способны передавать конструкции *X есть X* и *X это X* включают дескриптивные, прескриптивные, повсеместные и локальные знания [Крюкова 2020].

Стоит также отметить, что конструкции могут использоваться говорящим для передачи чужих фоновых убеждений. В ходе настоящего исследования были найдены примеры использования конструкции *X есть X* для передачи представлений другого человека или группы людей (31–32).

(31) *Как любил говорить Корнелин,* ***закон есть закон****.* [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)]

(32) *Лишь изредка задергивается тяжелая штора, из-за которой пробиваются красные отсветы.* ***Жизнь есть жизнь****, считают голландцы, и незачем скрывать ее от посторонних глаз.* [В. В. Овчинников. Своими глазами (2006)]

[27] Пример (29) оттуда же.

Если пример (31) можно трактовать как прямое цитирование, то пример (32), по всей видимости, представляет собой высказывание, порождённое говорящим самостоятельно. В описываемом примере конструкция *X есть X* указывает на общепризнанность взгляда на ситуацию среди группы, к которой говорящий не принадлежит, но о менталитете которой он имеет представление. Подобное употребление показывает, что тавтологии тождества иногда могут употребляться говорящим для выражения точки зрения, которая позволяет объяснить некоторые факты действительности, причём сам говорящий может не соглашаться с содержащейся в тавтологии импликатурой.

4. Тавтологии в эксплицирующих контекстах по корпусным данным

4.1. Сбор и разметка корпусного материала

Исследование проводилось автором статьи на материале данных основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На данном этапе исследования задачей было собрать примеры предложений, содержащих устанавливающие тождество тавтологии *X есть X* и *X это X*, со связками в форме настоящего времени. Отбирались контексты, в которых в качестве повторяющихся элементов конструкций выступали именные группы в именительном падеже, с эксплицитно выраженными вершинами. Именно на такие примеры приходится большинство употреблений тавтологий тождества в корпусе [Вилинбахова, Копотев 2017].

Вслед за [Вилинбахова, Копотев 2017] дополнительно применялось ограничение к текстам для анализа: они должны были быть созданы не ранее 1945 года, чтобы найденные примеры отражали стратегии употребления конструкций в современном русском языке, а не устаревшие модели. В то же время ограничения должны были быть не слишком жёсткими, чтобы собранных примеров было достаточно для подведения итогов и выделения закономерностей использования тавтологий тождества.

Корпусные примеры были собраны 10.01.2022. Для поиска использовались запросы вида: **a* S,nom,sg; на расстоянии от 1 до 2 от «есть» | «это»; на расстоянии от 1 до 2 от a* S,nom,sg**. Расстояние между элементами задавалось таким образом, чтобы в выдаче могли попадаться результаты типа «чужие люди есть чужие люди» или «рюмка водки – это рюмка водки». Примеры на конструкции *X это X* и *X есть X* отбирались вручную. Также вручную при необходимости осуществлялся поиск расширенного контекста.

Найденные примеры загружались для обработки в формате таблицы, где впоследствии дополнительно отмечалась информация о типе конструкции (*X есть X* или *X это X*), наличии или отсутствии эксплицирующего комментария, его расстоянии от конструкции, типе и объёме.

В ходе поиска по основному подкорпусу НКРЯ было собрано в общей сложности 2043 контекста, содержащих конструкции *X есть X* и *X это X*. Объём подкорпуса составил в общей сложности 89 935 слов.

4.2. Анализ и результаты

Из 204 контекстов, содержащих конструкции *X есть X* и *X это X*, эксплицирующие комментарии содержали 32,4% (662 примера против 1381), т.е. примеры употребления конструкций без соответствующих комментариев более частотны. В то же время эксплицирующие комментарии встречаются не настолько редко, чтобы считать подобные случаи употребления маргинальными.

Анализ примеров показал, что за редким исключением (33 примера из 662, или около 5% случаев) эксплицирующий комментарий стоит непосредственно после конструкции в том же или следующем предложении (33–34). В отдельных примерах

комментарий может быть отделён словами автора при прямой речи (35), обращением (36) или фрагментами с уступительным значением (37) — 7, 6 и 4 примера соответственно.

(33) *Я предложила им изысканный, на мой взгляд, букет из лучших сортов. Но они категорически отказались от букета. Были удивлены и даже оскорблены. Сказали, что* ***чай есть чай*** *и смешивать сорта нельзя ни в коем случае!* [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)]

(34) *Так появилась пара хвалебных абзацев о Черненко в самом начале доклада. Но* ***аппарат есть аппарат****. Он коварен и мстителен.* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]

(35) *— **Б-быков есть Быков**, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех н-немощных на своих п-плечах.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Путь на Амальтею (1959)]

(36) *Тело еще сопротивляется, но* ***голова есть голова****, дорогая. Голова подчинит себе тело.* [Виктор Конецкий. На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок). Повесть (1978)]

(37) *В конце сессии Алле предстоял госэкзамен по иностранному.* ***Язык есть язык****, пусть даже не китайский, а только лишь английский, — нужно заниматься.* [Нина Горланова. Филологический амур (1980)]

Объём эксплицирующих комментариев может сильно различаться: в то время как 499 примеров имеют объём в пределах от двух до одиннадцати слов (медиана = 7, мода = 5), встретилось 4 комментария, состоящих из одного слова (38). Объем эксплицирующих комментариев из оставшихся 159 примеров был больше 11 слов. Максимальная длина комментария составила 119 слов (39). Сложные комментарии могут оформляться в одно или несколько предложений (38, 47).

(38) *Ну а власть?* ***Власть есть власть****. Насилие.* [Виктор Некрасов. Саперлипопет (1983)]

(39) *Я должна испить чашу до дна — это 58-я, хорошая или плохая;* ***бандитки — это бандитки****, это огромный барак животных страстей: бытовички, сидящие за какую-нибудь мелочь, крестьянки, молоденькие девушки, отсиживающие срок по приказу Сталина об опоздании на завод на десять минут, все это смешано в клубок: и если это голод, то один открыто, жадно ест, а другой, голодный, не отрывая глаз, также открыто, унизительно подбирает крошки; если это холод, неудобства, то один в тепле и удобстве, а другому холодно, неудобно, а самое отвратительное половые страсти: половина барака лесбиянки, до тошноты открытые, те, что в бантиках, изображающие из себя жен или любовниц, называются «ковырялками», а изображающие мужчин выглядят безобразно, стрижены почти наголо, в мужской одежде, носят имена Васек, Ванек, Костик, называются «коблами», худы до костей, потому что работают за себя и своих дам, говорят визгливым басом.* [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)]

Эксплицирующие комментарии способны передавать несколько типов значений, причём тип значения не зависит от типа конструкции. Во-первых, они могут указывать на типичные свойства референта, релевантные для текущей коммуникативной ситуации (40–41). Подобные комментарии представляют очень разнородную группу, внутри которой выделяются 20 примеров, комментарии к которым напоминают по форме словарные толкования (42), и 27 примеров с комментариями, поясняющими значение конструкции через отрицание (43). В отличие от случаев параллельного употребления тавтологических конструкций (*я — это я, а ты — это ты*), в подобных контекстах не подчёркивается факт нетождественности упомянутых сущностей, а выстраивается образ одного объекта через контраст с другим.

(40) *Строже всего Семен хранил тайну от жены.* ***Баба и есть баба —*** *волос долог, да ум короток. Поведай, не утерпит — разнесёт по селу.* [Владимир Тендряков. Суд (1960)]

(41) *Что ни говори, а* ***мировой язык есть мировой язык****, и с ним нигде не пропадешь.*

(42) *У Сергея была стройная теория деления человечества на бедных, богатых и больных.* ***Бедные — это бедные****. Это те, у кого за три дня не хватает до получки.* [Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)]

(43) ***Чайник — это чайник****. Он не кофейник, и достаточно, а эти молодые спятили на носиках и крышечках, но она-то не такая!* [Галина Щербакова. Дивны дела Твои, Господи... (2001)]

Также эксплицирующие комментарии способны указывать на общепринятый, по мнению говорящего, план действий. В таком случае их значение имеет прескриптивный оттенок (44). В подобных контекстах использование конструкции может быть связано с нежеланием говорящего принимать личную ответственность за совершенные или планируемые действия, так как тавтологии отсылают к коллективным представлениям о подобающем поведении, с которыми говорящий не может не считаться. Возможна также альтернативная трактовка таких примеров, при которой значение, передаваемое эксплицирующим комментарием, рассматривается как следствие принадлежности референта к данному классу объектов (*Если война — это война, то надо убивать.*).[28]

(44) ***Война — это война****, надо убивать. Нам что — боевое оружие вручили в «Зарницу» играть с братьями по классу?* [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994)]

Отдельную группу представляют собой комментарии, в которых содержится дополнительное эксплицитное указание на типичность и ожидаемость ситуации (45–46), а также на общеизвестность некоторого факта внеязыковой действительности (47–48).

(45) *— Машину уже после развода купила. А весной — тюк! – и нет машины. Теперь не моет. — Угнали, что ли? — Разбила.* ***Баба есть баба****, что ты хочешь. Теперь ни мужа, ни машины.* [Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1992)]

[28] Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за данное наблюдение.

(46) *— Так я и думал, — хмуро сказал Леня. —* ***Пан есть пан****! Все они одним лыком шиты! И дело тут не в злости или доброте, а в этой помещичьей жилке собственничества и равнодушия к людям.* [Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969)]

(47) *— Мы бы по партлинии к властям давно обратились. Да ведь не с чем! Да ведь не с чем!* ***Арендатор и есть арендатор****. Это все знают. И сейчас ему палки в колеса совать нельзя. На данном этапе он нужен…* [М. А. Кравков. Зашифрованный план (1923)]

(48) *—* ***Восток есть восток****, дело тонкое, как известно, как совершенно верно подмечено в знаменитом, чуть ли не целиком с годами вошедшем в поговорку, отечественном фильме — но и запад ведь есть, где-то там, как посмотришь по карте, — налево, — как же с ним?* [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)]

Как видно из примеров (47–48), комментарии, передающие разные значения, могут соседствовать друг с другом. Так, в примере (47) непосредственно за конструкцией следует указание на общеизвестность знания, которое сочетается с указанием на предпочтительный тип взаимодействия с арендатором и причина выбора такого типа взаимодействия (ему нельзя мешать, потому что он нужен). В примере (48) соседствуют сразу три типа комментариев: характеристика общих свойств, указание на принадлежность информации к общему фоновому знанию, а также четвёртая разновидность эксплицирующего комментария — описание источника цитаты, см. также (49). Случаи сочетания комментариев разных типов очень редки: в нашем корпусе встретилось 12 подобных примеров, 6 из которых пришлось на сочетание описательного пояснения и фоновых знаний. Отметим также, что соседствующие комментарии в редких случаях способны вкладываться один в другой (50).

(49) *«Удивительный народ, — подумала она о немцах, — даже на фронте они лакируют гробы!* ***Орднунг есть орднунг****, как говорил мой незабвенный Адась… Такой на войне порядок — убивать лучших…»* [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]

(50) *Жалко старикана, да что поделаешь,* ***жизнь — это жизнь****, а жизнь, как уверял один разуверившийся писатель, — это проходной двор между двумя уборными.* [Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000]

Может показаться, что комментарии в (48–49) нарушают положение Киттиля о невозможности назвать источник фонового знания [Kittilä 2019: 1280], но это противоречие только видимое. Подобные комментарии стоит рассматривать именно как указание на источник цитаты, а не источник знания. Особенно хорошо это видно из примера (48), в котором автор выражает свои представления о немцах. В данном примере они соответствуют этническим стереотипам носителей русского языка, и автором заимствуется только форма выражения этих стереотипов, которые являются одной из разновидностей фоновых знаний. В то же время источник знания может не совпадать с источником цитаты, что верно также для примера (49), в котором автор в слегка изменённом виде приводит широко известную цитату из фильма «Белое солнце пустыни»: «Восток — дело тонкое».

В рассмотренных ранее примерах эксплицирующие комментарии относились только к одной конструкции, однако встречаются примеры с однородными тавтологическими конструкциями. Так, в ходе исследования собрано 34 примера, в которых

эксплицирующий комментарий относится к двум конструкциям, и по одному примеру с комментарием, относящимся к трём и шести конструкциям (51–53).

(51) *Хотя, конечно, всегда найдется какой-нибудь дурак с мороза, который, ломясь в открытую дверь, доведет вас до белого каления, утверждая, что* ***вход есть вход****, а* ***выход есть выход****, и вместе им не сойтись, то есть одно не может служить другим, а другое одним, — хоть хватай в охапку да в окно дурака, хоть сам куда-нибудь, хоть за водкой…* [Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000]

(52) *Однако вся эта новая жизнь касалась ветеранов альпинизма (или, как сказана одна значкистка на собрании в лагере, «наших дорогих руин альпинизма») лишь отчасти, потому что* ***высота есть высота****,* ***ветер есть ветер****,* ***отвес есть отвес*** *и никаким нововведениям они не подчиняются.* [Ю. И. Визбор. Альтернатива вершины Ключ (1981)]

(53) *Действительно, случай, казалось бы, безнадежного положения:* ***рост есть рост****, так же как* ***возраст — возраст****,* ***ум — ум****,* ***характер — характер****,* ***ситуация — ситуация****,* ***смерть — смерть****… Данность, которую нельзя изменить, — о какой же психотерапии может идти речь?..* [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)]

Последнее соображение касается роли тавтологической конструкции в контексте, в котором эксплицитно выражается заключённое в ней значение. Как уже упоминалось в разделе 2, апелляция к фоновым знаниям может использоваться говорящим для передачи высокой степени уверенности в сказанном, что связано с таким свойством фоновых знаний, как признанная надёжность [Kittilä 2019]. Таким образом, употребление тавтологии способно придать весомости словам говорящего и послужить отражением его убеждений.

Кроме того, как отмечалось в [Hintz, Hintz 2017], показатели фонового знания могут использоваться для указания на принадлежность участников коммуникативного акта к одной группе или служить приглашением для слушающего присоединиться к группе говорящего. В [Вилинбахова 2022] предлагается аналогичная трактовка для русских тавтологий тождества, и результаты настоящего исследования согласуются с данной интерпретацией, так как наличие общих фоновых знаний подразумевает существование говорящего и слушающего в некотором общем контексте, что является необходимым условием для правильной интерпретации тавтологии.

5. Заключение

В работе на материале примеров из основного подкорпуса НКРЯ проанализированы структура и семантика эксплицирующих комментариев, сопровождающих конструкции *X есть X* и *X это X*. По нашим наблюдениям, эксплицирующие комментарии чаще всего находятся непосредственно после тавтологии в том же или следующем предложении и могут относиться к одной или нескольким конструкциям. Объём комментария в большинстве случаев не превышает 11 слов; верхнюю же границу установить сложно, поскольку комментарий может значительно распространяться за счёт включения в него деталей.

Выделяется четыре типа значений, передаваемых эксплицирующими комментариями: указание на релевантный признак референта, ожидаемый план действий, соответствие ситуации представлениям языкового коллектива, к которому принадлежит говорящий, а также указание на источник цитаты. Все из этих типов комментариев способны сочетаться друг с другом.

Наконец, приводятся соображения о возможности использования тавтологий тождества для указания на принадлежность говорящего и слушающего к одной группе.

Перспективным представляется экспериментальное изучение роли языковых тавтологий в качестве риторического приёма, направленного на придание убедительности сказанному. Предполагается, что признанная надёжность фоновых знаний будет придавать аргументу с тавтологическими конструкциями весомости.

Интерес представляет также исследование влияния употребления тавтологий на восприятие слушающим степени его близости с говорящим. Если представления о конструкции, высказанные в работе, верны, то слушающий должен ассоциировать использование конструкций с большей степенью близости.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.

Вилинбахова Е. Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2016. — Вып. 15 (22). — С. 803–816.

Вилинбахова Е. Л. Конструкции с лексическими повторами как эвиденциальные стратегии // Verus convictor, verus academicus. — СПб, 2022. (В печати)

Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. — 2017. — №3. — С. 110–124.

Инькова О. Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только... но и // Вопросы языкознания. — 2016. — №3. — С. 37–60.

Крюкова А. В. Конструкции с лексическими повторами и общие фоновые знания: разновидности и ограничения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — Вып. 19 (26). Дополнительный том. — М., 2020. — С. 1025–1035.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. — М. : «Языки славянской культуры», 2004. — 607 с.

Eberhard, D. Evidentiality in Nambikwara Languages // The Oxford Handbook of Evidentiality. — Oxford: OUP, 2018. — P. 333–356.

Fraser, B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies // Journal of Pragmatics. — 1988. — Vol. 12. — P. 215–220.

Hintz D. J., Hintz D. M. The evidential category of mutual knowledge in Quechua // Lingua. — 2017. — Vol. 186–187. — P. 88–109.

Kittilä, S. General knowledge as an evidential category // Linguistics. — 2019. — Vol. 57 (6). — P. 1271–1304.

Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. — 2008. — Vol. 16. — P. 439–470.

Miki E. Evocation and tautologies // Journal of Pragmatics. 1996 Vol. 25. P. 635–648.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 160. P. 97–113.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — P. 55–66.

Willet, T. A cross–linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. — 1988. — Vol. 12. № 1. — P. 51–97.

References

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) [Language conceptualization of the world (in relation to Russian grammar)]. — M .: School "Languages of Russian Culture", 1997. — 576 p.

Vilinbakhova E. L. Kak govoritsja, stat′ja est′ stat′ja: nekotorye aspekty funkcionirovanija tavtologij v kommunikacii [As they say, an article is an article: some aspects of the functioning of tautologies in communication] // Computational Linguistics and Intelligent Technologies. — 2016. — Issue. 15(22). — P. 803–816.

Vilinbakhova E. L. Konstrukcii s leksičeskimi povtorami kak evidencial′nye strategii [Constructions with lexical repetitions as evidential strategies] // Verus convictor, verus academicus. — St. Petersburg, 2022. (In print)

Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. «X est′ X» značit «X èto X»? Iščem otvet v sinxronii i diaxronii [“X is X” means “X is X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony] // Questions of linguistics. — 2017. — No. 3. — P. 110–124.

Inkova O. Yu. K probleme opisanija mnogokomponentnyx konnektorov russkogo jazyka: ne tol′ko... no i [On the problem of describing multicomponent connectors in Russian: ne tol′ko... no i (lit. ‘not only ... but also’)] // Questions of Linguistics. — 2016. — No. 3. — P. 37–60.

Kryukova A. V. Konstrukcii s leksičeskimi povtorami i obščie fonovye znanija: raznovidnosti i ograničenija [Constructions with lexical repetitions and shared knowledge: varieties and limitations] // Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue". — Issue. 19 (26). Additional volume. — M., 2020. — P. 1025–1035.

Paducheva E.V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. — M .: "Jazyki slavjanskoj kul′tury", 2004. — 607 p.

Fraser, B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies // Journal of Pragmatics. — 1988. — Vol. 12. — P. 215–220.

Hintz D. J., Hintz D. M. The evidential category of mutual knowledge in Quechua // Lingua. — 2017. — Vol. 186–187. — P. 88–109.

Kittilä, S. General knowledge as an evidential category // Linguistics. — 2019. — Vol. 57 (6). — P. 1271–1304.

Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. — 2008. — Vol. 16. — P. 439–470.

Miki E. Evocation and tautologies // Journal of Pragmatics. 1996 Vol. 25. P. 635–648.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 160. P. 97–113.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — P. 55–66.

Willet, T. A cross–linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. — 1988. — Vol. 12. № 1. — P. 51–97.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-10

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АККОМОДАЦИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ КОНСТРУКЦИЙ С ПОВТОРАМИ[29]

Дарья Дмитриевна Шкаруба
Санкт-Петербургский государственный университет
(студентка)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об обязательности наличия фоновых знаний для интерпретации тавтологий с именами собственными на материале экспериментальных данных. Мы предлагаем гипотезу о том, что тавтологии самодостаточны и могут использоваться, даже если слушающий и говорящий не имеют общих фоновых знаний. Результаты эксперимента показывают, что способность к аккомодации тавтологического высказывания зависит от наличия манифестации поведения референта в предыдущем фрагменте дискурса.

Ключевые слова: прагматика, аккомодация, тавтологии, имена собственные.

ON THE ACCOMMODATION OF TAUTOLOGIES IN THE ABSENCE OF BACKGROUND KNOWLEDGE

Daria D. Shkaruba
Saint Petersburg State University
(student)

Abstract. In this experimental study, we aim to determine whether tautological utterances with proper names require any mutually shared background knowledge to be fully understood. We argue that such tautologies can be sufficient when used independently and thus can be accommodated even if one does not have any mutually shared assumptions with their interlocutor. The results of our survey show that the ability to accommodate a tautology depends on the existence of its referent's behavioral manifestation clues explicitly stated in a preceding piece of discourse.

Keywords: pragmatics, accommodation, tautologies, proper names.

1. Введение

Работа посвящена исследованию процессов понимания выражений, которые подразумевают наличие общих фоновых знаний у участников общения при фактическом отсутствии таковых. Так в (1) выражение *my wife* ‘моя жена’ вызывает пресуппозицию ‘говорящий женат’, но даже если адресат не знал об этом, он сможет принять эту информацию как данность и без затруднений интерпретировать высказывание.

(1) *I would like to introduce you to my wife.* [Karttunen 1974: 191]

[29] Автор выражает благодарность за вклад в организацию исследования Е. Л. Вилинбаховой, Т. П. Авдеевой, А. Л. Севастьяновой, П. М. Эйсмонт, А. А. Сахоненко, В. Белоусову, М. Кустодиеву, N. Marshall и K. D. Markham.

Мы рассмотрим класс англоязычных тавтологических конструкций вида ‘X is X’, которые традиционно считаются выражениями, отсылающими к общим фоновым знаниям [Miki 1996; Meibauer 2008], см. (2):

(2) *Question: Can you hire John to your company? He is your nephew!*
Answer: You know, business is business.

Так, в случае (2) ответ представляется информативным и может пониматься как отказ нанять родственника благодаря общим фоновым знаниям, стоящим за словом *business*. Мы хотим проверить, могут ли данные конструкции быть информативными при отсутствии общих знаний у говорящего и адресата.

2. Инференциальные стратегии при отсутствии общих фоновых знаний

2.1. Общие стратегии: аккомодация и абдуктивные инференции

Изучение общих принципов, которыми руководствуются в коммуникативной ситуации участники общения, является одним из центральных вопросов прагматической теории. Начиная с принципа кооперации П. Грайса, согласно которому коммуникативный вклад говорящего на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятое направление этого диалога [Grice 1975], исследователи формулируют постулаты (максимы, эвристики и пр.), соблюдение которых гарантирует максимально эффективное взаимодействие между собеседниками.

В соответствии с данными постулатами, говорящий, в частности, должен учитывать, какой информацией владеет или не владеет его собеседник, чтобы передаваемое сообщение было для него понятным и осмысленным. Например, чтобы для собеседника было информативным предложение (3), ему необходимо знать, кто такой Вася, и то, что он состоял в некой группе (музыкальной, учебной и т.д.).

(3) *Вася ушел из группы*.

В работах по прагматике та информация, которую говорящий и слушающий принимают, чтобы высказывание было осмысленным в текущем контексте разговора, обозначается как пресуппозиция, см. [Долгоруков и др. 2021: 62 и ссылки там же]. Так, в (3) к пресуппозиции относится факт существования Васи и его членство в определенной группе.

Тем не менее, в ряде коммуникативных ситуаций необходимой пресуппозиции может не быть в контексте или в фонде знаний адресата.

Во этом случае слушающий принимает передаваемую ему информацию как должное, основываясь на соответствии этой информации собственным энциклопедическим знаниям. Процесс достраивания необходимых пресуппозиций получил название аккомодации [Lewis 1979]. Это явление описал Д. Льюис в работе 1979 года ‘Scorekeeping in a Language Game’, опубликованной в Journal of Philosophical Logic. Пресуппозиции, по Льюису, возникают во всякой фазе диалога. Так, например, сообщение (4) предполагает наличие во Франции короля, притом только одного. Отсутствующая пресуппозиция при этом не делает высказывание невозможным – иными словами, при произнесении говорящим высказывания (4) у этого высказывания самопроизвольно возникает указанная выше пресуппозиция, если только слушающий не усомнится в ней [Lewis 1979: 339].

(4) *Король Франции лыс*.

По аналогичным причинам высказывание (5) представляется избыточным, в отличие от высказывания (6) [ibid].

(5) *All Fred's children are asleep, and Fred has children.*
'Все дети Фреда спят, и у Фреда есть дети'.

(6) *Fred has children, and all Fred's children are asleep*.
'У Фреда есть дети, и все дети Фреда спят'.

Общее правило аккомодации[30] описывается следующим образом: если в период t сказано нечто, что требует принятия пресуппозиции P, и если пресуппозиция P не предшествовала периоду t, тогда – при прочих равных условиях и с некоторыми ограничениями – пресуппозиция P возникает в период t [Lewis 1979: 340]. Между тем, автор замечает, что вопрос об ограничениях в рамках работы остаётся неразработанным. Это обстоятельство может побудить нас считать аккомодацию автоматическим процессом, однако тогда такое сообщение, как (7), не вызывало бы смущения.

(7) *I'm awfully sorry, my camel wouldn't wake up this morning*. [Kissine, Pantazi 2017: 3].
'Мне ужасно жаль, но у меня сегодня не проснулся верблюд'.

С другой стороны, по некоторой причине у нас не возникает сомнений в адекватности сообщения (8).

(8) *I'm awfully sorry, my car wouldn't start this morning* [ibid].
'Мне ужасно жаль, но у меня сегодня не завелась машина'.

Авторы подчёркивают, что адекватность сообщения (8) не встала бы под угрозу даже в том случае, если высказывание было бы произнесено сотрудником университета в небольшом европейском городе, где людям несвойственно иметь личный автомобиль, потому что мало парковочных мест, но вместе с тем хорошо развита транспортная сеть. В качестве обоснования этого обстоятельства приводится тезис о том, что всякая пресуппозиция по определению соответствует фрагменту информации, который уже упоминался в ходе разговора; либо который не нуждается в упоминании ввиду очевидности для всех участников ситуации общения [Kissine, Pantazi 2017: 12]. Аналогичный тезис приводится и в более ранней работе [Miki 1996]: автор говорит, что валидность высказывания определяется референцией собеседников к общим фоновым знаниям, и это подкрепляется обращением к ней в данном контексте.

Таким образом, на основании собственных представлений о мире слушающий генерирует наиболее убедительный вариант обоснования ситуации. Например, едва ли можно представить ситуацию, в которой мы знаем наверняка, по какой причине автобус не пришёл вовремя, или является ли оправдание коллеги за несделанную работу ложью или правдой, — однако мысленно мы выполняем процедуру отбора гипотез, в результате которой доминирующей становится наиболее правдоподобная гипотеза. Так слушающий делает абдуктивную инференцию, иными словами, выбирает из пула возможных гипотез такую, в которую он, основываясь на своих фоновых знаниях, охотнее поверит [Thagard 1988, цит. по Lombrozo 2012: 16]. Таким образом, слущающий прибегает к отбору гипотез и выводит абдуктивные инференции при недостатке информации, предпринимая попытку

[30] В социолингвистической перспективе под аккомодацией понимается несколько иное явление – подстройка под произношение и манеру речи собеседника. В основе этого механизма лежит психологическая потребность человека в социальном одобрении. Предполагается, что люди, имеющие большую потребность в социальном одобрении, будут более склонны к аккомодации. Подробнее об этом – в [Giles 1997].

восполнить этот пробел и выбирая наилучшее доступное обоснование того или иного события.

Следовательно, даже при отсутствии необходимых фоновых знаний или контекстуальных данных, слушающий может вывести информацию, передаваемую говорящим, с помощью прагматической аккомодации или абдуктивных инференций. Ниже мы рассмотрим, каким образом рассмотренные общие принципы применимы на материале тавтологических высказываний.

2.2. Стратегии интерпретации тавтологических высказываний

В данном подразделе мы анализируем описанные в литературе механизмы интерпретации тавтологических высказываний и роль фоновых знаний в рамках различных подходов. Изложенные в предшествующих работах наблюдения позволят сформулировать предположения и гипотезы для экспериментальной части работы.

В [Ward, Hirschberg 1991] при рассмотрении тавтологий, устанавливающих тождество (тавтологии вида ‘X is X’), предлагается схематическая модель интерпретации тавтологических высказываний. Авторы выделяют несколько возможных стратегий интерпретации тавтологий: (а) говорящий произносит тавтологию вида ‘a is a’, и она не ничего не добавляет к общим фоновым знаниям и, в частности, к общим фоновым знаниям об ‘a’; (б) поскольку говорящий действует в соответствии с принципом кооперации, а также соблюдает максимы количества и релевантности, он передаёт об ‘a’ столько релевантной информации, сколько возможно, см. [Grice 1975]; (в) говорящий мог произнести сходное по форме высказывание ‘a is b’, которое могло бы дополнить общие фоновые знания об ‘a’, однако не сделал этого, следовательно, такое высказывание не было релевантно [Ward, Hirschberg 1991: 511]. Следует отметить, что понимание процесса интерпретации в таком ключе идёт вразрез с положениями радикальной семантики А. Вежбицкой, и авторы намеренно отвергают положения о лингвоспецифичности тавтологических конструкций и ставят под сомнение справедливость дифференциации их значений на тавтологии «трезвой оценки» (повторяются абстрактные существительные, обозначающие сложные феномены человеческой деятельности), «толерантности к человеческой природе» (повторяются одушевлённые существительные во множественном числе) и «долженствования» (повторяются существительные с артиклем) [Wierzbicka 1987: 105–108, перевод автора].

Вслед за этими авторами [Okamoto 1993] отмечает, что положения Вежбицкой оказываются слишком специфичными и не объясняют варианты свободных от данных контекстов семантических репрезентаций [Okamoto 1993: 462]. Автор замечает, что значения тавтологических конструкций не привязаны к их формальной реализации и не составляют конечный список, а являются, напротив, продуктом прагматической инференции. Она демонстрирует это на примере функционирования тавтологий в японском языке, см. (9).

(9) *Zyooken ga warukute mo, sigoto wa sigoto* [ibid].
‘Хотя условия плохи, работа есть работа’.

Способы интерпретации этого сообщения, утверждает автор, могут различаться в зависимости от контекста: тавтология может означать обязанность, благодарность, смирение и так далее.

Той же точки зрения придерживается [Meibauer 2008], отмечая, что интерпретация тавтологий и их иллокутивная сила зависимы от контекста, а также реализуют принцип релевантности, а, следовательно, опираются на общие фоновые знания, см. [Grice 1975].

Немаловажно в контексте нашего исследования и то обстоятельство, что автор указывает на то, что тавтологии не могут использоваться в качестве ответа на вопрос о референте, но могут отвечать на вопрос о качествах референта, ср. (10) и (11).

(10) *Speaker A: Wer von den Leuten hier im Raum ist dein Vater?*
*Speaker B: *Oh, mein Vater ist mein Vater* [Meibauer 2008: 447].
‘Говорящий А: Кто из присутствующих твой отец?
Говорящий Б: *Ну, мой отец – это мой отец’.

(11) *Speaker A: Was ist dein Vater für ein Mensch?*
Speaker B: Oh, mein Vater ist mein Vater… [ibid].
‘Говорящий А: Каков твой отец как человек?
Говорящий Б: Ну, мой отец – это мой отец’.

Б. Фрейзер идёт несколько иным в отличие от [Ward, Hirschberg 1990] путём и опирается не столько на фоновые знания собеседников, позволяющие слушающему интерпретировать высказывание, а на возможность слушающего вывести инференцию относительно сказанного ему говорящим вне зависимости от наличия разделяемых ими обоими фоновых знаний. Таким образом, по Фрейзеру, произнося тавтологическое высказывание, говорящий подразумевает, что слушающий (а) выявляет отношение говорящего к множеству объектов, обозначаемому данной именной группой; (б) понимает, что говорящий ожидает от слушающего распознавания вышеуказанного отношения; (в) понимает, что это отношение релевантно для речевого акта [Fraser 1988: 217].

В более поздних корпусных и экспериментальных исследованиях отмечается, что восприятие тавтологических высказываний не имеет непосредственной связи с наличием общих фоновых знаний, разделяемых говорящим и слушающим [Vilinbakhova et al. 2022]. Так, в [Vilinbakhova et al. 2022] отмечается, что восприятие примера (12) не требует от собеседников общих фоновых знаний; более того, всякий прохожий без особых усилий сможет интерпретировать поведение Джона как типичное.

(12) *A: John has missed his plane!*
B: No wonder! John is John.
‘А: Джон опоздал на самолёт!
Б: Ничего удивительного! Джон – это Джон’.

Авторы отмечают, что такая тавтология предоставляет объяснение поведению Джона, перенося в фокус внимания последовательность поведения персонажа. Таким образом, релевантность тавтологии обуславливается тем, что она активирует следующую импликацию: факт опоздания Джона на самолёт можно считать последствием его привычки постоянно опаздывать [Vilinbakhova et al. 2022: 55]. На этом основании авторы предлагают две гипотезы: слушающему не всегда обязательно разделять с говорящим общие фоновые знания, чтобы интерпретировать тавтологическое высказывание, а отсутствие фоновых знаний компенсируется аккомодацией, см. (12) или наличием эксплицирующего контекста, см. (13); наличие фоновых знаний может быть недостаточным базисом для интерпретации тавтологий: высказывание оказывается интерпретируемым, только если речь в нём идёт о постоянных свойствах референта, а интерпретация референции к случайным же состояниям слушающим систематически отвергается.

Гипотезы проверяются в рамках корпусного исследования, а также в рамках лингвистического эксперимента.

(13) *Elvis is Elvis. He's never going to be a rah-rah guy that pats you on the back and sits and talks to you in the locker room. That's who he is* [Vilinbakhova et al. 2022: 59].
‘Элвис – это Элвис. Он никогда не станет милым парнем, который будет выслушивать тебя в раздевалке и хлопать по спине. Он просто такой человек’.

На материале корпусного и экспериментального исследования авторы подтвердили теоретическое положение Б. Фрейзера о том, что ключевую роль при интерпретации тавтологических конструкций играют не столько разделяемые собеседниками фоновые знания, сколько способность собеседников извлечь из тавтологического высказывания отсылку к свойству, релевантному для данного речевого акта. Это обстоятельство в свою очередь свидетельствует о возможности ситуации, в которой наличие фоновых знаний не является достаточным для возможности интерпретировать тавтологию. Такие ситуации исследователи моделируют в лингвистическом эксперименте для носителей английского языка, ср. (14) и (15).

(14) *ANN: John missed his plane!*
BILL: No wonder! John is John.
Conveyed message: He is forgetful [Vilinbakhova et al. 2022: 62].
‘Энн: Джон опоздал на самолёт!
Билл: Ничего удивительного! Джон – это Джон.
Передаваемое сообщение: Он забывчив’.

(15) *ANN: John missed his plane!*
BILL: No wonder! John is John.
Conveyed message: He was stuck in a traffic jam [ibid].
‘Энн: Джон пропустил самолёт!
Билл: Ничего удивительного! Джон – это Джон.
Передаваемое сообщение: Он застрял в пробке’.

Таким образом, существует множество подходов к исследованию интерпретации тавтологий. Одни постулируют лингвоспецифичность и, следовательно, непереводимость тавтологических высказываний; другие её отрицают и говорят о роли фоновых знаний в интерпретации тавтологий слушающим; в поздних же исследованиях роль фоновых знаний в интерпретации тавтологических конструкций ставится под сомнение, а на передний план выводятся общие инференциальные механизмы.

Ставя под сомнение лингвоспецифичность тавтологий [Wierzbicka 1987] и зависимость их интерпретации от наличия общих фоновых знаний собеседников [Miki 1996, Meibauer 2008] Мы взяли за основу положение о том, что слушающий склонен интерпретировать тавтологическую конструкцию, опираясь не столько на разделяемые с собеседником фоновые знания, сколько на общие инференциальные механизмы [Fraser 1988; Vilinbakhova et al. 2022]; а также на то, что отсутствующая информация может восстанавливаться слушающим из контекста [Lewis 1979]. На основании этого мы проверим, являются ли общие фоновые знания обязательным условием для интерпретации тавтологий и включает ли интерпретация тавтологий оценку единичного доступного поступка референта. Задача респондентов в нашем эксперименте будет стоять не в оценивании истинности предложенного утверждения (см. [Vilinbakhova et al. 2022]), а в самостоятельном выведении абдуктивной инференции и, следовательно, маркировании информативности реплик на предложенной шкале.

3. Методология работы

3.1. Материал

Для проверки этих гипотез мы подготовили восемь коротких историй, включающих тавтологии с именами собственными. Респондентам предлагалось поставить себя на место героя, не обладающего фоновыми знаниями о референте, и оценить информативность ответа, который предоставлялся более осведомлённым собеседником и содержит тавтологию. Для оценки информативности ответа респондентам предлагалось использовать шкалу Ликерта (от 1 до 5, где 1 – totally uninformative [совершенно неинформативно] и 5 – very informative [очень информативно]), см. также [Зевахина и др. 2019].

Истории первого типа (контекст 1) содержали ситуацию с манифестацией единичного поступка персонажа-референта тавтологии. Этот пример поведения героя оказывался единственным доступным для слушающего материалом, на основании которого можно было приписать референту некоторое свойство, релевантное для коммуникативной ситуации, см. (16). Предполагалось, что истории, содержащие пример поведения героя, создадут у адресата благоприятные условия для аккомодации. Более конкретно, наличие тавтологии в качестве комментария поступка героя позволит считать этот поступок ожидаемым, а не случайным, что ведет к умозаключению «герою свойственны поступки такого рода». Эта информация дает возможность выстраивать дальнейшее взаимодействие с героем и прогнозировать его поведение.

(16) *You work as a university tutor and you have started teaching a new group. Your student Mary never turns up for the classes and never turns in any assignments. You ask the rest of the group whether she is ill or has problems at home and needs some help. A student of yours replies: 'Oh, you know, Mary is Mary'.*
'Вы работаете преподавателем в университете и недавно начали вести новую группу. Ваша студентка Мэри никогда не появляется на занятиях и не сдаёт домашних заданий. Вы решаете спросить у остальных студентов, больна ли Мэри, или она испытывает проблемы в семье и ей нужна помощь. Один из студентов отвечает: «Ой, знаете, Мэри – это Мэри»'.

Представляется, что тавтологическое высказывание «Мэри – это Мэри» в данном контексте позволяет слушающему сделать вывод слушающего «данное поведение характерно для Мэри», соответственно, ответ студента представляется информативным и может трактоваться как указание на некоторое присущее Мэри качество, из-за которого она ведёт себя соответствующим образом. Это умозаключение, в свою очередь, дает персонажу-преподавателю ответ на его вопрос: Мэри не больна и ей не нужна (экстренная) помощь.

Истории второго типа (контекст 2), напротив, не содержат манифестации поведения референта тавтологии, соответственно, мы рассматриваем их как неинформативные высказывания, см. (17).

(17) *You are currently having your car repaired at a garage. In the waiting room you meet your acquaintance, who is also familiar with Mike, the mechanic working at your car. You are in a bit of a hurry, so you ask the acquaintance whether he thinks Mike is likely to finish the work soon. The reply is as follows: 'Oh, you know, Mike is Mike'.*
'Вы отдали свою машину в сервис на ремонт. В зале ожидания вы встречаете приятеля. Этот приятель знает механика Майка, который ремонтирует вашу машину. Вы спешите, и поэтому спрашиваете у знакомого, какова вероятность, что Майк закончит ремонтировать машину скоро. Приятель отвечает: «Ой, ты знаешь, Майк – это Майк»'.

В данном примере отсутствует манифестация поведения референта, а говорится лишь о том, что Майк работает автомехаником и в данный момент ремонтирует машину

героя. Слушающий не может сделать вывод о (не)пунктуальности героя, который затем подвергнется аккомодации.

Мы также подготовили набор филлеров, которые представляют собой истории. Филлеры также делятся на два поднабора, каждый из который состоит из четырёх элементов.

Филлеры первого типа содержат устойчивые сочетания с конкретным значением, релевантным для коммуникативной ситуации, см. (18).

(18) *Your hypochondriac daughter Julia keeps telling your husband to see a doctor and you can hardly see any reason behind it. Once he comes home a bit annoyed and at that very moment Julia asks him how he is feeling today. Your husband's answer is as follows: 'You know, I'm as fit as a fiddle'.*
'Ваша дочь Юлия – ипохондрик. Она постоянно говорит вашему мужу, что ему нужно сходить к врачу, но вы не видите к этому никаких оснований. Однажды муж приходит домой несколько раздражённым, и в этот момент Юлия спрашивает его о самочувствии. Ваш муж отвечает: «Ты знаешь, я здоров как бык»'.

Филлеры второго типа также содержат устойчивые сочетания, однако они имеют значение неопределённости, см. (19).

(19) *The company you work for has announced that some workers are going to face redundancy soon due to a forthcoming workforce optimization. It makes you feel completely at a loss, so you ask your colleague Jack whether he thinks the jobs at your office are subject to be cut, too. Jack's answer comes as follows: 'You know, it's so up in the air'.*
'Компания, в которой вы работаете, объявила, что в рамках оптимизации некоторые сотрудники будут сокращены. Это заставляет вас чувствовать растерянность, поэтому вы спрашиваете у своего коллеги Джека, считает ли он, что сотрудников вашего офиса могут сократить тоже. Джек отвечает: «Знаешь, это всё так подвешено в воздухе»'.

Стимулы и филлеры предъявлялись участникам эксперимента в случайном порядке.

В результате экспериментальный лист включал набор из 16 элементов, состоящий из восьми стимулов (четырёх стимулов на каждое из двух экспериментальных условий) и восьми филлеров.

Все экспериментальные материалы были проверены и прокомментированы носителем американского варианта английского языка и носителем британского английского языка. Рецензенты имеют высшее гуманитарное образование и занимаются научно-исследовательской деятельностью. Комментарии рецензентов-носителей позволили нам сделать экспериментальные материалы стилистически нейтральными и, следовательно, подходящими для работы с носителями разных вариантов английского языка.

3.2. Респонденты

Респонденты были набраны на тематических площадках взаимопомощи исследователей: (а) 'Student Survey Exchange' на платформе 'Facebook'; (б) 'Take My Survey' на платформе 'Reddit'; (в) 'SampleSize: Where your opinions actually matter!' на платформе 'Reddit'.

В эксперименте принял участие 21 респондент: 10 мужчин, 7 женщин и 4 небинарные личности. Возраст участников – от 15 до 55 лет; средний возраст – 25 лет. К участию в эксперименте приглашались только носители английского языка как родного.

3.3. Процедура

Исследование было проведено на платформе ‘Google Forms’.

Анкета, предназначенная для заполнения участниками эксперимента, и список экспериментальных историй доступны по ссылке: https://drive.google.com/drive/folders/1yK-GNhlwiw_F6Vn-u9BkKd3-9vYqnZxB?usp=sharing

В рамках эксперимента респондентам предлагалось прочитать короткие истории, в которых один человек хочет узнать что-то, а другой предоставляет ему ответ, который может быть информативным или неинформативным. Респондентам нужно было решить, насколько предоставленный собеседником ответ кажется им информативным применительно к заданному вопросу. Делать выбор предлагалось опираясь на чувство языка.

Данные собирались и обрабатывались анонимно. Перед началом эксперимента испытуемые соглашались на обработку данных в целях, связанных с проведением исследования. В конце эксперимента респонденты могли по желанию оставить свои контактные данные для оповещения о результатах исследования.

4. Результаты исследования

Полученные результаты представлены ниже, см. рис. 1 и 2.

На гистограммах с накоплением представлено распределение оценок респондентов от «1» до «5», где наиболее светлый оттенок соответствует оценке «1», а самый тёмный – оценке «5» по шкале Ликерта. По вертикальной оси диаграммы в процентном отношении отражена пропорция определённых оценок (участков диаграммы, окрашенных в один цвет) относительно общего количества оценок. Каждому столбцу по горизонтальной оси соответствует экспериментальная история; первые четыре истории принадлежат к первому типу контекста, в котором присутствует манифестация поведения референта – такие истории отмечены значком «#». Четыре последующие столбца соответствуют экспериментальным историям, принадлежащим ко второму типу контекста, в котором отсутствует манифестация поведения референта – такие истории имеют маркировку «##».

Информативность истории 1 была оценена следующим образом: оценку «1» дало 3 респондента, оценку «2» – 2 респондента, оценку «3» – 7 респондентов, оценку «4» – 4 респондента, оценку «5» – 5 респондентов. Для истории 2 были получены следующие оценки: «1» – 3 респондента, «2» – 5 респондентов, «3» – 2 респондента, «4» – 9 респондентов, «5» – 2 респондента. Для истории 3: «1» – 3 респондента, «2» – 4 респондента, «3» – 5 респондентов, «4» – 7 респондентов, «5» – 2 респондента. Для истории 4: «1» – 5 респондентов, «2» – 6 респондентов, «3» – 2 респондента, «4» – 8 респондентов, «5» – 0 респондентов. Для истории 5: «1» – 10 респондентов, «2» – 5 респондентов, «3» – 4 респондента, «4» – 2 респондента, «5» – 0 респондентов. Для истории 6: «1» – 5 респондентов, «2» – 5 респондентов, «3» – 1 респондент, «4» – 7 респондентов, «5» – 3 респондента. Для истории 7: «1» – 5 респондентов, «2» – 6 респондентов, «3» – 3 респондента, «4» – 7 респондентов, «5» – 0 респондентов. Для истории 8: «1» – 14 респондентов, «2» – 4 респондента, «3» – 3 респондента, «4» – 0 респондентов, «5» – 0 респондентов. Всего в оценивании историй принял участие 21 респондент.

Результаты исследования в целом подтверждают гипотезу 1, согласно которой общие фоновые знания не являются обязательным условием для интерпретации тавтологий, а тавтологическое высказывание может позволить адресату сделать выводы о референте конструкции даже при отсутствии предварительных фоновых знаний о нем.

Также подтверждается гипотеза 2, согласно которой стратегия интерпретации включает оценку доступного единичного поступка референта как манифестации его постоянного свойства.

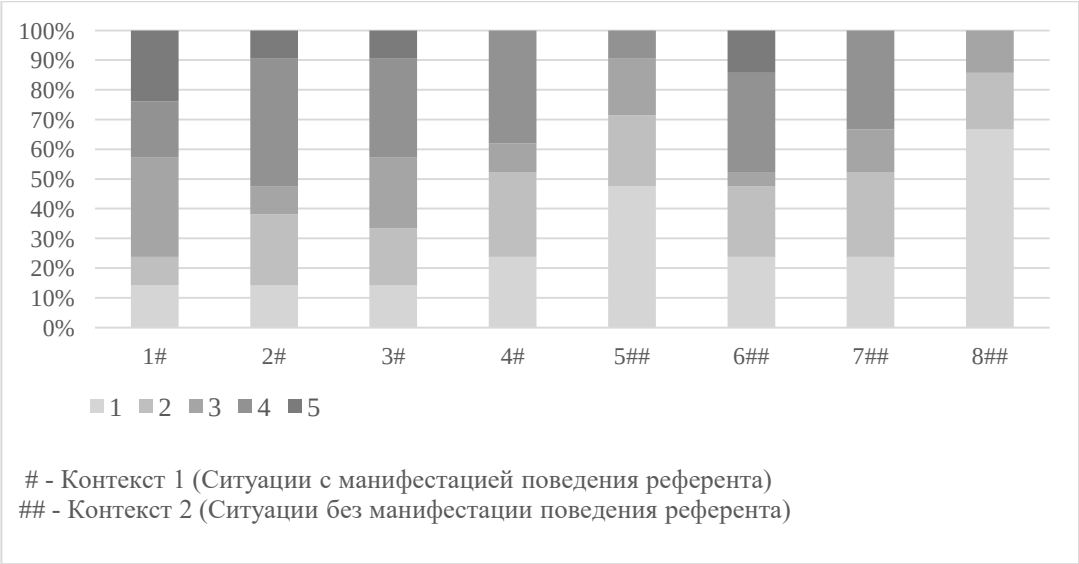


Рисунок 1. Распределение ответов по пятибалльной шкале по стимулам в эксперименте

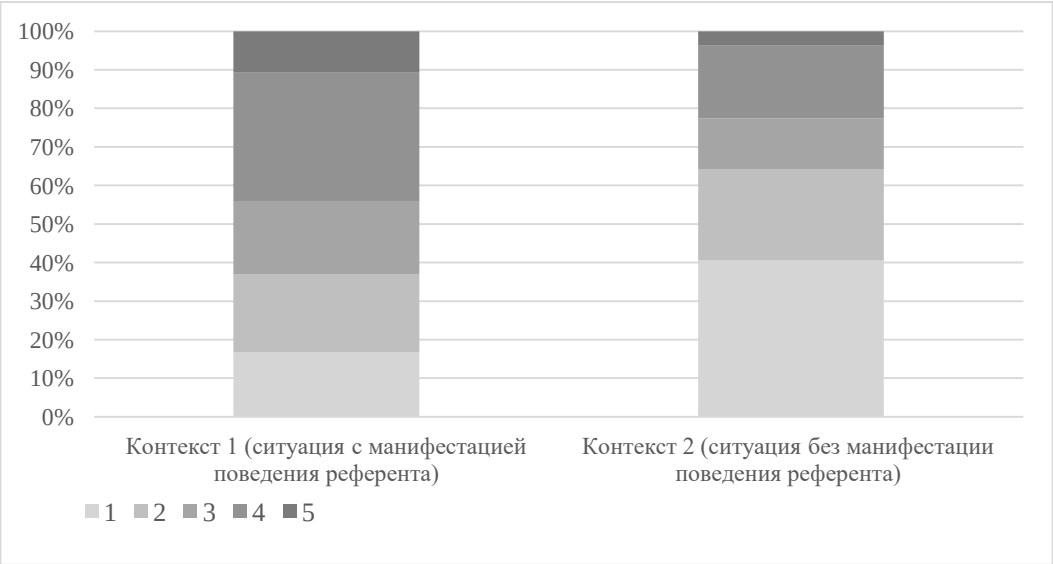


Рисунок 2. Распределение ответов на пятибалльной шкале по контекстам в эксперименте

Статистический критерий Wilcoxon signed-rank test, применяемый для сравнения зависимых выборок, показал значимое различие между двумя условиями ($p < 0.001$). Медианный ответ для контекста 1 равен трём, для контекста 2 – двум.

5. Обсуждение

На основании гистограмм рис. 1–2 можно сказать, что распределение ответов варьирует. Было выявлено, что тавтологии могут позволить адресату сделать абдуктивную инференцию и составить некоторое мнение о референте конструкции даже при отсутствии предварительных общих фоновых знаний. Как и предполагалось, наличие релевантных манифестаций поведения референта облегчает интерпретацию тавтологий, однако, вопреки нашим ожиданиям, даже при отсутствии таких манифестаций ряд участников оценили стимулы как информативные. Возможное объяснение может быть предложено в рамках теории вежливости [Brown, Levinson 1987]: выбор говорящим неинформативной тавтологии вместо прямого ответа может быть понят как невозможность дать благоприятный для адресата ответ и нежелание дать

неблагоприятный ответ. Это ведет к информативному для адресата выводу, что собеседник считает более вероятной неблагоприятную для адресата альтернативу.

Ограничения на возможность успешной интерпретации тавтологического высказывания с именем собственным в условиях отсутствия общих фоновых знаний о референте у говорящего и слушающего связаны, по-видимому, с отсутствием доступной манифестации поведения референта диалога. Следует также учитывать специфику измерений по шкале Ликерта, на которой отсутствуют промежуточные значения, из-за чего восприятие цены одного «шага» по шкале может быть субъективным.

6. Заключение

Полученные результаты позволяют говорить о некоторых тенденциях в интерпретации тавтологических конструкций и также позволяют сделать допущение о том, что для выведения абдуктивной инференции из тавтологий наличие общего фонового знания для собеседников не играет ключевой роли. Исследование демонстрирует, что вероятность успешной аккомодации тавтологического высказывания слушающим зависит, в частности, о наличии манифестации поступка референта в предыдущем фрагменте дискурса. Несмотря на это, исследование не является исчерпывающим и открывает перспективу дальнейшего изучения аккомодации при восприятии тавтологических конструкций с именами собственными, например, в аспекте влияния вежливости на возможность неоднозначной оценки информативности тавтологических высказываний, а также в аспекте влияния культурных ассоциаций на успешность аккомодации и значимости в этом процессе фоновых знаний.

Литература

Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. Введение в лингвистическую прагматику. — М.: URSS, 2021 — 312 с.

Зевахина Н. А., Горнштейн Д. В., Егорова А. Д. Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: экспериментальное исследование. // Урало-алтайские исследования. — 2021. — 1 (40). — с. 7-30.

Brown P., Levinson, S. C. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Butte College. Deductive, Inductive and Abductive Reasoning. // Butte.edu. URL: http://www.butte.edu/departments/cas/tipsheets/thinking/reasoning.html (дата обращения: 12.05.2022).

Fraser, B. Motor oil is motor oil: an account of English nominal tautologies. // Journal of Pragmatics. — 1988. — Vol. 12. — Pp. 215–220.

Giles H., Powesland, P. (1997). Accommodation theory. // In N. Coupland, & A. Jawarski (eds.). Sociolinguistics: A reader and coursebook. — New York: Macmillan Press, 1997. — Pp. 232–239.

Grice, H. P. Logic and Conversation. // In P. Cole, & J. L. Morgan. (eds.). Syntax and Semantics. — Vol. 3, Speech Acts. — New York: Academic Press, 1975. — Pp. 41–58.

Karttunen, L. Presupposition and linguistic context. // Theoretical linguistics. — 1974. — Vol. 1 (1–3). — Pp. 181–194.

Kissine M., Pantazi, M. Pragmatic Accommodation. // In The Wiley Blackwell Companion to Semantics (eds D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann and T. Zimmermann). — New Jersey: Wiley Blackwell, 2020.

Lewis, D. Scorekeeping in a language game. // Journal of Philosophical Logic. — 1979. — Vol. 8 (1). — Pp. 339–359.

Lombrozo, T. Explanation and abductive inference. // In K. J. Holyoak & R. G. Morrison (eds.). Oxford Handbook of Thinking and Reasoning. — Oxford: Oxford University, 2012.

Mazzarella D., Reinecke R., Noveck I., & Mercier H. Saying, presupposing and implicating: How pragmatics modulates commitment. // Journal of Pragmatics. — 2018. — Vol. 133. — Pp. 15–27.

Mazzarella D., Trouche E., Mercier H., & Noveck I. Believing What You're Told: Politeness and Scalar Inferences. // Frontiers in psychology. — 2018. — Vol. 9.

Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning. // Pragmatics and Cognition. — 2008. — Vol. 16(3). — Pp. 439–470.

Miki, E. Evocation and Tautologies. // Journal of Pragmatics. — 1996. — Vol. 25. — Pp. 635–648.

Okamoto, S. Nominal repetitive constructions in Japanese: The 'tautology' controversy revisited. // Journal of Pragmatics. — 1993. — Vol. 20(5). — Pp. 433–466.

Terkourafi M., Weissman B., & Roy J. Different scalar terms are affected by face differently. // International Review of Pragmatics. — 2020. — Vol. 12(1). — Pp. 1–43.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge. // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — Pp. 55–66.

Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. // Journal of Pragmatics. — 1991. — Vol. 15. — Pp. 507–520.

Wierzbicka, A. Boys Will Be Boys: 'Radical Semantics' vs. 'Radical Pragmatics.' // Language. — 1987. — Vol. 63(1). — Pp. 95–114.

References

Dolgorukov, V. V., Zevakhiva N. A., Popova D. P. Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku [An Introduction to Pragmatics]. M.: URSS, 2021. 312 p.

Zevakhina, N. A., Gornstein D. V., Egorova A. D. Faktory, vliyayuschie na proekciju presuppozicij v chuvashskom yazyke: eksperimental'noe issledovanie [Factors Influencing the Projection of Presuppositions in Chuvash: An Experimental Study] // Ural-Altaic Studies. 2021. 1 (40). Pp. 7–30.

Brown P., Levinson, S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Butte College. Deductive, Inductive and Abductive Reasoning. // Butte.edu. URL: http://www.butte.edu/departments/cas/tipsheets/thinking/reasoning.html (retrieved: 12.05.2022).

Fraser, B. Motor oil is motor oil: an account of English nominal tautologies. // Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 12. Pp. 215–220.

Giles H., Powesland, P. (1997). Accommodation theory. // In N. Coupland, & A. Jawarski (eds.). Sociolinguistics: A reader and coursebook. New York: Macmillan Press, 1997. Pp. 232–239.

Grice, H. P. Logic and Conversation. // In P. Cole, & J. L. Morgan. (eds.). Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.

Karttunen, L. Presupposition and linguistic context. // Theoretical linguistics. 1974. Vol. 1 (1–3). Pp. 181–194.

Kissine M., Pantazi, M. Pragmatic Accommodation. // In The Wiley Blackwell Companion to Semantics (eds D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann and T. Zimmermann). New Jersey: Wiley Blackwell, 2020.

Lewis, D. Scorekeeping in a language game. // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8 (1). Pp. 339–359.

Lombrozo, T. Explanation and abductive inference. // In K. J. Holyoak & R. G. Morrison (eds.). Oxford Handbook of Thinking and Reasoning. Oxford: Oxford University, 2012.

Mazzarella D., Reinecke R., Noveck I., & Mercier H. Saying, presupposing and implicating: How pragmatics modulates commitment. // Journal of Pragmatics. 2018. Vol. 133. Pp. 15–27.

Mazzarella D., Trouche E., Mercier H., & Noveck I. Believing What You're Told: Politeness and Scalar Inferences. // Frontiers in psychology. 2018. Vol. 9. Pp. 1–12.

Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning. // Pragmatics and Cognition. 2008. Vol. 16(3). Pp. 439–470.

Miki, E. Evocation and Tautologies. // Journal of Pragmatics. 1996. Vol. 25. Pp. 635–648.

Okamoto, S. Nominal repetitive constructions in Japanese: The ‘tautology’ controversy revisited. // Journal of Pragmatics. 1993. Vol. 20(5). Pp. 433–466.

Terkourafi M., Weissman B., & Roy J. Different scalar terms are affected by face differently. // International Review of Pragmatics. 2020. Vol. 12(1). Pp. 1–43.

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge. // Journal of Pragmatics. 2022. Vol. 191. Pp. 55–66.

Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. // Journal of Pragmatics. 1991. Vol. 15. Pp. 507–520.

Wierzbicka, A. Boys Will Be Boys: ‘Radical Semantics’ vs. ‘Radical Pragmatics.’ // Language. 1987. Vol. 63(1). Pp. 95–114.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-11

МОДЕЛЬ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В УСТНОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ, ОСНОВАННАЯ НА МУЛЬТИНОМИАЛЬНОЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ

Марина Андреевна Шумилина
МГУ имени М. В. Ломоносова
(студент)

Аннотация. Исследование построено на корпусном материале. В статье описаны разработка и апробация модели референциального выбора в устных рассказах на русском языке. Представленная модель является опытом применения когнитивного количественного подхода ([Kibrik 1996, Кибрик 1997]) к новому материалу. В ходе разработки был получен список факторов, обладающих двойной значимостью (теоретической и математической), и были выведены веса факторных значений, также являющиеся теоретически и математически значимыми.

В статье изложен алгоритм апробации модели. При помощи модели из материала контрольной выборки были получены прогнозы референциального выбора. Была произведена оценка их точности: было выяснено, что 94% прогнозов являются верными.

Ключевые слова: русский язык, дискурсивный анализ, референциальный выбор, мультиномиальная логистическая регрессия, модель, референт, корпус, риторическая структура.

A REFERENTIAL CHOICE MODEL FOR SPOKEN NARRATIVES IN RUSSIAN BASED ON MULTINOMIAL LOGISTIC REGRESSION

Marina Shumilina
Lomonosov Moscow State University
(student)

Abstract. The research is built on corpus material. In the article, the development and approbation of a referential choice model for Russian spoken narratives is described. The presented model is an application of the Cognitive Calculative approach ([Kibrik 1996, Kibrik 1997]) to the new dataset. During the development, a set of activation factors, which possess both theoretical and mathematical significance, was obtained. The factorial weights, both theoretically and mathematically significant, were also calculated.

The article contains the model approbation algorithm. The forecasts were received by means of the model applied to the control sample. The accuracy of the forecasts was estimated: it was found that 94% of them were correct.

Key words: Russian language, discourse analysis, referential choice, multinomial logistic regression, model, referent, corpus, rhetorical structure.

1. Проблема исследования

Предметом настоящего исследования является референциальный выбор (далее РВ) — процесс, в ходе которого говорящий выбирает план выражения для некоторого заранее определенного им объекта действительности. Другими словами, говорящий принимает решение, **каким образом** упомянуть целевого референта — при помощи полной именной

группы, местоимения либо референциального нуля. Референциальные средства (далее РС) всех трех типов представлены в (1).

(1) Студент увидел книгу, взял ее и положил Ø на стол.

Варьирование РС — неотъемлемая черта естественной речи. Оно позволяет поддерживать связность дискурса: «Центральным способом выражения отношений грамматической когезии <...> является местоименная референция» [Милевская 2003: 6]. Современные автоматические диалоговые системы зачастую синтезируют **недостаточно связный** дискурс. Необходима обученная модель, которая позволит машинному алгоритму принимать правильные решения об употреблении нулей и местоимений; одно из возможных решений данной **проблемы** предлагается в настоящей статье.

Разработанная в ходе исследования модель, помимо прикладных возможностей, также обладает экспликаторным свойством и стремится объяснить устройство РВ в устных рассказах на русском языке. В этих двух аспектах — теоретическом и прикладном — состоит **актуальность** проведенной работы.

Большинство современных подходов к моделированию РВ базируется на активированности референта в сознании говорящего. Впервые мысль о прочной взаимосвязи между РВ и статусом «данное/новое» была высказана У. Чейфом в статье [Чейф 1982: 282-283]: автор отмечает, что концепты со статусом «данное» «могут подвергаться прономинализации», в отличие от концептов со статусом «новое». Активацию референта, как правило, невозможно измерить напрямую, однако ее оценку можно построить на ряде наблюдаемых факторов. Первый вариант набора значимых факторов предложил А. А. Кибрик в рамках когнитивной количественной модели РВ в статье [Kibrik 1996]: 7 значимых факторов были выявлены на материале письменных рассказов на русском языке. Многофакторный подход к анализу РВ позволил перевести дальнейшие исследования в плоскость машинного моделирования (исследования [Loukachevitch et al. 2011, Khudyakova et al. 2011, Кибрик и др. 2012]).

Модель, разработанная в настоящем исследовании, является **опытом** применения когнитивной количественной концепции к новому материалу. В ее основу положены выводы, полученные в ходе исследований в русле теоретической лингвистики. В то же время, для построения модели были привлечены методы математической статистики. Другими словами, она обладает лингвистической (= теоретической) и статистической (= математической) значимостью. В этом состоит **новизна** полученной модели.

Цель исследования состояла в разработке модели РВ и последующей ее апробации. Для достижения цели были решены следующие **задачи**:

- Был собран и обработан материал для двух выборок, тренировочной и контрольной.
- Были подобраны теоретически и математически значимые факторы.
- С помощью статистических инструментов из тренировочной выборки были получены веса факторных значений (далее ВФЗ).
- Модель, выполненная в когнитивной количественной парадигме, была апробирована на контрольной выборке.

В работе было использовано несколько **гипотез**:

1. Если референт в данной точке может быть выражен полной ИГ и нулём, то он непременно может быть выражен и местоимением.
2. Как и в письменном модусе, в устных рассказах факторы «грамматическая роль риторического антецедента» и «семантическая роль риторического антецедента» являются значимыми.
3. Помимо уже открытых факторов, значимыми являются фактор «референт / образ[31]» и фактор «совпадение линейного и риторического антецедентов».

[31] Повторные упоминания могут происходить даже тогда, когда упомянутый говорящим концепт не обладает референтом. Например, в предложении «если у птиц киви нет крыльев, то они не птицы» дескрипция «птицы киви» нереферентна, однако в последующей клаузе происходит повторное обращение к

В рамках исследования вводится новый термин — «единица референциального выбора» (далее ЕРВ)[32]. Это речевая единица с фиксированным планом содержания (означает целевого референта) и параметрическим планом выражения, который детерминируется в процессе референциального выбора.

2. Материал исследования

2.1. Источник данных

Исследование проводилось на материале рассказов из устного корпуса «Веселые истории из жизни» [эл. ресурс]. Ранее этот корпус уже был использован для анализа РВ в современном русском языке в [Будённая 2018].

Каждый рассказ в корпусе размещен в двух представлениях, письменном и устном (в трех вариантах подробности).

Для настоящего исследования были привлечены дискурсы в устном представлении в минимальной транскрипции: в них размечены только разделение вербального компонента на ЭДЕ (элементарные дискурсивные единицы, понятие подробно обсуждается в [Кибрик и др. 2009]), хезитации и неясно произнесенные фрагменты. Для подсчета линейных и риторических расстояний было необходимо сохранить деление на ЭДЕ.

Из всего объема корпуса (40 рассказов) было отобрано 12 дискурсов, это количество детерминировано целевым объемом выборок. Отбор происходил по порядку следования дискурсов в корпусе. Для рассмотрения отбирались все дискурсы, в которых содержалось не менее девяти ЕРВ.

2.2. Разметка данных

В каждом из отобранных дискурсов были размечены не только ЕРВ, но также и первые упоминания значимых[33] референтов (т.е. референтов, упомянутых более одного раза). Каждая ЕРВ была охарактеризована по ряду факторов, результаты разметки фиксировались в базе данных. База данных для тренировочных дискурсов состоит из 39 столбцов, которые разделены на 4 группы:

- Группа данных A: нумерация дискурса и референта. Содержит 4 столбца: код дискурса в корпусе, номер дискурса в выборке, имя референта совместно с его порядковым номером (по первому упоминанию), а также номер ЭДЕ, в которой референт был впервые упомянут.
- Группа данных B: общие сведения о ЕРВ. Содержит 2 столбца: код ЕРВ в формате «номер дискурса – номер референта – номер ЭДЕ» и план выражения ЕРВ.
- Группа данных C делится на 4 подгруппы в соответствии с классификацией факторов, приведенной в [Loukachevitch et al. 2011: 522]: свойства референта (подгруппа C-1), дистанции (подгруппа C-2), свойства анафора (подгруппа C-3), свойства антецедентов (подгруппы C-4а и C-4б).
- Группа данных D: контрольные столбцы, по которым производится учет ЕРВ. Содержит 4 столбца: подсчет ЕРВ по референтам, подсчет ЕРВ по дискурсам, подсчет всех упоминаний по дискурсам и столбец для подтверждения, что все подсчеты по дискурсам совпадают с соответствующими числами в анкетах.

Контрольная база отличается от тренировочной меньшим числом факторов, поскольку ее разметка производится только по математически значимым параметрам. Деление столбцов на группы идентично тренировочной базе.

тому же концепту. Семантическое наполнение дескрипции, замещающее референт — денотат / сигнификат / экстенсионал соответствующей лексемы — предлагается называть «образом».

[32] Этот термин является более удачной заменой слову «маркабула» (встречено в [Loukachevitch 2011]), которое можно было встретить в докладе.

[33] Термин «значимый референт» встречен в [Кибрик 1997: 96].

Для измерения риторических расстояний потребовалось построить деревья риторической структуры для каждого дискурса. Это было сделано в соответствии с оригинальной ТРС У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1987]; для адаптации этой теории под устный модус дискурса был применен опыт проекта «Рассказы о сновидениях» [Литвиненко и др. 2009].

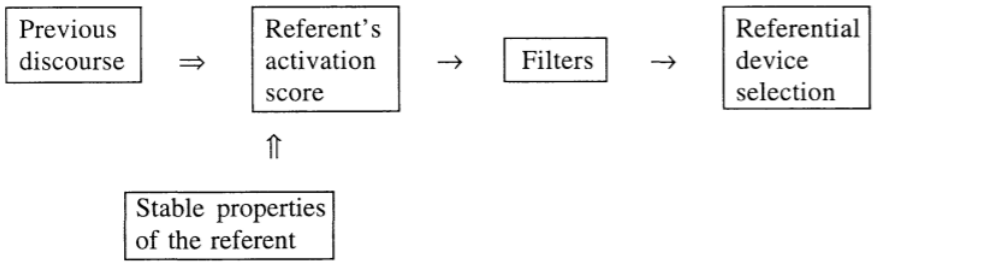
С полной таблицей, а также с размеченными дискурсами и их риторическими деревьями можно ознакомиться в облачном хранилище по адресу https://drive.google.com/drive/folders/1eLHvqutqOMPhHUV8qsY76Q69PqR2TbhL?usp=sharing

3. Методология исследования

3.1. Теоретическое моделирование

С лингвистической точки зрения, представляемая модель выполнена в русле когнитивного количественного подхода, автором которого является А. А. Кибрик. Название теории хорошо соотносится с одним из ее ключевых исходных допущений: «референциальный выбор не может быть понят в рамках внутритекстового подхода; он непосредственно предопределяется **когнитивным состоянием говорящего** в данный момент» [Кибрик 1997: 94]. Основная теоретическая предпосылка модели — зависимость РВ от активации референта в рабочей памяти говорящего. Модель базируется на следующем принципе: необходимо получить количественную оценку активации, а затем конвертировать ее в доступные референциальные средства. При этом референциальный выбор не является категориальным, т. е. план выражения большинства ЕРВ может варьироваться.

Ниже представлена оригинальная схема модели (рис. 1). Для удобства различения будем называть **компонентным** деление модели на значимые концепты (представлено на схеме), а **блочным** — деление, при котором каждой части модели соответствует одна значимая процедура (приводится на рис. 2).



Legend:
⇒ arrows designating the operation of activation factors, taking place prior to the production of the current mention
→ arrows designating on-line transition from one stage to another during production

Рисунок 1. Оригинальная схема когнитивной количественной модели ([Kibrik 1996: 258])

Каждый элемент данной схемы является отдельным компонентом, важным для общего смысла модели. Автор парадигмы предлагает учитывать контекст (*previous discourse*) и внутренние свойства референта (*stable properties of the referent*), чтобы оценить активированность референта в определенный момент времени *t*. Совместно эти два типа свойств называются факторами. У каждого фактора есть набор значений, у каждого значения имеется числовой вес. В качестве примера в табл. 1 показано устройство фактора «расстояние до антецедента в абзацах» ([Кибрик 1997: 99]):

Таблица 1

Структура фактора в факторном блоке

Расстояние до антецедента в абзацах	
Значение:	Вес значения:
0	0
1	-0.2
2	-0.4

Следующий компонент модели — коэффициент активации референта (*referent's activation score*) (далее КА). Чтобы его получить, необходимо взять все факторные значения ЕРВ и суммировать их веса. КА, как правило, варьируется в пределах отрезка [0, 1]; чем он больше, тем более редуцированные РС можно использовать для данного ЕРВ. Прогноз дополняется оценкой приемлемости с точки зрения контекста, которая производится с помощью фильтров (*filters*) «референциальный конфликт» и «смена границ действительности». При срабатывании оба фильтра требуют, чтобы говорящий употребил полную ИГ вне зависимости от активации референта.

Результирующий компонент модели — выбор референциального средства (*referential device choice*). Таким образом, РВ может быть осуществлен за 4 концептуальных шага.

На рис. 2 представлено процедурное деление модели, содержащее 3 процедурных блока.

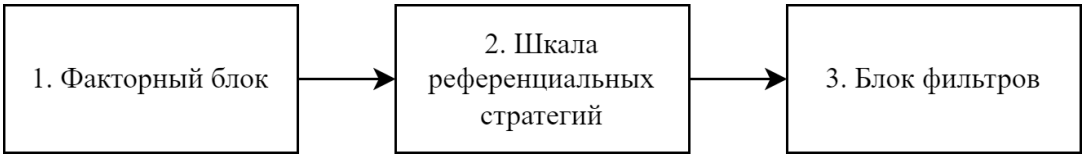


Рисунок 2. Процедурная схема когнитивной количественной модели

Блок факторов необходим для получения КА: он содержит факторы, их значения и веса этих значений.

Шкала референциальных стратегий (рис. 3) позволяет интерпретировать КА, полученный из первого блока. Она представляет собой таблицу из двух строк: в нижней строке записаны диапазоны значений КА, в верхней — средства, которые допустимы при этих диапазонах:

	Только полная ИГ	Полная ИГ наиболее вероятна, местоимение или ноль сомнительны	Полная ИГ или местоимение/ноль	Только местоимение или ноль
КА:	0 0.1 0.2 0.3	0.4 0.5 0.6	0.7 0.8 0.9	1

Рисунок 3. Шкала референциальных стратегий в оригинальной модели ([Кибрик 1997: 101])

Третий, заключительный блок модели содержит фильтры.

3.2. Статистические методы

При разработке модели для устных нарративов были использованы следующие математические методы:

- Для оценки статистической значимости факторов был использован **критерий хи-квадрат**.
- Однако критерий хи-квадрат не дает возможности сравнивать влияние различных факторов, поэтому для каждого фактора был получен его **коэффициент сопряженности** (*contingency coefficient*). Это позволило построить иерархию факторов.
- Оценки весов факторных значений были получены при помощи **мультиномиальной логистической регрессии** (МЛР). Логистическая регрессия ранее применялась в [Strube, Walters 2002] и показала эффективность 93.1 % [ibid.: 93]. Кроме того, в статье [Khudyakova et al. 2011] отмечается достаточно высокая эффективность логистической регрессии: она демонстрирует корректность 87% при двухвариантном РВ и 77.4% при трехвариантном.
- Модель должна включать факторы, разнообразные по своему способу влияния. С точки зрения математики, это означает, что никакие факторы не должны линейно зависеть друг от друга. Если такая зависимость присутствует, это означает, что два фактора влияют на РВ схожим образом. Такие пары факторов называются коллинеарными. Чтобы сохранить сбалансированность модели, необходимо отследить и ликвидировать коллинеарность факторов. Эту задачу позволяет решить **корреляционная матрица**.

4. Разработка модели

4.1. Исходные допущения

Общие исходные допущения, на которые опирается новая модель, практически полностью совпадают с общими исходными допущениями в [Кибрик 1997: 94-95]:

– «выбор референциального средства — не случайный, а **мотивированный** процесс;
– адекватная модель референциального выбора должна быть в состоянии объяснить **каждый** случай выбора в исследуемом дискурсе;
– референциальный выбор не может быть понят в рамках внутритекстового подхода; он непосредственно предопределяется **когнитивным состоянием говорящего** в данный момент;
– число факторов, влияющих на когнитивное состояние говорящего, может быть **велико**».

К перечисленным пунктам добавляется два новых. Первое допущение мотивировано особенностями устного модуса в русском языке. В отличие от письменных текстов, в устной речи нулевые выражения являются самостоятельным референциальным средством, поэтому представляется актуальным рассматривать тройное противопоставление «полная ИГ – местоимение – нуль». В то же время, нет оснований считать, что одни и те же факторы одинаково влияют на выбор «полная ИГ – местоимение» и на выбор «местоимение – нуль». Допущение можно сформулировать так:

– Одни и те же факторные значения могут влиять **по-разному** на выбор между полной ИГ и местоимением, с одной стороны, и на выбор между местоимением и нулем — с другой.

В соответствии с этим допущением предлагается тройное противопоставление разбить на две дискретные пары: дихотомия полной ИГ и местоимения и дихотомия

местоимения и нуля. Для краткости дихотомии называются по номерам: «дельта»-1, «дельта»-2, или Δ1 и Δ2.

Второе допущение было обосновано в [Kibrik et al. 2016] и [Ferreira et al. 2016]:

– РВ **не является категориальным** и во многих случаях план содержания ЕРВ имеет несколько равновозможных вариантов плана выражения.

4.2. Двойная значимость факторов и весов их значений

Чтобы модель была применима в автоматическом синтезе речи, необходимо, чтобы приоритетность факторов и числовые значения их весов были **математически фундированными**. Однако у методов статистики и машинного обучения существует склонность имитировать, но не отражать реальные закономерности. Поэтому необходим дополнительный контроль за тем, чтобы в модели на новом материале был учтен **опыт предыдущих исследований**. В этих двух требованиях заключена двойная значимость модели — **математическая** и **теоретическая**. Контроль за значимостью обоих типов осуществляется на уровне факторов и на уровне весов факторных значений при помощи специальных диагностик — **индикаторов значимости** (табл. 2):

Таблица 2

Индикаторы значимости

	Математическая значимость	Теоретическая значимость
Факторы	Уровень значимости критерия χ^2 не больше 0.05.	Фактор признан значимым хотя бы в одном из ранее проведенных исследований.
Веса факторных значений	Уровень значимости ВФЗ в регрессионной модели не более 0.05; при соответствии теоретическому индикатору — не больше 0.1.	Теоретические ожидания

Остановимся подробнее на теоретическом индикаторе для весов. Для регулирования теоретической значимости ВФЗ достаточно двух теоретических ожиданий:

1) Если вес отличен от нуля, то его знак (= влияние) должен коррелировать с тем, что наблюдается в выборке. Например, если в Δ «полная ИГ – местоимение» значение «пациенс» чаще имеют местоимения, чем полные ИГ, то это значение оказывает повышающее действие на Δ1, следовательно его вес должен быть положительным.

2) ВФЗ факторов из категории «Дистанции» должны образовывать невосходящий тренд: чем больше дистанция, тем больше отрицательный модуль веса. По аналогии с фактором «Риторическое расстояние» в [Кибрик 1997], наименьшее значение фактора может иметь положительный вес.

Четыре типа индикаторов при совместном применении позволяют максимизировать значимость итоговой модели.

4.3. Алгоритм разработки

Построение модели выполнялось в соответствии со следующим планом:

1) Сбор теоретически значимых факторов;
2) Получение набора математически значимых факторов;
3) Подготовка к построению МЛР;
4) Построение МЛР и получение математически значимых весов;
5) Корректировка весов в соответствии с теоретическими ожиданиями и иерархией факторов;

6) Нормализация весов.

В табл. 3 суммирован процесс отбора факторов (деление на 4 группы произведено аналогично факторному блоку в [Loukachevitch et al. 2011: 522]). Все представленные в таблице факторы (за исключением двух, проверяемых в рамках гипотезы 3) являются теоретически значимыми.

Таблица 3

Процесс и результат отбора факторов

Фактор	**Математическая значимость**	**Прохождение теста на коллинеарность**	**Значимость для Δ1**	**Значимость для Δ2**
Свойства референта				
Референт или образ	Да	-	Да	Да
Одушевленность	Да	-	Да	Да
Число	**Нет**			
Род	Да, но менее значимо, чем род-число			
Род-число	Да	-	Да	Да
Протагонизм 1	Да	Да	Да	**Нет**
Протагонизм 2	Да, но менее значима, чем 1-я			
Свойства анафора				
Грамматическая роль	Да	-	**Нет**	**Нет**
Подлежащность	**Нет**			
Семантическая роль	Да	-	Да	Да
Порядковый номер в референциальной цепи	**Нет**			
Неполная кореферентность	Да	-	Да	Да
Свойства антецедентов				
Форма линейного антецедента	Да	-	**Нет**	**Нет**
Грамматическая роль линейного антецедента	Да	-	**Нет**	**Нет**
Семантическая роль линейного антецедента	Да	-	Да	Да
Форма риторического антецедента	Да	-	**Нет**	Да
Грамматическая	Да	-	Да	**Нет**

Фактор	**Математическая значимость**	**Прохождение теста на коллинеарность**	**Значимость для Δ1**	**Значимость для Δ2**
роль риторического антецедента				
Семантическая роль риторического антецедента	Да	-	Да	Да
Совпадение антецедентов	**Нет**			
Дистанции				
Линейное расстояние в ЭДЕ	Да	Да	Да	Да
Число ЕРВ до ближайшего антецедента (все РЦ[34])	Да	**Нет**		
Число ЕРВ до ближайшего антецедента, выраженного полной ИГ (только собственная РЦ)	Да	Да	**Нет**	Да
Риторическое расстояние	Да	Да	Да	Да
Расстояние в эпизодах	Да	**Нет**		
Итого значимых факторов:			11	11

На первом этапе был собран список теоретически значимых факторов — всего их насчитывалось 24. Источниками факторов являются ранее проведенные исследования ([Кибрик 1997, Kibrik, Grüning 2005, Loukachevitch et al. 2011, Kibrik et al. 2016, Strube, Walters 2002, Same, van Deemter 2020, Саенко, Прокопеня 2020]).

Далее факторы были проверены на математическую значимость на материале тренировочной выборки с помощью критерия χ^2. По результатам проверки, число факторов сократилось с 24 до 20. Таким образом, был сформирован набор факторов, обладающих двойной значимостью.

На третьем шаге была проведена подготовка факторного блока к построению МЛР. Она включала в себя два действия:

а) Выявление и ликвидация случаев коллинеарности факторов с помощью корреляционной матрицы (рис. 4).

[34] Референциальная цепь. Термин обнаружен в [Strube, Walters 2002].

		Число маркабул между анафором и линейным антецедентом	Число маркабул до ближайшего антецедента, выраженного полной ИГ	Линейное расстояние	Расстояние до линейного антецедента в эпизодах
Число маркабул между анафором и линейным антецедентом	Pearson's r	—			
	p-value	—			
Число маркабул до ближайшего антецедента, выраженного полной ИГ	Pearson's r	-0.087	—		
	p-value	0.189	—		
Линейное расстояние	Pearson's r	0.792	-0.065	—	
	p-value	< .001	0.321	—	
Расстояние до линейного антецедента в эпизодах	Pearson's r	0.598	-0.038	0.772	—
	p-value	< .001	0.566	< .001	—

Рисунок 4. Корреляционная матрица

Факторы коллинеарны, если их коэффициент корреляции (*Pearson's r*) близок к 0.8. По причине коллинеарности с линейным расстоянием из факторного блока были удалены расстояние в эпизодах и расстояние до ближайшего антецедента в ЕРВ (все РЦ).

b) Выбор базовых факторных значений.

При построении МЛР в рамках каждого фактора выбирается одно значение, базовое, и с его частотой сравниваются частоты всех остальных значений. Каждое такое сравнение называется отношением шансов; именно натуральный логарифм отношения шансов для некоторого факторного значения является оценкой его веса. Базовое значение всегда обладает весом, равным нулю. Базовые значения выбирались с тем расчетом, чтобы как можно больше регрессионных коэффициентов (т. е. статистических оценок ВФЗ) были статистически значимыми. У части факторов оценки весов оказались статистически не значимыми (т.е. p-level > 0.1) при любых базовых значениях. Такие факторы были исключены из блока для обеих дихотомий либо для одной из них.

После подготовительных действий была построена логистическая модель, ниже (рис. 5) приводится ее фрагмент для дихотомии «местоимение — нуль», или Δ2.

Predictor	Estimate	95% Confidence Interval Lower	95% Confidence Interval Upper	SE	Z	p	Odds ratio	95% Confidence Interval Lower	95% Confidence Interval Upper
Риторическое расстояние:									
1.5 – 1	1.870	-0.1228	3.8631	1.01684	1.8392	0.066	6.48935	0.88443	47.6142
2 – 1	4.292	1.5571	7.0270	1.39541	3.0758	0.002	73.11634	4.74502	1126.6555
2.5 – 1	3.988	1.0005	6.9760	1.52438	2.6163	0.009	53.95942	2.71966	1070.5838
3 – 1	5.827	2.0150	9.6391	1.94496	2.9960	0.003	339.36565	7.50099	15353.8522
3.5 – 1	3.000	-0.2598	6.2602	1.66329	1.8038	0.071	20.08936	0.77121	523.3082
5.5 – 1	-7.037	-384.9248	370.8517	192.80369	-0.0365	0.971	8.79e -4	6.75e-168	1.15e+161
Форма риторического антецедента:									
нуль – мест.	3.976	0.7552	7.1974	1.64345	2.4195	0.016	53.32043	2.12808	1335.9780
полная ИГ – мест.	2.509	-0.8492	5.8680	1.71359	1.4644	0.143	12.29737	0.42776	353.5305
Референт / образ:									
образ – референт	49.384	48.2466	50.5212	0.58028	85.1034	< .001	2.80e+21	8.98e +20	8.73e +21

Рисунок 5. Фрагмент МЛР

Все регрессионные коэффициенты с уровнем значимости не более 0.1 считались математически значимыми.

Следующий этап в построении — корректировка весов в соответствии с теоретическими ожиданиями, а также внедрение в модель иерархии факторов (показана в табл. 4), основанной на сравнении коэффициентов сопряженности. При этом допускалось только два вида изменений:

1. Смена знака веса;
2. Получение веса с помощью арифметических действий с опорой на соседние веса, значимые математически и теоретически.

Таблица 4

Иерархия факторов

Номер	Фактор	Коэффициент сопряженности
1	Линейное расстояние	0.396
2	Одушевленность	0.361
3	Семантическая роль линейного антецедента	0.356
4	Число ЕРВ до ближайшего антецедента, выраженного полной ИГ	0.341
5	Семантическая роль	0.340
6	Семантическая роль риторического антецедента	0.331
7	Риторическое расстояние	0.33
8	Форма риторического антецедента	0.314
9	Грамматическая роль линейного антецедента	0.284
10	Родо-численность	0.283
11	Форма линейного антецедента	0.264
12	Грамматическая роль линейного антецедента	0.229
13	Грамматическая роль	0.196
14	Референт или образ	0.169

Номер	Фактор	Коэффициент сопряженности
15	Неполная кореферентность	0.164
16	Протагонизм 1	-

У каждого фактора было выделено значение, вес которого обладает максимальным модулем (будет называть такой вес MaxAbs). Далее было применено 2 правила:

– Если MaxAbs нижестоящего фактора больше, чем MaxAbs вышестоящего, сделать его равным MaxAbs вышестоящего;
– Все остальные веса нижестоящего фактора уменьшить во столько же раз, во сколько уменьшился его MaxAbs.

Заключительный шаг в разработке — нормализация весов с сохранением их порядка и иерархии. Эта мера позволит сделать так, чтобы в большинстве случаев КА не превышал единицу.

В результате был получен новый набор весов, который с точки зрения индикаторов значимости является теоретически и математически значимым. На основе тренировочной выборки были также получены шкалы референциальных стратегий и выведен новый фильтр — «наличие адъективных зависимых».

5. Апробация

Перед апробацией модели были выполнены подготовительные действия:

- Каждая ЕРВ в контрольной выборке была размечена по значимым факторам.
- Каждое факторное значение было конвертировано в два числовых веса, по Δ1 и Δ2.
- При помощи шкал референциальных стратегий для каждой ЕРВ были выведены прогнозы РВ.

Проверка эффективности модели состояла в оценке качества полученных прогнозов. Ключевыми для оценивания были два требования:

1) В прогнозе должно содержаться то средство, которое реально было употреблено говорящим.
2) Все остальные спрогнозированные средства должны быть приемлемыми в данном контексте. Оценка приемлемости является бинарной и производится с опорой на интроспекцию.

Каждый прогноз мог получить один из трех статусов:

- Верно: соответствие обоим требованиям.
- Частичное соответствие: выполнено первое требование, но не выполнено второе.
- Неверно: не выполнено первое требование.

Результаты апробации представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Статистика по результатам апробации

	Верных прогнозов	Частичных соответствий	Неверных прогнозов	Всего
Абсолютные показатели	37	9	3	49
Относительные показатели	76%	18%	6%	

Модель сделала ошибочные прогнозы в 6% случаев, как правило, она не предсказывала полные ИГ там, где они были употреблены говорящими. Это может быть связано с переоцененностью семантической роли анафора «агенс». В 94% случаев модель дала верные либо приемлемые прогнозы.

Чтобы проиллюстрировать работу модели, рассмотрим фрагмент контрольного дискурса[35]:

(2) 14.83 16. А у нас **мальчик** один,
16.03 17. **он** всё время жевал сухари.
16.98 18. Мы ещё так и звали **его**:
17.71 19. **Сухарь**.

Кореферентные ЕРВ отмечены жирным шрифтом, единица, план выражения которой нужно спрогнозировать, подчеркнута. Для целевой ЕРВ были получены и количественно оценены (табл. 6) релевантные факторные значения:

Таблица 6

Пример использования модели

Фактор	**Значение**	**Вес значения по Δ1**	**Вес значения по Δ2**
Референт или образ?	референт	0	0
Одушевленность	Одушевленное[36]	0,3530	0,6670
Род-число	Мужской	0,0830	0
Протагонизм	1	0,0830	0,0830
Линейное расстояние	1	0,0730	0,0830
Число маркабул до ближайшего антецедента, выраженного полной ИГ	0	0	0
Риторическое расстояние	1	0	0
Семантическая роль	агенс	0,1410	-0,0200
Неполная кореферентность	нет	0	0
Семантическая роль линейного антецедента	агенс	0,0950	0,3500
Форма риторического антецедента	полная ИГ	0	0
Грамматическая роль риторического антецедента	подлежащее	0,0830	-0,1770
Семантическая роль риторического антецедента	агенс	0,1750	0
Коэффициент активации		1,086	0,9860
Коэффициент активации		1	0,9860

[35] Рассказ 13 из корпуса «Веселые истории из жизни» [эл. ресурс], код рассказа в исследовании К2.
[36] В оригинальной таблице используются сокращения «одуш.», «неодуш», «муж» и т.д.

Фактор	Значение	Вес значения по Δ1	Вес значения по Δ2
(нормализованный)			
Прогноз		Только местоимение	Местоимение или нуль

Итоговый прогноз модели включает реально примененное средство, а также содержит альтернативное — нуль. По данным интроспекции, нуль в рассмотренном контексте представляется приемлемым.

6. Выводы и перспективы

В рамках исследования была создана модель РВ в устных рассказах на русском языке. Она продемонстрировала достаточно высокую эффективность на контрольной выборке. В ходе исследования нашли подтверждение гипотеза №2. а также первая часть гипотезы №3: критерий Пирсона подтвердил значимость нового фактора «референт или образ» в устном дискурсе. Остальные два предположения не нашли подтверждения.

Опровержение гипотезы №1: существуют ЕРВ, которые могут быть выражены полной ИГ и нулем, но не могут быть выражены местоимением. Это все ЕРВ, находящиеся под действием фильтра «наличие адъективных зависимых». Например, ЕРВ, подчеркнутая во фрагменте ниже, не может быть выражена местоимением по той причине, что имеет зависимое прилагательное (дискурс 8, в выборке — К1):

(3) 1.38 2. У меня была ужасная **причёска**,
2.68 3. и я была просто как парень,
3.70 4. вообще настолько ужасная **0**,
5.32 5. что и ==

Еще два примера действия этого фильтра содержатся в рассказе 9 (по нумерации в выборке — 8):

(4) 4.11 3. ·· так как я свой **день варенья** не устраивала,
6.37 4. то 0 решили его отметить в этой **компании**,

У обеих подчеркнутых ЕРВ есть зависимые адъективные местоимения, поэтому невозможно сказать **свой его* или **в этой ней*; единственные альтернативы — *свой 0* и *в этой 0*.

Опровержение гипотезы №3б: по результатам применения критерия Пирсона, фактор «совпадение антецедентов» не является значимым для РВ.

У исследования есть три основные перспективы. Первая — расширение тренировочной выборки и увеличение точности ВФЗ. Вторая — расширение факторного блока, выявление новых значимых факторов. Третья — проведение аналогичного исследования на материале письменного нарративного дискурса, что позволило бы сделать кроссмодальное сравнение когнитивных систем референциального выбора.

Список сокращений

РВ — референциальный выбор
РС — референциальное средство (либо средства)
ЕРВ — единица референциального выбора
КА — коэффициент активации
МЛР — мультиномиальная логистическая регрессия
MaxAbs — вес, модуль которого в рамках данного фактора максимален

Литература

Будённая Е. В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала: Дис. … канд. филол. наук. – Москва, 2018.

Кибрик А. А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник Московского университета. — 1997. — Серия 9: Филология. № 4. — С. 94-105.

Кибрик А. А., Подлесская В. И., Коротаев Н. А. Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления // Кибрик, А. А., Подлесская, В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет. — Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2009. — С. 55-101.

Кибрик А. А., Линник А. С., Добров Г. Б., Худякова М. В. Оптимизация модели референциального выбора, основанной на машинном обучении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды XVIII Международной конференции «Диалог 2012»: в 2-х томах, Бекасово, 30 мая — 03 2012 года. — Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. — С. 237-246.

Корпус «Веселые истории из жизни». Эл. ресурс: http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny

Литвиненко А. О., Подлесская В. И., Кибрик А. А. Анализ рассказов о сновидениях с точки зрения иерархической структуры дискурса // Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет. — Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2009. — С. 431-463.

Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): Автореф. дисс. канд. докт. фил. наук. — Ростов-на-Дону, 2003.

Саенко Е., Прокопеня В. К. Референциальный выбор при описании видеоролика в режиме реального времени // Студенческие Смольные чтения, Санкт-Петербург, 01 октября 2015 года — 31 2017 года / Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 214-223.

Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Кибрик А. Е. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: ПРОГРЕСС, 1982. – С. 277-317.

Ferreira, T. C., Krahmer, E., Wubben, S. Individual Variation in the Choice of Referential Form // Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. — [https://www.researchgate.net/publication/305334477_Individual_Variation_in_the_Choice_of_Referential_Form], 2016. — P. 423-427.

Kibrik, A. A. Anaphora in Russian Narrative Prose: A Cognitive Calculative Account // Fox B. A. (ed.). Studies in Anaphora. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. — P. 255-286.

Kibrik, A. A., Grüning, A. Modelling Referential Choice in Discourse: A Cognitive Calculative Approach and a Neutral Network Approach // Anaphora Processing. Linguistic, cognitive and computational modelling. – Lisbon : John Benjamins Publishing, 2005. – P. 163-198.

Kibrik, A. A., Zalmanov, D. A., Khudyakova, M. V. [et al.] Referential choice: Predictability and its limits // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – No SEP. – P. 1429. – DOI 10.3389/fpsyg.2016.01429.

Khudyakova, M. V, Dobrov, G.B., Kibrik, A. A., Loukachevitch, N.V. Computational modeling of referential choice: Major and minor referential options, 2011.

[https://www.researchgate.net/publication/247768213_Computational_modeling_of_referential_choice_Major_and_minor_referential_options]. — 5 p.

Loukachevitch, N. V., Dobrov, G. B., Kibrik, A. A., Khudyakova, M. V., and Linnik, A. S. Factors of referential choice: computational modeling // A. E. Kibrik (ed.). In Proceedings of the Papers from the Annual International Conference «Dialogue» (2011): Computational Linguistics and Intellectual Technologies. — Moscow, 2011. — P. 518–528.

Mann, W., Thompson, S. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. — Marina del Rey: Information Sciences Institute, 1987. — 92 p.

Same, F., Deemter, K. A Linguistic Perspective on Reference: Choosing a Feature Set for Generating Referring Expressions in Context, 2020. https://www.researchgate.net/publication/346570847_A_Linguistic_Perspective_on_Reference_Choosing_a_Feature_Set_for_Generating_Referring_Expressions_in_Context. — 12 p.

Strube, M., Wolters, M. A Probabilistic Genre-Independent Model of Pronominalization // Proceedings of the 1st North American Chapter of the Association for Computational Linguistics Conference, 2002. — [https://www.researchgate.net/publication/2539169_A_Probabilistic_Genre-Independent_Model_of_Pronominalization]. — 8 p.

References

Budennaya, E. V. Subject Reference Evolution in the Kanguages of the Baltic Area. Diss. kand. fil. nauk. – Москва, 2018.

Kibrik, A. A. Multifactorial Process Modelling: Referential Choice in Russian Discourse. // Moscow State University Bulletin. — 1997. — Series 9: Philology. № 4. — P. 94-105.

Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I., Korotaev, N. A. Spoken Discourse Structure: Principal Elements and Canonical Phenomena // Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). Dream Stories: a Corpus Research of Russian Spoken Discourse / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian State University of the Humanities. — Moscow: «Языки славянских культур» Publishing, 2009. — P. 55-101.

Kibrik, A. A., Linnik, A. S., Dobrov, G. B., Khudyakova, M. V. Machine-Learning-Based Referencial Choice Model Optimization // Applied Linguistics and Intellectual Technologies: in Proceedings of the 18th International Conference “Dialog 2012”: in 2 volumes, Bekasovo, 30th May — 03 2012. — Bekasovo: Russian State University of the Humanities, 2012. — P. 237-246.

«Funny Life Stories» Corpus. URL: http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny

Litvinenko, A. O., Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. Dream Stories Analysis in Terms of the Hierarchical Structure of Discourse // Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). Dream Stories: a Corpus Research of Russian Spoken Discourse / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian State University of the Humanities. — Moscow: «Языки славянских культур» Publishing, 2009. — P. 431-463.

Milevskaya, T.V. Cohesion as a Discursive and Textual Category (Communicative-Functional and Communicative-Pragmatic Aspects): Avtoref. diss. dokt. fil. nauk. — Rostov-On-Don, 2003.

Saenko, E., Prokopenya, V. K. Referential Choice during Online Video Description // Student Smolny Conference, Saint Petersburg, 01st October 2015 — 31 2017 / Saint Petersburg State University. — Saint Petersburg: Information Technologies Center «Asterion», 2020. – P. 214-223.

Chafe, W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Kibrik, A. E. (ed.). New in Foreign Linguistics. – Moscow: PROGRESS, 1982. – P. 277-317.

Ferreira, T. C., Krahmer, E., Wubben, S. Individual Variation in the Choice of Referential Form // Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. —

[https://www.researchgate.net/publication/305334477_Individual_Variation_in_the_Choice_of_Referential_Form], 2016. — P. 423-427.

Kibrik, A.A. Anaphora in Russian Narrative Prose: A Cognitive Calculative Account // Fox B. A. (ed.). Studies in Anaphora. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. — P. 255-286.

Kibrik, A.A., Grüning, A. Modelling Referential Choice in Discourse: A Cognitive Calculative Approach and a Neutral Network Approach // Anaphora Processing. Linguistic, cognitive and computational modelling. – Lisbon: John Benjamins Publishing, 2005. – P. 163-198.

Kibrik, A. A., Zalmanov, D. A., Khudyakova, M. V. [et al.] Referential choice: Predictability and its limits // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – No SEP. – P. 1429. – DOI 10.3389/fpsyg.2016.01429.

Khudyakova, M. V, Dobrov, G.B., Kibrik, A. A., Loukachevitch, N.V. Computational modeling of referential choice: Major and minor referential options, 2011. [https://www.researchgate.net/publication/247768213_Computational_modeling_of_referential_choice_Major_and_minor_referential_options]. — 5 p.

Loukachevitch, N. V., Dobrov, G. B., Kibrik, A. A., Khudyakova, M. V., and Linnik, A. S. Factors of referential choice: computational modeling // A. E. Kibrik (ed.). In Proceedings of the Papers from the Annual International Conference «Dialogue» (2011): Computational Linguistics and Intellectual Technologies. — Moscow, 2011. — P. 518–528.

Mann, W., Thompson, S. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. — Marina del Rey: Information Sciences Institute, 1987. — 92 p.

Same, F., Deemter, K. A Linguistic Perspective on Reference: Choosing a Feature Set for Generating Referring Expressions in Context, 2020. [https://www.researchgate.net/publication/346570847_A_Linguistic_Perspective_on_Reference_Choosing_a_Feature_Set_for_Generating_Referring_Expressions_in_Context]. — 12 p.

Strube, M., Wolters, M. A Probabilistic Genre-Independent Model of Pronominalization // Proceedings of the 1st North American Chapter of the Association for Computational Linguistics Conference, 2002. — [https://www.researchgate.net/publication/2539169_A_Probabilistic_Genre-Independent_Model_of_Pronominalization]. — 8 p.

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-12

GŎDAĆ ИЛИ MÓWIĆ: ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ СИЛЕЗЦЕВ В ПОЛЬШЕ[37]

Александр Дмитриевич Васюков
Европейский университет в Санкт-Петербурге
(аспирант)

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой ситуации в Верхней Силезии, этнокультурном регионе на юго-западе Польши. Силезцы – западнославянская этноязыковая группа, традиционно воспринимаемая в польском политическом и научном дискурсе в качестве этнографической группы поляков. На материалах полевой антропологической работы автор описывает специфику современных языковых процессов в регионе, социальный престиж и функционирование силезского идиома, а также общественное движение за признание его региональным языком Польши, что позволяет национальное законодательство. В исследовании показано, как лингвистическая идентичность и языковой выбор современных силезцев определялись противоречивыми процессами национального конструирования и государственной языковой политики в регионе.

Ключевые слова: силезцы, силезский язык, Польша, Верхняя Силезия, этническое меньшинство, языковая ситуация, языковая практика, идентичность.

GŎDAĆ OR MÓWIĆ: MODERN LANGUAGE PRACTICES OF ETHNIC SILESIANS IN POLAND

Alexander D. Vasyukov
The European University at Saint Petersburg
(graduate student)

Abstract. This paper is focused on the linguistic situation in Upper Silesia, an ethnocultural region in Southern-Western Poland. The Silesians are a West Slavic minority group that traditionally has been regarded in Polish political and scientific discourse as an ethnographic group of Poles. Based on anthropological fieldwork, the author describes the specificity of modern linguistic processes in the region, the social prestige of Silesian and the movement for its recognition as a regional language in Poland. This research shows how the national construction and state language policy in Silesia have defined the linguistic identity and the language choice of modern Silesians.

Keywords: Silesians, Silesian, Poland, Upper Silesia, ethnic minority, language situation, language practice, identity.

Миноритарные этнические сообщества как объект национальной и языковой политики государств Центрально-Восточной Европы традиционно вызывают повышенный интерес в социальных науках. Лишенные собственного государства и какой-

[37] Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда культур Сибири (Фюрстенберг/Хафель, Германия).

либо формы административно-территориальной автономии, такие сообщества подвергаются мощному политическому, экономическому и культурному давлению со стороны титульных групп своей страны. Данная статья представляет анализ языковых процессов среди этнических силезцев Польши второй половины XX в.

Силезцы – славянская этноязыковая группа, компактно проживающая в регионе Верхняя Силезия на польско-чешском пограничье и говорящая на восточнолехитском идиоме западнославянской группы языков (далее в тексте – силезский язык). Большинство силезцев сегодня проживает на территории Польши, где, согласно последней доступной нам переписи, они являются крупнейшим этническим и языковым меньшинством страны. При этом силезцы не признаны меньшинством на законодательном уровне, хотя сегодня в регионе существует движение, пользующееся определенной поддержкой местного населения, за достижение подобного юридического статуса. Ряд общественных организаций и региональных политических партий (Движение за автономию Силезии, Объединение лиц силезской национальности и др.) требуют признать силезцев отдельным народом. Местные этнические активисты также приступили к кодификации единого литературного стандарта для силезского языка, функционировавшего до недавнего времени почти исключительно в устной форме. Силезское языковое строительство и этнический активизм зачастую воспринимаются как актуальная этнополитическая проблема в современной Польше, поскольку отождествляются с движением за политическую автономию региона. Вместе с тем, несмотря на численное превосходство силезцев по сравнению с официально признанными этническими и национальными меньшинствами Польши, у нас имеются достаточно скудные представления о языковых процессах, которые протекают в этнической группе на протяжении последних десятилетий. Это обуславливает необходимость качественных этнографических и социолингвистических исследований в Верхней Силезии, а также продолжительной полевой работы, включающей наблюдение за языковой практикой и анализ лингвистической идентичности местного населения.

Материал для статьи собирался в ходе нескольких этнографических экспедиций в Верхнюю Силезию в 2019-2022 гг. Данная работа ведется в рамках диссертационного исследования, посвященного языковому активизму и языковой ситуации среди силезцев и кашубов Польши. Силезская часть нашей работы протекает на территории нескольких повятов Силезского и Опольского воеводств[38], где этнические силезцы составляют большинство населения или значительное меньшинство. Среди населенных пунктов, которые нам удалось посетить, имеются как крупные промышленные города региона: Катовице, Бытом, Хожув, Забже, Гливице и др., - так и силезскоязычные села Стшелецкого повята Опольского воеводства (Напр., Гонщоровице, Емельница, Пётрувка, Лазиска).

Основные методы сбора материала включают глубинное полуструктурированное интервью (индивидуальное и групповое) [Семенова 1998: 105], наблюдение за языковыми практиками местного населения и изучение языкового ландшафта региона. На момент работы над статьей нам удалось взять интервью у 54 жителей региона, определяющих свою этническую принадлежность как силезскую. Помимо уникального полевого материала, мы также опираемся на статистические данные и результаты переписей, а также материалы других социолингвистических и этнологических исследований наших коллег, проведенных в Верхней Силезии [см. Tambor 2006; Berlińska, Jonderko 1994]. Структура статьи предполагает последовательное описание численности и расселения силезцев, дилеммы этнокультурной идентичности, с которой сталкиваются члены сообщества, а также общественной дискуссии, связанной с возможным признанием силезского региональным языком в Польше. Завершается статья общим анализом

[38] Воеводство – основная и самая крупная единица административно-территориального деления Польши. Воеводства состоят из повятов, а те, в свою очередь, из сельских или городских гмин.

языковых процессов в Верхней Силезии второй половины XX в. с опорой на полевые материалы автора.

1. Силезцы как западнославянская миноритарная этническая группа

Последняя доступная нам перепись населения в Польше (2011) зафиксировала 846,7 тыс. человек, указавших своей национальностью силезскую [Narodowy Spis 2015: 31]. При этом мы наблюдаем рост численности людей, готовых отождествлять себя с силезцами. Например, в 2002 г. таких было лишь 173,2 тыс. [Raport 2003: 37]. На готовность и желание респондентов идентифицировать себя как силезцев в ходе последней переписи повлияло несколько факторов: 1) возможность назвать две этничности, что позволило значительным группам населения со смешанной силезско-польской и силезско-немецкой этнической идентичностью указать обе опции; 2) пропагандистская работа этнических активистов и организаций; 3) актуализация силезской проблемы в современной Польше, связанная с повышенным вниманием о освещением темы силезской идентичности в СМИ и выступлениях политиков на фоне дискуссии о возможности признания силезского языка региональным. Рост популярности непольской модели этноидентификации в регионе признают также рапорты Статистического управления Польши [NSP 2012: 67].

Уже с 2002 г. мы можем говорить о силезцах как о наиболее крупном меньшинстве страны, для которого характерна непольская или альтернативная польской этноязыковая идентичность. Однако идентичность современных силезцев – это сложный и многосоставный феномен, специфику которого результаты переписи могут показать лишь частично. Так, из 846,7 тыс. силезцев более 375,6 тыс. респондентов назвало себя только силезцами, что составляет 44% от этнической группы. При этом из оставшихся респондентов 435,8 тыс. указали силезскую национальность как первую, а польскую или немецкую на втором месте. Для людей, указывающих двойственную идентичность, преимущественно характерна силезско-польская биэтничность, таких насчитывается 411 тыс. Однако в нашем исследовании приняли участие информанты (всего 3 чел.), декларирующие также силезско-немецкую биэтничность. Около 529,4 тыс. человек указало владение силезским языком, из них 126,5 тыс. говорят только по-силезски [Narodowy Spis 2015: 70]. Однако данные специальных социолингвистических исследований [Myśliwiec 2013], как и результаты нашего наблюдения за языковыми практиками силезцев, позволяют предположить, что такие цифры являются несколько завышенными и реальное число силезцев, ежедневно говорящих на родном языке, значительно скромнее.

Население, идентифицирующее себя как силезцев, размещается по территории Польши достаточно компактно. Большинство из них проживает на территории исторической Силезии, на юго-западе страны, у границ с Чехией и Германией. При этом речь идет в основном о Верхней Силезии, которая занимает территории современных Силезского и Опольского воеводств. Именно здесь проживает 97,9% всех силезцев, выявленных в ходе переписи. Большинство группы сконцентрировано в одноименном Силезском воеводстве (85,3%), в соседнем Опольском - 12,6%. Именно эти два воеводства (вместе с населенным кашубами Поморским) входят в тройку с наибольшими показателями непольского населения по стране. Так, в Силезском воеводстве 16,5% населения (764 тыс. чел.) указало иную чем польскую национальность, в Опольском – 16,2%. Оба региона также отличаются наибольшей непольскоязычной практикой на фоне остальных регионов страны. Так, перепись 2011 г. зафиксировала, что в Силезском воеводстве 444 тыс. чел. говорят дома преимущественно не по-польски (46,8% от показателя по всей стране), в Опольском воеводстве – 151 тыс. (15,9%). Данный показатель формируют не только силезскоязычные граждане, но и жители обоих воеводств, говорящие на других языках. Особенно следует учитывать роль этнических немцев, традиционно заметных в обоих регионах.

Подавляющее большинство силезцев (722 тыс.) проживает в ряде повятов Силезского воеводства: Рыбницком (31 тыс. – 41,5%), Миколовском (38 тыс. – 40,5%), Беруньско-Лендзинском (21 тыс. – 36%) и др., - а также городах Руда Шленска (50 тыс. – 35%), Хожув (37 тыс. – 33,8%), Катовице (78 тыс. – 24%), Забже (26 тыс. – 14,6%), Бытом (31 тыс. – 17,6%) и др. Именно в этих районах находится больше всего носителей силезского языка (78%) [NSP 2012: 70]. Большинство носителей языка сегодня проживает в городах – 294 тыс., в селах лишь 117 тыс. говорит по-силезски [NSP 2012: 124]. Во многом эти данные и определяли маршрут нашей полевой работы. В Опольском воеводстве больше всего силезцев проживает в повятах Стшелецком (22,3 тыс. – 29%), Крапковицком (17 тыс. – 25,9%), Опольском (27 тыс. – 20,3%), Кендзежино-Козельском (13,1 тыс. – 13,3%). В административном центре воеводства, городе Ополе, сегодня проживает лишь 4,5 тыс. силезцев, или 3,7% жителей города. Всего на территории воеводства зафиксировано 100 тыс. этнических силезцев, из которых 41 тыс. указали своей национальностью только силезскую, а около 39 тыс. силезскую вместе с польской [NSP 2012: 66].

В политическом и научном дискурсе Польши силезцы преимущественно описываются как этнографическая группа поляков, а силезский язык как диалект польского языка [Dejna 1974: 261, Kamocki 1992: 114]. Вместе с тем, сегодня в регионе развито широкое социальное движение за признание силезцев этническим меньшинством, а силезского языка – региональным в Польше. Как показывают материалы наших интервью, значительная часть местных жителей считают себя представителями отдельного западнославянского народа. Факт непризнания такого статуса у сообщества воспринимается нашими информантами как свидетельство угнетения или неуважения силезцев в Польше.

«Действительно… разве это показатель слабости для них, если они признают существование одного миллиона силезцев? Я не понимаю причины всего этого. Для меня это все проявление какого-то высокомерия, снобизма… Если ты отрицаешь польскость, то тогда в глазах поляков ты вообще отказываешься от цивилизации или культуры…» (м., 61 год, Катовице)[39]

Этническая и национальная идентичность силезцев еще ожидает качественных долгосрочных исследований. Однако те данные, которые у нас уже есть, фиксируют сложную и мозаичную картину. В ходе опросов 1993 г. (исследования Д. Берлинской и Ф. Йодерко) жители Опольского воеводства отвечали на вопрос о том, кем они себя считают, следующим образом: верхнесилезцами/местными/тутейшими – 62%, немцами - 15%, верхнесилезцами/немцами – 11%, верхесилезцами/поляками – 8%, поляками – 4% [Berlińska, Jonderko 1994: 35]. Как видим, результат опроса зафиксировал значительное число людей с двойственной (региональной + польская или немецкая) идентичностью, но первое место заняла группа людей, не причисляющих себя к немцами и полякам, а демонстрирующих прежде всего локальную (верхнесилезкую) идентичность. В 1997 г. схожее исследование было проведено на территории Силезского воеводства. Там 63,8% респондентов назвали себя поляками, 12,4% - силезцами, 1,1% - немцами, поляками и силезцами – 18,1%, немцами и силезцами – 2,4%, другие – 2,2% [Bartoszek, Gruszczyński 1997: 21]. Примечательно, что более узкие исследования, ориентированные на конкретные социальные, региональные и профессиональные группы могли демонстрировать совершенно другие результаты. Так, опрос среди силезских шахтеров и работников добывающей промышленности в 1997 г. показал, что большинство из них считает себя силезцами (47%), многие считают себя и силезцами, и поляками (29%), а лишь поляками всего 23% [Wódz 1997: 80]. Данное исследование подтверждает распространённый среди наших информантов стереотип, что в традиционно шахтерских регионах и городах, не

[39] Здесь и далее при характеристике информанта используются следующие показатели – пол, возраст и место проживания на момент записи интервью.

испытавших заметных миграционных движений, силезская идентичность и языковая практика сохраняется лучше.

«Где проявляется силезский язык? Вообще-то там, где не было миграций населения. Где люди живут себе спокойно. Это особенно хорошо видно на примере Катовиц. Если выходишь… эээ в районы, где новые дома, там ты уже не встретишь силезский. А если пойдешь в старые рабочие районы, где люди живут от деда-прадеда, то он там более популярный». (м., 61 год, Забже)

Подтверждается это и нашей полевой работой. Так, в ходе сбора материала в шахтерских городах Лазиска-Гурне (20 тыс.) и Руда-Шленска (74 тыс.) мы чаще всего фиксировали использование силезского языка местным населением на улицах, в магазинах и церквях, что практически не встречалось в других регионах Силезского воеводства.

2. Дебаты о статусе регионального языка в Силезии

Принятие в 2005 г. закона «Об этнических, национальных меньшинствах и региональном языке» спровоцировало целый виток дискуссий в Верхней Силезии о возможности или необходимости признания силезцев этническим меньшинством, а силезского – региональным языком в Польше. Такой статус позволил бы наделить идиом рядом административных функций, использовать его в документообороте, дублировать на силезском дорожные указатели и выделять финансирование на его преподавание в школе.

За последние годы силезские депутаты в Сейме (нижней палате парламента Польши) уже несколько раз (последний - летом 2019 г.) предпринимали попытку внести изменения в данный закон, прописав силезский наряду с кашубским в списке региональных языков страны. Вопрос признания силезского языка региональным описывается в социальных исследованиях как потенциальный конфликтогенный фактор в центр-периферийных отношениях Польши [Myśliwiec 2013: 99], а также воспринимается как проблема нашими информантами. В эту дискуссию в равной степени включены региональные и общегосударственные политические элиты, этнические активисты в Силезии и ученые. Каждая попытка внести законопроект, предусматривающий признание силезского региональным языком в Польше, сопровождается запросом Бюро Сеймового Анализа на экспертные оценки, которые бы установили оправданность присуждения подобного юридического статуса. Чаще всего в качестве экспертов привлекаются филологи и социологи из ведущих академических центров страны (Академии Наук и различных университетов). Материалы экспертных оценок представляют собой удивительный сплав, в котором причудливо сочетается как научный, так и политический, активисткий и регионалистский дискурсы [Jaroszewicz 2019: 143].

Закон от 2005 г. предусматривает, что региональный язык в стране должен соответствовать двум критериям: 1) язык должен традиционно использоваться на территории государства его гражданами, которые количественно составляют меньшинство, по сравнению с остальной частью населения; 2) язык должен отличаться от официального языка государства, не быть его диалектом или языком мигрантов [Ustawa]. Ни у кого не вызывает сомнение, что славянский идиом (идиомы), который местное население называет ślōnsko gŏdka, полностью соответствует первому критерию. Практически все споры разворачиваются о том, насколько силезский отличается от польского языка, где проходит граница язык/диалект.

Сторонники признания силезского указывают, что текст закона не дает пояснение того, какой идиом является языком, а какой диалектом, а также на отсутствие строгих указаний, которые могли бы их разграничить. Эксперты-языковеды, привлекаемые Сеймом, чаще всего трактуют язык силезцев как диалект польского языка. В своих пояснениях они опираются не только на традицию диалектологических исследованиях в регионе и Польше, но и на системные лингвистические критерии. Согласно таким

оценкам, все фонологические и грамматические особенности силезских говоров соответствуют историческим и современным чертам польского языка, а также реализуются в большинстве других диалектов последнего (особенно в малопольских и велькопольских диалектах). Часто упоминается также высокая степень взаимопонятности между силезским и польским [Wyderka 2005: 188]. Следовательно, эксперты часто не видят рациональных предпосылок для признания силезского отдельным западнославянским языком.

Например, из экспертного заключения руководителя Совета польского языка (Академия Наук) Анджея Марковского мы читаем: «Уже первые исследователи доказали, что силезские говоры являются говорами польского языка, а силезский диалект, который они формируют, является таким же польским диалектом, как малопольский, велькопольский и мазовецкий. Сегодня в нашем распоряжении имеется богатый корпус, являющийся результатом таких исследований и свидетельствующий, что языковой вариант, который используют коренные силезцы является польским диалектом. Нет оснований, чтобы подвергать сомнению результаты исследований ученых-диалектологов, длившихся более ста лет. Трудно поверить, что все они, работавшие в разных условиях и часто независимо друг от друга, пришли к научно неверным заключениям» [Markowski 2012].

Сторонники признания силезского региональным подчеркивают, что лишь лингвистических критериев недостаточно для решения данного вопроса и проведения границы «язык/диалект». Гораздо важнее политическая воля и самоопределение носителей языка. Так, профессор Марья Шмея пишет о том, что далеко не всегда наблюдения лингвистов совпадают с результатами оценок социологов: «Не только лексические различия, не только мелодия и акцентуация отличают региональный язык. Также важным является культурный и общественный контекст употребления языка. Современное, повсеместно одобряемое в Силезии, движение за повышение ранга локального языка свидетельствует о его ценности для людей. Полагаю, что признание силезского языка имеет колоссальное значение для позитивных настроений людей, проживающих в Силезии. Маргинализированные в немецком государстве, насильно реполонизированные в польском, они могут, наконец, почувствовать свою субъектность и то, что являются гордыми гражданами с локальной спецификой, которую уважают» [Szmeja 2012].

Действительно, большинство интервьюированных нами этнических силезцев (47 из 54) определяло свой идиом как язык, а не диалект польского. При этом многие экспертные оценки приходят к заключению, что вопрос признания силезского языка региональным неизбежно политизируется и не может быть исключительно научной проблемой. В политическом дискурсе вопрос удовлетворения языковых притязаний силезцев почти постоянно отождествляется с развитым автономистским движением в регионе и страхом польского общества перед возможным сепаратизмом в Силезии.

3. Языковой престиж, повседневный выбор и культурное перевоспитание в Верхней Силезии

Исторически регион Верхняя Силезия отличался пестрым лингвистическим ландшафтом. Речевой репертуар местного населения составляли сразу несколько языковых кодов, представляющих как литературные стандартизированные языки крупных наций-государств: польский, немецкий, чешский, - так и некодифицированные локальные идиомы: силезский диалект немецкого и славянский силезский. Последний филологи причисляли либо к польской, либо к чешской диалектным зонам. Лингвистическая палитра дополняла и усложняла этнические и национальные границы силезцев, которые постоянно переосмыслялись из-за частой смены государственной принадлежности последних двух веков. С конца XVIII в. большая часть Верхней Силезии входила в состав

Пруссии, которая в 1871 г. стала частью объединенной Германии. После Первой мировой войны в результате Силезского плебисцита 1921 г. Верхняя Силезия была разделена между Германией и Второй польской республикой, в рамках которой получила статус автономного воеводства. По результатам Второй мировой войны большая часть Верхней Силезии оказалась в составе Польской народной республики.

В ходе нашей полевой работы и глубинных интервью мы старались фиксировать опыт функционирования, сохранения и передачи славянского силезского языка (сил. Ślōnsko gŏdka) в семьях местных жителей на протяжении второй половины XX в. Материалы наших интервью показывают, что силезский традиционно занимал самое низкое место в языковых иерархиях местного населения. Полиязычность региона после Второй мировой войны, окончательного вхождения большей части Верхней Силезии в состав Польши и депортации многих этнических немцев, постепенно сменилась польско-силезским билингвизмом, носящим отчетливо ассиметричный характер. Польский язык занимал доминирующее положение языка власти, образования, культуры, СМИ и католического костела, в то время как силезскому отводилась роль диалекта, пригодного для повседневного бытового общения и, временами, выражения фольклорной специфики силезцев. Воспоминания информантов отчетливо свидетельствуют о низком языковом престиже силезского, который в ходе контактов с поляками постепенно перенимался местным населением.

«Для меня силезский всегда был языком семьи, но не среды. Это важно. После войны силезский был языком, который власти очень негативно воспринимали. Будто на нем говорили худшие люди, необразованные из таких… низких сфер. И эта нагонка очень сильно отобразилась на сообществе. Многие люди старше меня до сих пор так считают, что это худший язык». (м., 41 год, Бытом)

«Я родилась в такой местности, где люди говорят по-силезски, понимаете? Знали немецкий язык. А как пришел 45-й год, я родилась в 33-м. И в 45 начинается ужасный шок… Это был шок… потому что поляки кривились, если слышали наш язык». (ж., 89 лет, Ополе)

В социолингвистике под языковым престижем понимается уровень уважения к идиому в речевом сообществе [Kahane 1986]. Несмотря на то, что во второй половине XX в. Силезия стала одним из центров тяжелой промышленности Польши, а регион испытывал стремительную индустриализацию и урбанизацию, силезский язык воспринимался как речь «отсталых сельских жителей», как проявление неграмотности и необразованности говорящего. Сведение силезского языка к функциональному статусу диалекта, позволяет нам воспринимать языковую ситуацию в регионе как пример диглоссии или сосуществования двух вариантов языка, четко размежеванных по функциональной сфере и престижу [Фергюсон 2012: 44].

«Моя старшая дочь… та, которая врач… она самая старшая, поэтому еще воспитывалась в селе, где все было по-силезски. И она более так привязана к силезскости. Она мне говорила, что был у нее пациент. Пришел с женой. И она слышит, что он силезец и жена тоже. И она к ним… как к пациентам врач… говорит по-силезски. И у этих людей были такие глаза… как так возможно, чтобы человек с образованием, является врачом… и говорит по-силезски». (ж., 78 лет, Ополе)

Возможно, мы также можем говорить об интенсификации языкового сдвига в Верхней Силезии, связанного с повсеместным переходом коренного населения на польский язык. Низкий социальный статус силезского приводит к ослаблению языковой лояльности в речевом сообществе и постепенному прекращению межпоколенческой передачи языка. Пока ситуация в Силезии не так критична, как в случае с другими региональными языками и диалектами Польши. Наша полевая работа среди кашубов, языкового меньшинства на севере Польши [см. Васюков 2021], позволяет судить, что степень сохранности силезского пока еще достаточно сильна, но уже не во всех местах проведения нашей полевой работы мы встречали детей, говорящих по-силезски. Прежде

всего, это касается крупных промышленных городов региона (Катовице, Бытом, Хожув, Забже и др.), испытавших в XX в. значительные изменение в этнодемографической структуре населения. При этом необходимо отметить, что проблема утраты языка и сохранение традиционной языковой практики силезцев остро ощущается самими информантами.

«Молодые люди, говорящие… которые отождествляют себя с Силезией, говорящие, что они силезцы по национальности… они уже не говорят по-силезски, могут только по-польски и по-английски… но при этом декларируют национальность. В действительности, они от поляков уже ничем не отличаются… говорят на том же языке, разделяют те же культурные черты, но сохраняют ощущение отличительности… мое поколение еще сохраняет эту разницу… хотя бы языковую». (м., 54 года, Катовице)

Проблема утраты региональных языков и диалектов в условиях достаточно централистской языковой политики Польши уже давно волнует ученых. В своем социолингвистическом исследовании Верхней Силезии Йоланта Тамбор отмечает, что всю вторую половину XX в. на волне индустриализации и стремительной урбанизации в польском обществе сложилось вполне определенное представление о престиже и жизненном успехе, связанное с переселением из сельской местности в городскую. Диалекты, а именно таким образом трактовался тогда силезский, считались неотъемлемой частью сельского образа жизни. Пусть к социальному успеху лежал через забвение локального этнолекта и перехода к литературной норме основного (государственного) языка [Tambor 2006: 147].

Но мы можем также обратиться к особенностям функционирования национального государства, которым Польша традиционно воспринимала себя. Как отмечает Эйнар Хауген, внутренняя логика нации состоит в том, чтобы минимизировать внутренние различия и максимизировать внешние. Идеал нации – внутренняя сплоченность и внешняя разделенность [Хауген 2012: 104]. Государство очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания. Это должно было особенно ярко проявиться в регионах, окончательно вошедших в состав Польши лишь после Второй мировой войны. Городской ландшафт уже с первых дней нашей полевой работы наглядно демонстрировал, какое важное место занимала приграничная Силезия в символических практиках утверждения и удержания границ польского государства. Полевой материал также обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством в течении всей второй половины XX в. Как показывают свидетельства наших информантов, одним из наиболее эффективных инструментов по «языковому перевоспитанию» силезцев была государственная школа, контакт с которой был этапом переучивания «правильному языку»:

«Я помню свою школу… Это был урок польского языка, нам что-то рассказывали о диалектах. Учительница говорила о мазурском, кашубском диалекте… о других. И тут я спрашиваю ее: «А как же наш говор [gwara]?». И тогда учительница ответила, что раньше был такой диалект… силезский… но только в селах, и только неграмотные люди говорили на нем. Мне это было так обидно… Ведь на этом языке я говорил со своей бабушкой и дедушкой…» (м., 61 год, Катовице)

Силезский преподносился школой как архаичный рудимент, сохранившийся в сельских необразованных массах, как что-то, что не может быть частью жизни современного образованного человека. Разумеется, такой подход лишь сохранял и укреплял диглоссию среди силезцев, напрямую определяя повседневные языковые практики и языковой выбор членов речевого сообщества. Контакт со школой был тем импульсом, причем часто травмирующим и болезненным, который запускал внутреннюю рефлексию информантов об их этнической и языковой специфике на фоне остальной

части общества. Учителя, многие из которых были выходцами других регионов Польши, указывали информантам, что они являются носителями другой традиции, контрастирующей с некоей ожидаемой нормой.

«Лично я это очень тяжело пережила. В моем классе в начальной школе были дети этих повстанцев[40]*... моя семья не была повстанческой, нет-нет-нет… абсолютно. Ничего такого… у нас были немецкие настроения… Эти дети часто получали по польскому двойки. Учительница бесконечно кричала. А они были уверены, что говорят по-польски. И случилась такая история, что этот повстанец, я не помню его фамилию. Звали его Рудольф. У них было крупное хозяйство над самой Одрой… пришел в школу, вошел в класс, когда у нас был урок польского и этой учительнице по-силезски: «Что вы хотите от моего сына? Почему вы говорите (gŏdoće), что он не умеет по-польски? А на каком он говорит? (gŏdo)». [сил. Co wy chceće uůd mojego synka? Czamu wy* ***gŏdoće****, że uůn nie zradzi po polsku? A po jakiemu uůn* ***gŏdo****?]. А она на него, эта учительница, с таким краковским, она ему: «Сначала научитесь по-польски говорить (mówić), а затем приходите в школу разбираться». [поль. Niech się pan najpierw nauczy po polsku* ***mówić****, a potem przychodzi do szkoły awanturować]. Знаете, я еще сегодня вижу лицо этого старого повстанца. Я этого не забуду». (ж., 78 лет, Ополе)*

Последняя цитата ярко демонстрирует оппозицию «gŏdać-mówić», затронутую многими нашими информантами. Оба глагола переводятся на русский язык как «говорить», но первый подразумевает, что говорят по-силезски, второй – по-польски. В речи наших информантов, вне зависимости от того, на каком языке было записано интервью, оба глагола употребляются в качестве противопоставления. Для наглядности мы можем сконструировать предложение: «Uůn mówi, ale nie gŏdo – Он говорит по-польски, но не по-силезски».

В ходе нашей полевой работы нас интересовали практики смены языковых кодов у современных силезцев, а также роль языка в конструировании и поддержке этнических границ. Как показывают предварительные результаты, в незнакомой среде и при знакомстве с новыми людьми, наши информанты почти всегда склонны инициировать коммуникацию на польском. Разговор даже среди силезцев почти никогда не начинается на родном языке. Например, наша молодая информантка описывала ситуацию с места своей работы в супермаркете:

«О, у меня тоже была такая ситуация на работе. Пришел новый человек. Ну я знала, что она силезка. Но сначала каждый mówi (говорит по-польски). Не бывает так, чтобы кто-то пришел и сразу по-силезски. Так что каждый mówi (говорит по-польски). И я должна была дать этой девушке какую-то работу. И она мне все время mówiła. И спустя много времени, уже не помню как, но услышала что она gŏdo. Я ей: Кристина, ты gŏdosz?

- Ну да.

- Так почему сразу не сказала?

- Ну не знаю. Ты мне mówiłaś и я тебе тоже mówiłam» (ж., 25 лет, с. Гонщоровице)

Как объясняют информанты, сначала им надо убедиться, что их собеседник говорит и поймет по-силезски, чтобы потом перейти на него. Иногда это может занимать достаточно продолжительное время, а информанты делились изощренными сигнальными системами (акцент, произношение, порой даже антропологические черты), которые позволяют понять «gŏdo» ли их собеседник. Мы не раз фиксировали рефлексию информантов, которые по польской речи своих собеседников стремились идентифицировать в них силезцев.

Данная проблема еще требует сбора дополнительного материала, наблюдений и рефлексии, но предполагаем, что за подобными практиками кроется травмирующий опыт членов культурного, этнического и языкового меньшинства. Стремясь не

[40] Информантка имеет в виду участников пропольских восстаний в Верхней Силезии 1919-1921 гг.

демонстрировать лишний раз свою идентичность и этническое происхождение в публичном пространстве, информанты словно пытаются обезопасить себя от возможной дискриминации. Лишь распознав «таких же силезцев» информанты могут почувствовать себя в безопасности и переключиться на привычную им языковую практику.

4. Заключение

Современная языковая ситуация в Верхней Силезии во многом отражает длительные попытки государства интегрировать данный регион, приблизив культурную специфику местного населения к воображаемой общепольской норме. Славянская идентичность и языковая практика местного населения служила одним из наиболее важных аргументов, легитимирующих вхождение Верхней Силезии в состав Польши в конце Второй мировой войны. При этом государство посредством школы часто стремилось повлиять на языковую практику силезцев, сделав культурные различия между центром и периферией страны менее заметными.

Десятилетия демократических преобразований в польском обществе способствовали новому открытию дискуссии о «силезскости» и статусе силезцев, а также их языка в стране. Данное исследование показывает смену привычных моделей этнонациональной и лингвистической идентичности, переживаемую автохтонным населением Верхней Силезии. Все больше и больше силезцев сегодня готовы декларировать свое этническое происхождение в ходе переписи, а присуждение силезскому статуса регионального языка получает все большую поддержку в сообществе. Вместе с тем наша полевая работа зафиксировала все еще достаточно низкий социальный престиж силезского, а также элементы диглоссии и языкового сдвига в речевом сообществе, ставшие возможными благодаря продолжительным практикам культурной гомогенизации и последовательной языковой политики, реализуемой государством в данном регионе.

Материалы, изложенные в статье, позволяют понять, что языковая практика современных силезцев Польши скрывает под собой болезненной опыт осознания своей культурной инаковости членами миноритарного сообщества. Лингвистическая рефлексия наших информантов, предполагающая выстраивание, поддержку и нарушение этноязыковых границ, показывает, как члены меньшинства стремятся вписаться в предписываемую им со стороны большинства культурную норму.

Литература

Васюков, А. Языковое региональное сообщество: очерки языкового сдвига в Кашубии // Альманах конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. – М.: ИЭА РАН, 2021. – с. 5 - 17.

Семенова, В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. - М.: Добросвет, 1998. - 290 с.

Фергюсон, Ч. Диглоссия // Социолингвистика и социология языка. Т.1. Под ред. Н.Б. Вахтина. - СПБ: Издательство Европейского университета, 2012. – с. 43– 62.

Хауген, Э. Диалект, язык, нация // Социолингвистика и социология языка. Т.1. Под ред. Н.Б. Вахтина. - СПБ: Издательство Европейского университета, 2012. – с. 97 – 114.

Bartoszek, A. Gruszczyński, L. Województwo katowickie. Obraz życia I jego warunków w świadomości mieszkańców. - Katowice: UK, 1997. – 160 s.

Berlińska, D. Jonderko, F. Stosunki etniczne i postawy polityczne mieszkańców Śląska Opolskiego. - Opole, 1994. – 235 s.

Dejna, K. Dialekty polskie. - Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1973. – 283 s.

Jaroszewicz, H. Krytyka prób emancypacji śląszczyzny. Płaszczyzna naukowa (lingwistyczna) // Slavia Occidentalis. - 2019. – Nr. 76(1). – s. 137-166.

Kahane, H. Typology of the Prestige Language // Language. - 1986. - Vol. 62. No. 3. - p. 495-508.

Kamocki, J. Zarys grup etnograficznych w Polsce // Annales Universitatis Mariae Curie–Skłodowska. Sectio Historia. - 1992. – Nr.2. - s. 103 - 132.

Markowski, A. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, a także niektórych innych ustaw (1.10.12) [http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/$file/i2207-12A.rtf].

Myśliwiec, M. Ślōnskŏ godka — przaśny folklor czy język regionalny? // Przegląd Prawa Konstytucyjnego. - 2013. - Nr.3(15). - s. 99-120.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mnieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. - Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. – 256 s.

NSP 2011 – Ludność w województwie śląskim. Stan i struktura demograficzno-społeczna. — Katowice: Urząd Statystyczny w Katowicach, 2012. – 194 s.

NSP 2011 – Raport z wyników w województwie opolskim. - Opole: Opolski Ośrodek Badań Regionalnych, 2012. – 128 s.

Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002. - Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2003. – 147 s.

Szmeja, M. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (1.10.12) [http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/$file/i2207–12A.pdf].

Tambor, J. Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. - Katowice: WUŚ, 2006. – 313 s.

Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. „O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf]

Wódz, K. Górnicy wobec wyzwań restrukturyzacji. – Katowice: Wydawnictwo naukowe, 1997. – 262 s.

Wyderka, B. O stosunkach językowych na Ślqsku // Białostockie Archiwum Językowe. - 2005. – Nr. 5. - s. 181-190.

References

Vasiukov, A. Yazykovoe regional'noe soobshestvo: ocherki yazykovogo sdviga v Kashubii [Regional language community: a study on language shift in Kashubia] // Oreshin S. A., Serin P. A. (eds). Almanah konferencii molodyh uchenyh Instituta etnologii i antropologii RAN [The almanac of the conference of young scientists at IEA RAS]. Vol. II. – M.: IEA RAN, 2021. – P. 5-17.

Semenova, V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sociologiyu [Qualitative methods: introduction to humanistic sociology]. – M.: Dobrosvet, 1998. – 290 p.

Fergyuson, Ch. Diglossiya [Diglossia] // Vakhtin N. B. (ed.). Sociolingvistika i sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. Vol. 1. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2012. – P. 43–62.

Haugen, E. Dialekt, yazyk, naciya [Dialect, language, nation] // Vakhtin N. B. (ed.) Sociolingvistika i sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. Vol. 1. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2012. – P. 97–114.

Bartoszek A., Gruszczyński L. Województwo katowickie. Obraz życia i jego warunków w świadomości mieszkańców [Silesian Voivodeship. Lifestyle and its conditions in the consciousness of residents]. – Katowice: UK, 1997. – 160 s.

Berlińska D., Jonderko F. Stosunki etniczne i postawy polityczne mieszkańców Śląska Opolskiego [Ethnic relations and political attitudes among the residents of Opole Silesia]. – Opole, 1994. – 235 s.

Dejna, K. Dialekty polskie [Polish dialects]. – Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1973. – 283 s.

Jaroszewicz, H. Krytyka prób emancypacji śląszczyzny. Płaszczyzna naukowa (lingwistyczna) [The critics of Silesian's emancipation attempts. The scientific (linguistic) dimension] // Slavia Occidentalis. – 2019. – Nr. 76(1). – S. 137-166.

Kahane, H. Typology of the Prestige Language // Language. – 1986. – Vol. 62. No. 3. – P. 495-508.

Kamocki, J. Zarys grup etnograficznych w Polsce [The study on the ethnographic groups of Poles] // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia. – 1992. – Nr.2. – S. 103-132.

Markowski, A. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, a także niektórych innych ustaw [The report on law project on ethnic, national minorities and regional language] (1.10.12) [http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/$file/i2207-12A.rtf].

Myśliwiec, M. Ślōnskŏ godka — przaśny folklor czy język regionalny? [Ślōnskŏ godka — folklore or regional language?]// Przegląd Prawa Konstytucyjnego. – 2013. – Nr.3(15). – S. 99-120.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mnieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski [National People Census in 2011. The national, ethnic and language structure of Poland's population]. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. – 256 s.

NSP 2011 – Ludność w województwie śląskim. Stan i struktura demograficzno-społeczna [NSP 2011 — The population of Silesian Voivodeship. The demographic state and structure]. – Katowice: Urząd Statystyczny w Katowicach, 2012. – 194 s.

NSP 2011 – Raport z wyników w województwie opolskim [NSP 2011 — The results report for Opole Voivodeship]. – Opole: Opolski Ośrodek Badań Regionalnych, 2012. – 128 s.

Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 [The report on National People Census in 2002]. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2003. – 147 s.

Szmeja, M. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [The report on law project on ethnic, national minorities and regional language] (1.10.12) [http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/$file/i2207–12A.pdf].

Tambor, J. Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna [The language of Upper Silesians, their linguistic and ethnic consciousness]. – Katowice: WUŚ, 2006. – 313 s.

Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [The Law on national, ethnic minorities and regional language] 2012, [http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf]

Wódz, K. Górnicy wobec wyzwań restrukturyzacji [The minors about restructuring challenges]. – Katowice: Wydawnictwo naukowe, 1997. – 262 s.

Wyderka, B. O stosunkach językowych na Śląsku [The language relations in Silesia] // Białostockie Archiwum Językowe. – 2005. – Nr. 5. – S. 181-190.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-13

КЕТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ПРИЧИНЫ, ПРИВЕДШИЕ К НЕМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Юлия Игоревна Козиорова
Институт языкознания РАН
(аспирант)

Аннотация. В статье представлено современное состояние кетского языка у кетского населения поселков Красноярского края, описана социолингвистическая ситуация, в которой находится кетское сообщество, продемонстрированы языковые тенденции, которые возникают в кетской падежной системе в условиях языкового сдвига. На материале полевого исследования доказано, что кетское языковое сообщество перешло на следующую стадию языкового сдвига, который теперь проявляется не только социолингвистически, но и на языковом уровне.

Ключевые слова: кетский язык, языковой сдвиг, падежная система, социолингвистика, утрата языка, комитатив, каритив, инструменталис, переключение кодов.

THE KET LANGUAGE: MODERN SOCIOLINGUISTIC STATUS AND THE REASONS THAT LED TO IT (BASED ON THE MATERIAL OF FIELD RESEARCH)

Julia I. Koziorova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(graduate student)

Abstract. The article presents the current state of the Ket language among the Ket population of the settlements of the Krasnoyarsk Region, describes the sociolinguistic situation of the Ket community, demonstrates the linguistic trends that arise in the Ket case system in the context of language shift. Based on the material of the field study, it is proved that the Ket language community has moved to the next stage of the language shift, which is now manifested not only sociolinguistically, but also at the linguistic level.

Keywords: Ket language, language shift, case system, sociolinguistics, comitative case, caritive case, instrumental case, code switching.

Кетский язык – единственный сохранившийся представитель енисейской семьи языков. В настоящее время находится под существенной угрозой исчезновения (severely endangered), согласно классификации, предложенной ЮНЕСКО в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения». Официально имеет статус языка коренного малочисленного народа Сибири – кетов. В настоящий момент распространён в Туруханском районе Красноярского края (отдельные носители проживают в других населённых пунктах края), большинство говорящих сосредоточено в посёлке Келлог.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., кетов осталось всего 1219 человек, из которых 213 (17,5%) отметили владение кетским языком. Однако исследователи склонны думать, что данные переписи завышены. Так, по данным этнографа В.П. Кривоногова, проводившего стопроцентное анкетирование кетов на основной территории их расселения («основной этнической территории»), в

Красноярском крае, в 2014 году, численность представителей этой национальности составила 958 человек, из которых владение кетским языком в той или иной степени отметили 15,9% (т.е. 153 человека) [Кривоногов 2016: 156]. В то же время по результатам полевых исследований лингвистов, прежде всего на основе экспедиций под руководством О.А. Казакевич, можно утверждать, что кетский язык сегодня имеет не более 60 носителей разного уровня владения языком (от полностью владеющих – не более 25 человек – до лишь пассивно владеющих), а это не более 5% от всего кетского населения [Казакевич 2016: 210][41].

Выводы, приведенные в данной статье, сделаны на основе полевых данных, которые были собраны при участии автора в экспедициях 2015[42] и 2018[43] годов. Эти данные представляют собой, во-первых, базу социолингвистических анкет, которая достаточно репрезентативна по возрасту, полу и географии проживания информантов, и во-вторых, 42 глубинных интервью по теме «Языковые контакты в прошлом и настоящем», которые дают представление о языковой картине мира современных кетов и об историческом пути народа и причинах утраты языка.

Принято выделять северный, центральный и южный диалекты. И, хотя различия между ними невелики, сами носители их разграничивают, проводят чёткое разделение диалектов.

Кетский язык младописьменный. Письменность была предложена сначала в 1934 году Н.К. Каргером на основе латиницы, но не прижилась, и потом в 1988 году Г.К. Вернером был предложен новый алфавит на основе кириллицы. По букварю, составленному Г. К. Вернером и Г. Х. Николаевой в 1991 году, детям в начальных классах до сих пор преподают кетский язык. Однако сами кеты не пользуются этой письменностью. По результатам проведённых нами социолингвистических опросов елогуйские кеты считают этот букварь неправильным, составленным не для их языка, но для другого диалекта, хотя авторы при составлении опирались на южнокетский (имбатский) диалект, к которому относится елогуйский говор. Помимо этого, опрошенные утверждают, что читать на кетском языке нечего. Действительно, периодические издания выходят исключительно на русском, кетский письменный ограничился только сферой образования, за пределами которой кеты читают и пишут исключительно на русском, не испытывая необходимости использовать свой родной язык.

Преподавание кетского языка в 2014/2015 учебном году осуществлялось на добровольной основе в единственной школе посёлка Келлог с 1 по 4 класс, уроки вёл один учитель. Также в 2014/2015 учебном году преподавание сохранялось ещё в посёлке Суломай Эвенкийского муниципального района Красноярского края, где язык преподавался 1 час в неделю со 2 по 4 класс [Казакевич 2016: 211].

Однако согласно данным мониторинга сохранения и развития родных языков народов Российской Федерации в части изучения родных языков в дошкольных и общеобразовательных организациях Российской Федерации в 2021/2022 учебном году кетский язык исчез из системы образования[44], тогда как ещё в 2020/2021 году он

---

[41] Стоит отметить, что по мнению лингвистов, за пределами Красноярского края носителей кетского языка уже не осталось [Казакевич 2016: 210].

[42] Экспедиция 2015 г. проводилась в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ № 14-06-00449, руководитель – О.А. Казакевич. Экспедиция работала в пос. Туруханск и с. Келлог Туруханского района Красноярского края.

[43] Экспедиция 2018 года проводилась в рамках проекта «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе», грант РНФ № 17-18-01649, руководитель – О.В. Ханина. 3. В рамках этой экспедиции сотрудниками Института языкознания Российской академии наук были собраны социолингвистические анкеты и глубинные интервью в посёлках Келлог и Бахта Туруханского района Красноярского края и в посёлке Суломай Эвенкийского района Красноярского края.

[44] [https://docs.edu.gov.ru/document/b7743ead77362d8d49d25a38f5347b91/download/4406/]

преподавался в рамках факультативных занятий в 1 образовательной организации Красноярского края для 19 обучающихся[45].

По предварительной оценке, собранных экспедицией в 2018 году глубинных интервью можно констатировать, что активная утрата родного языка кетским населением началась в прошлом веке с приходом советской власти и внедрением оседлого образа жизни, коллективных форм хозяйствования. К 1930-1940-м гг. установилось устойчивое функциональное кетско-русское двуязычие на почве контактов с советской властью.

Кроме того, закрепление кетов на местах привело к увеличению межнациональных браков вследствие экзогамности территориальных общин. Если раньше в период кочевого образа жизни существовали ежегодные ярмарки, куда съезжались представители разных родов не только для торговли, но и для сватовства, то с нивелированием такой возможности кеты, будучи расселены дисперсно, стали искать жён среди представителей иных национальностей, из коих превалировали русские. Соответственно, в смешанных семьях дети с меньшей вероятностью выучивали родной язык. Корреляцию между процессом метисации и утратой языка также обнаружил В.П. Кривоногов в своих исследованиях 1998-2014 гг. [Кривоногов 2016: 155, 160]

Стоит отметить, что большую роль в ассимиляции кетов и утрате ими языка сыграла Великая отечественная война, унеся лучших представителей народа. Фактически, из каждой семьи ушли самые активные, трудоспособные мужчины. Об этом говорили многие опрошенные информанты. С учётом того, что кетское население было крайне малочисленно ещё в довоенный период [Вахтин 2001: 32], война могла стать критической угрозой витальности народа.

Наконец, в 1950-е годы пагубную роль в утрате языка сыграли интернаты, куда направляли учиться кетских детей и где им запрещалось разговаривать на родном языке.

Возможно, именно эти дети, натерпевшиеся угроз от воспитателей и насмешек от сверстников, впоследствии, став родителями и желая лучшей жизни уже своим детям, прекратили передачу родного языка своим детям в 1970-е годы, в результате чего современное взрослое население не владеет кетским языком, хотя и понимает его, и соответственно, прекращена естественная передача языка в семье.

Из анкетных данных и опросных сведений следует также то, что совершенно по-разному происходила потеря языка в разных кетских посёлках. Например, в настоящее время средний возраст молодых носителей различается на 1 поколение в посёлках Бахта и Келлог: в посёлке Келлог родившиеся в 1960-е годы говорят по-кетски, а родившиеся в 1970-е – 1980-е годы уже не говорят, но понимают язык, тогда как в посёлке Бахта утрата языка произошла на поколение раньше, а именно родившиеся в 1950-е годы не говорят, но понимают язык, а родившиеся в 1960-е – 1970-е годы уже не владеют языком ни в какой степени, в том числе не понимают его.

На данный момент кетская этно-локальная группа находится в ситуации языкового сдвига. Ситуация на 2009 год подробно описана в [Крюкова 2010: 201-206]. Данные экспедиции 2015 года, описанные в [Козиорова 2016: 10-14], не только подтверждают сделанные Е. А. Крюковой выводы, но и показывают, что картина ухудшается. Анализ анкетных данных, собранных в ходе экспедиции в 2015 году в посёлке Келлог, приводится ниже.

Согласно данным Всероссийской переписи населения в 2010 г. в Келлоге проживало 306 человек, из которых 216 кетов (70,6%). По данным В.П. Кривоногова на 2014 год в Келлоге было 196 представителей этой национальности (64,7% от общего числа жителей посёлка), из которых владение кетским языком в свободной степени отметили 15,8% (т.е. 30 человек) и частичное владение отметили 35,7% (т.е. 70 человек) [Кривоногов 2016: 156]. При этом по данным администрации по состоянию на лето 2015 года в посёлке Келлог проживало 226 представителей кетской национальности.

[45] [https://docs.edu.gov.ru/document/7b82f075d61a4704c1d0b10e61f25786/download/3974/]

В ходе сбора анкет участниками экспедиции в 2015 году охвачены 184 жителя посёлка Келлог, из которых 160 – представители автохтонного населения (87% опрошенных)[46]. По данным нашего опроса число владеющих кетским языком составило всего 20 человек (12,5%).

Участниками экспедиции были собраны социолингвистические анкеты в ходе личных бесед с жителями посёлка, обобщённый материал которых представлен в Таблице 1.

Таблица 1

[Козиорова 2016: 10]

	1992 и младше	1991-1970	1969-1949	1948 и старше
Говорят	0	0	18	2
Не говорят	50	54	8	2
Отказ от работы	0	3	19	0
Малый словарь	0	1	3	0
Другая Национальность	0	14	10	0
Всего	50	72	58	4
	Дети	Родители	Старики	Старожилы
			Итого:	***184***
			из них:	160 кетов

В столбцах жители разбиты по годам рождения. Это разбиение не случайно. Первый столбец – это дети, самый младший из которых был 2013 года рождения. Второй столбец – поколение родителей, третий – старики, т.е. бабушки и дедушки нынешних детей. В четвёртом столбце представлены старожилы или прабабушки подрастающего поколения, которых осталось очень мало. Количество представителей в каждой из первых трёх групп достаточно репрезентативно.

В графу «говорят» включены все хоть сколько-нибудь говорящие на кетском языке. Это значит, что степень владения языком у всех разная, что среди них посчитаны как те, кто более-менее способен порождать на кетском языке связные тексты, так и те, кто практически не говорит, но имеет достаточный словарный запас для понимания и расшифровки чужих текстов. Потенциальные говорящие есть и среди отказавшихся работать с исследователями.

В графу «малый словарь» включены те, чьего словарного запаса не хватает на то, чтобы переводить тексты. Таких носителей мы не относим к группе говорящих, однако работаем с ними как с информантами по методике записи малых словарей. Их в Келлоге немного, так как говорящие ещё не забыли язык настолько, чтобы порождать только отдельные слова.

Анализ собранных данных показал, что говорят только люди среднего и старшего поколения. Старейшая жительница посёлка (она же самый старший носитель кетского языка) родилась в 1934 году. Самому младшему носителю на момент экспедиции было 46 лет. Средний возраст носителей – 59 лет.

Количество говорящих по-кетски в посёлке составляет восьмую часть населения. Полноценно на кетском говорить могут только люди старшего поколения. При этом процент говорящих стариков относительно высок: если мы уберём из общего количества всех представителей других национальностей и отказавшихся сотрудничать, то из оставшихся 62% говорят по-кетски.

[46] В действительности количество жителей больше, однако, нам не удалось застать всех, так как многие на летний период уехали либо в лес на рыбалку, либо к родственникам в другие города и посёлки.

В двух младших поколениях родители не говорят с детьми на кетском и не передают язык. Таким образом, мы наблюдаем языковой сдвиг в сторону более социально престижного русского языка, на котором говорят все без исключения жители посёлка. В то же время носителей северного и центрального диалектов осталось ещё меньше, так как не осталось мест их компактного проживания.

Стоит отметить, что язык более молодых носителей отличается от кетского старшего поколения, на котором ещё говорят старожилы. Происходит снижение лексической мощности языка, что хорошо прослеживается по записанным текстам: забытые слова замещаются русскими вариантами, новые кетские слова не появляются, вся лексика, соответствующая современным реалиям, заимствована из русского языка. Заимствования происходят практически без фонетических изменений, притом что в кетском есть и старые русские заимствования, которые были освоены и обработаны языком так, что приобрели совершенно непохожий облик в соответствии с правилами кетской фонетики (например, ‘работа’ по-кетски будет *lobed*)[47].

Основная оставшаяся на сегодня продуктивная модель глагольного словообразования – с помощью глагола *bed* ‘делать’. Выступая в качестве главного корневого элемента, он может инкорпорировать в позицию модификатора глаголы и имена, как конкретные (тогда значение результирующего будет изготовлять что-то), так и абстрактные (тогда образуется новый глагол – рыбачить, работать) [Vajda, Nefedov 2014: 46]. Такими новыми формообразованиями часто заменяют забытые исконные формы [Галямина 2012: 98-100].

Другая тенденция – использование застывших грамматических форм, этимология которых утрачена. Самые употребительные, широко распространённые грамматические формы укореняются в сознании настолько, что происходит их вторичный анализ, и современными говорящими они уже употребляются во всем поле языка безотносительно к их первоначальному значению. Встречаются, например, широкоупотребительные элементы парадигмы, притом что сама парадигма уже забыта. Например, глагол *obilda* ‘быть’ в форме 3 лица, ед. ч., прош. вр. признан копулой, не различающей лицо и класс, но изменяющейся по числам [Vajda, Nefedov 2014: 61]. Носители вставляют его во всех именных предикациях, независимо от лица агенса, если надо подчеркнуть, что ситуация имела место в прошлом.

(1) *At həna obilda obilda*[48].

at	*həna*	*o-b-i-l-da*	*o-b-i-l-da.*
1SG	маленький	T.PST-S2.3SG.TH-EP-PST-быть	T.PST-S2.3SG.TH-EP-PST-быть

‘Я маленькой была, была’. [http://minlang.srcc.msu.ru/en/node/740192]

Как застывшие используются показатели субъекта ед. ч. ж. р. Они уже не используются как глагольные префиксы, но стали частью существительных-актантов этих глаголов. То есть формант осмысливается как суффикс имени-субъекта при глаголе, а не индекс этого имени на глаголе. Это хорошо видно по паузам хезитации в речи информантов: пауза, отмечающая границу слов, проходит между показателем и глаголом, при этом показатель и имя субъекта образуют фонетическое единство. То же произошло в послеложных группах. Послелоги, исторически управлявшие именем в генитиве, утратили своё управление. Однако некоторые послелоги присоединили этот генитив к своей основе: *təət* ← *əət* ‘на’.

Видимо, совсем недавно, в последние десятилетия исчез каритив. Нам удалось застать два поколения информантов: информанты 1934 – 1949 годов рождения каритив

[47] См. в примерах 7 и 9.

[48] Строка 58 из текста В. М. Серковой «Я маленькая была», записанного в 2009 году в п. Верхнеимбатск.

используют, а «молодое» поколение, родившееся в 1960-х годах, его не воспроизводит и не понимает: вместо *«я пью чай без сахара»* теперь говорят *«я пью чай, сахара нет»,* либо используют русский предлог *без* [Галямина 2017: 29-30].

Кроме того, в 2015 году отмечено появление новых свойств у инструменталиса. В 2015 году автором проверялась сочетаемость различных падежей с показателем комитатива.

В кетском языке исследователями выделяется две группы падежей [Vajda, Nefedov 2014: 61]. Было выяснено, что падежи второй группы (те, которые присоединяются к основе посредством показателя генитива, т.н. пространственные падежи) могут навешиваться на комитативную конструкцию (именную группу с комитативным показателем, далее в тексте - КК) (Примеры 2, 3, 4)[49], в то время как падежи первой группы (те, которые присоединяются к основе напрямую) не могут навешиваться на КК (Примеры 5, 6, 7).

(2) *Bu dol'dəʔq (báád bááàmas'diŋt) / (báád bááàmas'daŋt) / (báád bááàmas'naŋt).*
bū *d-o-l-dəʔq-0* *báád* *bááàm-as'-di-ŋt) /*
3SG S1.1-T.PST-PST-жить-S1.SG старик старуха-COM-GEN.SG.NM-ADESS
(báád *bááàm-as'-da-ŋt) /*
старик старуха-COM-GEN.SG.M-ADESS
(báád *bááàm-as'-na-ŋt).*
старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-ADESS
'Он жил у старика со старухой'. [Козиорова 2016: 20]

(3) *Kəʔj keʔd di:mes' (báád bááàmas'diŋa) / (báád bááàmas'daŋa) / (báád bááàmas'naŋa).*
kəʔj *keʔd* *di-ik-i-n-bes-Ø* *(báád*
охота человек S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SG старик
bááàm-as'-di-ŋa) / *(báád* *bááàm-as'-da-ŋa) /*
старуха-COM-GEN.SG.NM-DAT старик старуха-COM-GEN.SG.M-DAT
(báád *bááàm-as'-na-ŋa).*
старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-DAT.
'Охотник пришёл к старику со старухой'. [Козиорова 2016: 21]

(4) *At di:mes' (ōb āmas'diŋal) / (ōb āmas'daŋal') / (ōb āmas'naŋal').*
ād *di-ik-i-n-bes-Ø* *(ōb* *ām-as'-di-ŋal) /*
я S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SG отец мать-COM-GEN.SG.NM-ABL
(ōb *ām-as'-da-ŋal') /* *(ōb* *ām-as'-na-ŋal').*
отец мать-COM-GEN.SG.M-ABL отец мать-COM-GEN.PL.NTH-ABL
'Я пришёл от отца с матерью'. [Козиорова 2016: 22]

(5) *Ād həl'sibet iʔnən' haj kilanən / *iʔn kilanas'ən.*
ād d-həlsej-0-bed-0 *iʔn-ən'* *haj kilan-ən /*
я S1.1-шитьё-PRES-делать-S1.SG иголка-CAR и нитка-CAR
**iʔn* *kilan-as'-ən.*
иголка нитка-COM-CAR
'Я шью без иголки с ниткой'. [Козиорова 2016: 23]

(6) *Keʔd aəntal iŋŋus'ka haj quʔs'ka / *iŋŋus' quʔs'es'ka.*
keʔd *a-ɣ-ɨ-nʲ-sa:l* *iŋŋus'-ka* *haj* *quʔs'-ka /*
человек S3.3S.SG-DET-T.PST-PST-ночевать дом-LOC и чум-LOC /
**iŋŋus'* *quʔs'-es'-ka).*

[49] Бенефактивных контекстов нет, так как информанты используют вместо бенефактива датив.

дом чум-COM-LOC.
‘Он ночевал в доме и в чуме’. [Козиорова 2016: 23]

(7) *Bu lowerol’bet toqas’ haj huulas’ / * toq huulas’as’.*
bu d-lobed-o-l’-bet-0 *toq-as’* *haj* *huul-as’ /*
он S1.3M-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG топор-INSTR и молоток-INSTR /
**toq* *huul-as’-as’.*
топор молоток-COM- INSTR.
‘Он работал топором с молотком’. [Козиорова 2016: 24]

(8) *Ab oγot kul’ta lesas’bes’ / kul’təbes’ haj lesas’bes’.*
at *bo-k-o-n-tn* *kul’ta* *les’-as’-bes’ /*
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти дорога лес-COM-PROS
kul’ta-bes’ *haj* *les’-as’-bes’*
дорога-PROS и лес-COM-PROS
‘Я иду по дороге с лесом’. [Козиорова 2016: 24]

В то же время относительно молодое поколение носителей (1960-х г.р.) порождает следующие примеры:

(9) *Bu lowerol’bet tosla toqas’as’.*
bu *d-lobed-o-l’-bet-0* *tosla* *toq-as’-as’.*
он S1.3M-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG тесло топор-COM-INSTR
‘Он работал теслом с топором’. [Козиорова 2016: 25]

(10) *At diγiroq bat hɨbas’as’.*
at *di-k-a-0-daq-0* *baad* *hɨb-as’-as’.*
я S1.1-DET-T.PRES-PRES-жить-S1.SG старик сын-COM-COM
‘Я живу с мужем и сыном’. [Козиорова 2016: 25]

Из примеров (9) и (10) следует, что инструменталис под влиянием конструкции с пространственными падежами изменил свои свойства и теперь может навешиваться на КК.

Данное предположение, сделанное на основе проведенных автором в 2015 году грамматических тестов, подтверждается также и более ранними полевыми материалами. При анализе текстов, собранных в ходе полевых экспедиций 2005 и 2009 годов от информанта Тыгановой У.П., и текстов, записанных в 2015 году от различных жителей п. Келлог, а также текстов с сайта «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»[50], записанных от носителей кетского языка в период с 2004 по 2009 годы в разных посёлках, было зафиксировано отсутствие КК с инструменталисом, а также был найден пример (11) использования сочинительной конструкции с инструменталисом:

(11) *At boγot iγytas’ haj qoŋas’.*
at *bo-k-o-n-tn* *ikot-as’* *haj* *qo-ŋ-as’*
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти солнце-COM и звезда-PL-COM

[50] Проект реализуется под руководством О.А. Казакевич на базе НИВЦ МГУ. Данные, представленные на сайте, также были получены в ходе лингвистических экспедиций. http://minlang.srcc.msu.ru/en/textspage?field_word_lang_tid%5B%5D=44&field_text_type_tid=All&field_term_place_tid=All&field_informant_nid=All&=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%8C

‘Я хожу по солнцу и по звездам’. [Полевые материалы экспедиции 2005г. к кетам Келлога и Сургутихи, грант РГНФ 05-04-18012е, рук. О.А. Казакевич: текст_Тыганова_УП]

Хотя по текстам мы не можем говорить о невозможности КК с инструменталисом, но отсутствие таких примеров и, наоборот, наличие сочинительных конструкций может подтверждать выводы, сделанные на основе тестов, о том, что у старшего поколения (в данном случае не только у нынешних стариков, но и в 2005 году) инструменталис ещё не выработал свойства маркировать КК целиком, а вместо неё маркирует каждый из членов сочинительной конструкции.

С учетом того, что каритив молодое поколение (рождённые в 1960-е годы) уже забыло, а инструменталис сейчас может навешиваться на КК (т.е. находится в состоянии дрейфа в сторону пространственных падежей), остался только один падеж – локатив, который не может стоять в этой позиции (Пример 6)[51]. Всё это говорит о том, что все падежи стремятся к поведению пространственных, происходит выравнивание всей падежной парадигмы.

Что касается самого комитатива, то информанты часто заменяют комитатив на сочинительные конструкции в переводах на кетский с русского стимула, и наоборот, могут перевести на русский конструкцию с союзом как комитативную. Также встречается двойное оформление/маркирование комитативной конструкции, где значение падежного показателя дублируется сочинительным союзом (Примеры 8 и 12).

(12) *Op haj am-as’ aqta dooldaq.*

op	*haj*	*am-as’*	*aqta*	*du-o-l-daq-0.*
отец	и	мать-COM	хорошо	S1.3M-T.PST-PST-жить-S1.SG

‘Отец с матерью хорошо жил’. [Козиорова 2016: 30]

Такое смешение грамматически разных конструкций говорит об их неразличении молодым поколением информантов.

Помимо вышеперечисленного в речи информантов наблюдаются постоянные кодовые переключения, встречающиеся даже у старожилов [Галямина 2012: 96-100]. Сфера употребления языка сильно ограничена: на кетском рассуждают только о традиционно промысловых сферах (охота, рыболовство), о шаманизме и о быте[52]. Эти темы были затронуты в рассказах о жизни и в фольклорных прецедентных текстах, записанных лингвистами. На самом же деле, объём употребления языка ещё ниже, так как во всех сферах доминирует русский язык. Из кеткого остаются только расхожие фразы и слова. В то же время, язык по-прежнему остаётся одним из идентификаторов национальной принадлежности. Так, по результатам опроса, человек может считать себя «кето», так как он знает любые два из слов *нань* ‘хлеб’, *донь* ‘нож’, *уль* ‘вода’, ‘водка’.

Подводя итоги, можно перечислить следующие черты социолингвистической ситуации в посёлке Келлог: высокий средний возраст носителей, отсутствие передачи языка в семье, малая сфера употребления, малый объём употребления, малое количество носителей, стопроцентный билингвизм, престижность русского языка, отсутствие

[51] По-видимому, то же происходит и с просекутивом (пример 8). Однако для просекутива подобные контексты были обнаружены ещё М. Кастреном: s’es’-ka-bes’ (река-LOC-PROS) ‘вдоль по реке’ [Castren 1858: 93].

[52] Основой существования большинства жителей посёлка Келлог до сих пор остаётся промысел – летом сбор ягод и рыбалка, осенью – охота. Это традиционный уклад жизни, а потому этот лексический пласт сохранился лучше остальных и сохранился именно в посёлке, в месте компактного проживания представителей этой национальности, а не в районном центре, где связь с традицией ослабла. Старожилы ещё помнят шаманов, носителей традиционных верований кетского народа (сейчас культура шаманизма полностью утрачена), поэтому среди прочих историй редко встречаются тексты про известных шаманов.

преподавания родного языка, опрощение языка, ситуация языкового сдвига-перехода на более престижный язык.

Такие системные изменения в языке (а не только в отдельных речевых проявлениях), как частая замена комитативных конструкций сочинительными и комбинации разных способов, в том числе с кодовыми переключениями, вкупе с замеченной по результатам экспедиции утратой каритива и появлением возможности у инструментального маркера сочетаться с комитативной конструкцией доказывают не только то, что ситуация языкового сдвига действительно наличествует в кетском языковом сообществе, но и то, что этот языковой сдвиг проявляется уже не только на уровне социолингвистики, но и на собственно языковом уровне.

Таким образом, кетское языковое сообщество находится на более глубокой стадии языкового сдвига, нежели предполагалось ранее в той ситуации, когда начинаются уже непосредственно лингвистические изменения.

Литература

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.

Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – №. 1 (116). – С. 96-100.

Галямина Ю. Е. Каритив и комитатив в современном кетском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2017. – №. 11 (32). – С. 24-32.

Казакевич О. А. Кетский язык // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: «Азбуковник», 2016. – С. 208–213.

Козиорова Ю. И. Комитативная конструкция в современном кетском языке: Выпускная квалификационная работа. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 40 с.

Кривоногов В. П. Этнические процессы у кетов в начале XXIв. (опыт интервальных исследований) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 6 (44). – С. 152-161.

Крюкова Е. А. Языковая ситуация в местах проживания кетского населения // Васильева С. П. (отв. ред.). Приенисейская Сибирь как лингворегион. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. – С. 201-206.

Castren M. A. Versuch einer jenissej-ostjakischen und kottischen Sprachiehre. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. – 264 c.

Vajda E. J., Nefedov A. V. Grammatical sketch of Ket. // Которова Е. Г., Нефёдов А. В. (ред.). Большой словарь кетского языка. – 2014. – С. 25-66.

References

Vakhtin N. B. Languages of the indigenous people of the North in XX century. Essays on the language shift. – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. – 338 p.

Galyamina Yu. E. Structural typology of code-switching in the texts in endangered languages (on the Ket and Evenki data) // TSPU Bulletin. – 2012. – Vol. 1 (116). – Pp. 96-100.

Galyamina Yu. E. Comitative and Caritive cases in modern Ket. // RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series. – 2017. – Vol. 11 (32). – Pp. 24-32.

Kazakevich O. A. The Ket language. // Language and society. Encyclopedia. – M.: Publishing center “Azbukovnik”, 2016. – Pp. 208–213.

Koziorova Yu. I. The comitative construction in the modern Ket language: Final qualifying work. – National Research University “High School of Economics”, 2016. – 40 p.

Krivonogov V. P. Ethnic processes among of Kety at the beginning of the XXI century (interval research experience). // TSU Bulletin. History. – 2016. – Vol. 6 (44). – Pp. 152-161.

Kryukova E. A. The language situation in places of residence of the Ket population // Vasilyeva S. P. (ed.) PriYenisei Siberia as a linguoregion. – Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 2010. – Pp. 201-206.

Castren M. A. Versuch einer jenissej-ostjakischen und kottischen Sprachiehre. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. – 264 p.

Vajda E. J., Nefedov A. V. Grammatical sketch of Ket. // Kotorova E. G., Nefedov A. V. (eds.). Big Ket dictionary. – 2014. – Pp. 25-66.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-14

AWARENESS OF PHILIPPINE ENGLISH: THE CASE OF UNDERGRADUATE STUDENTS

Mohammad Nassef D. Ali
Mindanao State University-Main Campus
(Undergraduate Student in English Language Studies)

Abstract. Although there is an increase in the number of studies on Philippine English (PE), there is very little research tackling Filipinos' awareness of PE. This study was done to help expand the limited research on PE awareness, fill the gaps in a few related studies, and test Filipinos' cognizance of their English variety. Specifically, this research investigated undergraduate students' awareness of the meanings, features, and uses of PE and its relationship with their age. This study employed a quantitative approach and used an online survey form to collect data. The form consisted of Likert items on PE which were rated by the respondents according to their awareness of each statement. After surveying 216 respondents, it was found that the undergraduate students were slightly aware of the existence of a local English variety, i.e. PE. However, the data show that the respondents were moderately conscious of the other meanings, features, and uses of PE. This suggests that the students were fairly aware of PE but have slight cognizance of its legitimacy as an English variety. A similar finding can be observed in the students' consciousness of PE features, where they showed moderate awareness of PE having its own accent, phonology, vocabulary, and grammar, but low average consciousness on the acceptability of PE lexicon and grammar. These findings reveal the respondents' lack of recognition of PE validity, a common issue in non-native English varieties. Spearman rank correlation was used to determine the relationship between the students' age and their level of PE awareness. With a rho of -0.07, this study claims no significant correlation between the two variables and concludes that age is not a factor influencing PE awareness. Overall, this study reveals the fair awareness of Filipino undergraduate students towards PE and their low awareness of its legitimacy. Also, as shown in the results, the cognizance of a local English variety cannot be assumed among its speakers. Thus, language awareness should be considered as a factor in World Englishes studies.

Keywords: World Englishes, Philippine English, Language Awareness.

1. Introduction

World Englishes (WE) pertains to the myriad varieties of English and creoles based on English that developed in different parts of the world. As an area of study, it includes the identification of English varieties in numerous sociolinguistic frameworks and analysis of their history, function, and impact [Kachru 1996]. Philippine English (PE) is a legitimate variety of English in the Philippines [Llamzon 1969, as cited in Martin 2014; Bautista 2001]. According to Kachru's [1996] model, PE belongs to the outer circle because of its status as a second language. Moreover, PE is at the nativization stage in terms of Schneider's [2007] dynamic model. As a field of study, PE is relatively new and can be traced from Llamzon [1969] onwards [Hernandez 2020].

After Llamzon's [1969] seminal work, more research on PE gradually followed. In retrospect, old and recent studies on PE, especially regarding its phonological [Flores 2014], lexical [Salazar 2017], and grammatical [Dayag 2004] features were made [Hernandez 2020]. Intelligibility [Dayag, 2007], acceptability [Alieto & Torres 2019], and attitudes [Bautista 2001] towards PE are also prominent areas of research. However, Filipinos' awareness of PE has been overlooked as a topic of study despite its importance. As mentioned by Hernandez [2020], the

awareness of English varieties, such as PE, helps in promoting language variety acceptance and development, language teaching and learning, and better communication and understanding within a society. Moreover, it was only recently that research on this subject was conducted, and gaps on these few studies are notable. For instance, the research of Astrero [2017] and Hernandez [2020] arguably have a narrow scope of respondents, which is limited in terms of size, proximity, and assortment.

This paper sought to contribute to this underexplored area of PE research. It aimed to explore the awareness of Filipinos towards their English variety and address the gaps in previous related studies. Specifically, it intended to achieve this by investigating the awareness of undergraduate students towards PE.

1.1 Review of Related Literature and Studies

1.1.1 Awareness

Awareness refers to "the state of being conscious of something". In particular, it is the quality of being able to feel, perceive, or be cognizant of objects, happenings, or any sensory pattern [Chalmers 1997]. It is used interchangeably with "consciousness" [Hussain et al. 2008] and is also often related to the concepts of "knowledge" and "understanding". Furthermore, Abdul Gafoor [2012] stated three definitions of awareness used in research: (1) common understanding from observations; (2) self-perceptions; and (3) "ability to deal with" (e.g., Phonological Awareness Skills Test). In this study, awareness refers to the general knowledge of undergraduate students towards PE.

1.1.2 Philippine English

PE is described as a legitimate variety of English [Llamzon 1969] used by Filipinos especially within the country [Bautista 2001], such as in the local media [Dayag 2008]. It has different sub-varieties which are used by PE speakers of different academic and socioeconomic backgrounds [Martin 2014]. According to Borlongan [2009], PE signifies Filipinos' ownership of the English language and freedom from the colonial influence of native speakers. Furthermore, Bautista [1997] states that PE reflects Filipinos' national and cultural identity.

PE has phonology, lexicon, and syntax distinct from other English varieties [Bautista 1997]. It has acceptable variants from American English [Bernardo 2013] which have been codified into dictionaries and grammars [Borlongan 2011] and included in Filipino English instructional materials, such as textbooks [Dayag 2010]. Moreover, PE is deemed as proper, comprehensible, and intelligible when used in communication [Dayag 2007]. It serves as the norm in English communication between Filipino English teachers and students [Bernardo 2013] and could be potentially implemented into ESL classrooms officially [Bautista 2001].

1.1.3 World Englishes Awareness

Ahn [2014] explored the attitudes and awareness of English language teachers in South Korea towards World Englishes (WE). 204 participants took part in a survey and interview on WE awareness and attitudes. The study revealed that the participants recognized the existence of WE. However, it was found that their general idea of WE is English varieties with unique accents and colloquial phrases. Therefore, Ahn [2014] concluded that the participants' level of awareness towards WE was limited and claimed their lack of exposure as the reason.

Jindapitak and Teo [2012] investigated Thai English majors' attitudes and awareness towards WE. 52 respondents were asked to identify six different English accents: Thai, American, British, Indian, and Filipino. As expected, the Thai English accent was the most recognizable for them, followed by the accents of inner circle varieties: American English and British English. The research showed that Indian English and PE accents were the least recognizable among the accents featured.

A similar study was conducted by Natiladdanon and Thanavisuth [2014]. 20 students in an international university in Thailand, each originally from an ASEAN country, were assessed on their attitudes, awareness, and comprehensibility of ASEAN English accents via survey, interview, and listening comprehension testing. It was found that Thai English was the most recognizable SEA accent. Contrary to Jindapitak and Teo's [2012] findings, Natiladdanon and Thanavisuth [2014] claimed that PE accent is the second most recognizable SEA accent based on their study.

1.1.4 Philippine English Awareness

Astrero [2017] investigated millennials' awareness and understanding of Philippine English. 55 respondents were surveyed on their awareness and understanding of selected PE words. The research found that millennials have significant awareness and understanding of old and new PE words. This result was claimed as an effect of the respondents' access and exposure to online, print, and broadcast media.

Furthermore, Hernandez [2020] explored the awareness of graduate students towards Philippine English. A questionnaire, based on Bernardo's [2013] study, was administered to 95 respondents. The research revealed that graduate students were very aware of the features of PE and moderately aware of its meanings and uses.

The studies on the awareness of World Englishes are scarce. Additionally, the idea of WE awareness in some of these studies [Jindapitak & Teo 2012; Natiladdanon & Thanavisuth 2014] is limited only to accent recognition and does not include a variety's lexicon, grammar, meanings, and functions. Furthermore, no research was done on WE users' in-depth awareness of their language variety [Hernandez 2020].

Research on the awareness of Philippine English is just as uncommon as that on WE, if not rarer. Although there is an increasing number of successful studies on PE, Hernandez [2020] argued that PE awareness remains an underexplored area of research. Accordingly, the foci of PE studies have been Filipinos' attitudes towards PE and its acceptability and not on the cognizance of PE. Thus, the findings of this research cannot be conclusive regarding Filipinos' consciousness of PE, which means that more studies on PE awareness have to be conducted [Hernandez 2020].

Aside from the lack of research on this topic, limitations can be noted in the study of Astrero [2017] and Hernandez [2020]. Both works [Astrero 2017; Hernandez 2020] were limited in terms of the diversity of respondents. In addition, the respondents of Hernandez [2020] were graduate students pursuing a master's degree in linguistics, English Language Teaching, or reading, if not a doctorate in English Language Education or Philippine Applied Linguistics. This could mean that they are more likely already aware of PE. This study aimed to address: (1) the issue on the scarce number of research-into the awareness of PE, and (2) the gaps in the few available studies on the area. This study intended to conduct these by investigating the PE awareness of undergraduate students in Mindanao State University-Main Campus.

1.2 Research Questions

This paper sought to investigate the awareness of undergraduate students towards Philippine English. Specifically, the study aimed to answer the following questions:

1. What is the level of awareness of the respondents towards the meanings, features, and uses of Philippine English?
2. Is there a significant correlation between the age of the respondents and their level of awareness towards Philippine English?

1.3 Theoretical Framework

This study is based on the work of Hernandez [2020]. Thus, in determining the level of awareness of the respondents, this research followed Hernandez's [2020] concept of using PE descriptions made by Filipino scholars to devise a concrete way of measuring PE awareness. Accordingly, linguists' accounts of PE can be classified into three: meanings, features, and uses. These descriptions are used to gauge the level of PE awareness of undergraduate students, as shown in Figure 1.

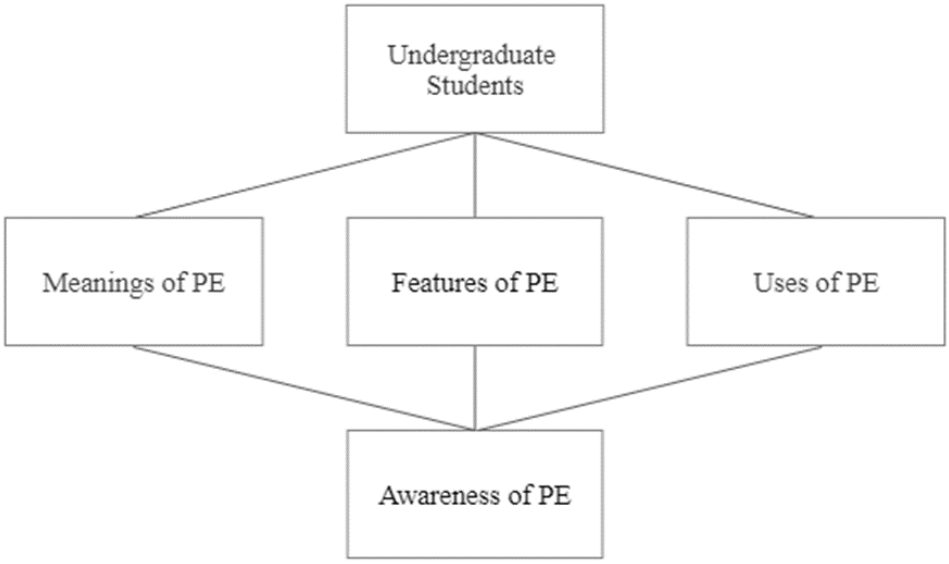


Figure 1. Framework of the Study

1.4 Significance of the Study

This study was undertaken to determine the level of awareness of the respondents on Philippine English and its possible correlation with their age. This research will benefit Filipino English teachers as they will have an idea regarding the level of awareness of undergraduate students towards PE and possible explanations for this degree of consciousness. The results of this study will also be beneficial to curriculum planners as it will guide them in designing lessons and activities that will increase awareness of PE, assuming that they are supportive of the PE movement. To the promoters of PE, this will help them in proving the importance of raising awareness on PE, and why it must be included in various academic curricula. Lastly, this study will aid current and future researchers, as it will serve as a reference to studies on World Englishes and PE awareness.

2. Methodology

This section discusses the methodology that the researcher employed to accomplish the goals of this study. Specifically, this section describes the research design, research setting, research participants, instruments of the study, procedures, and methods of data analysis.

2.1 Research Design

This study utilized a descriptive quantitative research approach, specifically survey design. This research design was used because it offers a quantitative report of opinions, attitudes, and knowledge of a population by taking a sample from that population and studying them. It can also help determine relationships between variables [Creswell & Creswell 2018]. The data were gathered using a modified version of the survey questionnaire from the study of

Hernandez [2020]. Afterwards, the data were statistically analyzed using weighted mean and standard deviation. Spearman rank correlation was also employed.

2.2 Research Setting

This study was conducted within Mindanao State University (MSU)-Main Campus, located at Marawi City, Lanao del Sur. MSU was established on September 1, 1961, by virtue of Republic Act 1387 with the vision of becoming a center of excellence in instruction, research, and extension [MSU-Main, n.d.]. Additionally, the university is dedicated to the integration of Muslims and non-Muslim minorities into mainstream society, being a home to students from different places, tribes, and of different religious backgrounds [Latip-Yusoph 2014]. MSU-Main Campus was chosen as the research setting because of its fairly diverse student population, which provides better accuracy in gauging the PE awareness of Filipino undergraduate students.

2.3 Respondents of the Study

The respondents of this study were 216 undergraduate students from Mindanao State University-Main Campus, Marawi City. The respondents had to be enrolled in the second semester of the academic year 2020-2021 and be from any of the fifteen undergraduate colleges of the campus and of any year level.

These undergraduate students of the university were chosen because they were the most available respondents for the researcher. The availability of the respondents and the researcher's convenience were prioritized to assure the feasibility of the study during the COVID-19 pandemic at the time this research was being conducted.

2.4 Instrument of the Study

The instrument of this study was a survey questionnaire. According to Young [2016], questionnaires are commonly used to report the respondents' demographic information and their behaviors, attitudes, opinions, and/or knowledge towards a particular topic. Moreover, questionnaires are preferred by student researchers because they can be easily constructed, used to collect large sets of data, and administered online. Also, existing questionnaires are usually available to researchers and can be adapted for their use [Young 2016], which is the case in this study. In particular, a modified version of the questionnaire used in the study of Hernandez [2020] was utilized in this research. The questionnaire was modified to be more appropriate for the respondents of this study, which were undergraduate students of any bachelor's degree in Mindanao State University-Main Campus; whereas the respondents of Hernandez [2020] were graduate students pursuing master's/doctorate degrees in linguistics, English Language Education, or other related programs.

The questionnaire consisted of two parts. The first part was intended to collect information on the profile of the respondents. Respondents' information, such as age, sex, and ethnicity, may help in the interpretation of the results and determine where the findings generalize [Beins 2009, as cited in Hammer 2011]. The second part contained fifteen statements about the meanings, features, and uses of Philippine English on a Likert scale, following the range used in the study of Hernandez [2020].

2.5 Procedure

This study utilized a convenience sampling. According to Young [2016], this is a type of non-probability sampling that involves the selection of respondents based on the researcher's convenience, such as in terms of physical proximity, the availability of the respondents, and their

willingness to participate in the research. This sampling technique was employed to assure the feasibility of this study amidst social and temporal constraints.

Furthermore, the survey questionnaire was encoded in a Google Form. Afterwards, a link to the form and a letter to the respondents, inviting them to participate in the survey and providing them information about the study, were sent to the undergraduate students of Mindanao State University-Main Campus via email. To assure that only one response per student was recorded, the form was customized to accept only one survey response for each institutional email. After collecting answers from the respondents, analysis and interpretation of data were conducted.

2.6 Methods of Data Analysis

The answers of the respondents were statistically analyzed by calculating the weighted mean and standard deviation of each item. In interpreting the results, the range used in the study of Hernandez [2020] was followed.

In addition, the responses of the undergraduate students were classified according to their age. Then, Spearman rank correlation test was conducted to determine if there is a significant correlation between the respondents' age and their level of PE awareness. The Spearman rank correlation test is the nonparametric version of the Pearson correlation test. This test was used because it measures the strength and direction of the relationship between two variables. The result of this test is a value from -1 to 1, with 1 being a perfect positive correlation, -1 being a perfect negative correlation, and 0 signifying no correlation between ranks [Glen 2013].

3. Results and Discussion

This section presents the results of the survey conducted as well as the discussion on the analysis and interpretation of the data gathered.

3.1 Meanings of Philippine English

Table 1

Results for Items No. 1-4

Items	Mean	SD	Interpretation
1. There is a local English variety called Philippine English (PE).	2.48	1.13	Slightly aware
2. Philippine English has varieties (i.e. educated PE, *Colegiala* PE, *Yaya* PE).	1.88	1.01	Slightly aware
3. Philippine English originated from American English.	3.33	1.26	Moderately aware
4. Philippine English is a mark that Filipinos have owned English.	3.21	1.26	Moderately aware
Overall	2.73		Moderately aware

Legend: 5.00-4.51 (Extremely aware); 4.50-3.51 (Very aware); 3.50-2.51 (Moderately aware); 2.50-1.51 (Slightly aware); 1.50-00.51 (Not at all aware)

Table 1 presents the results for items no. 1 to 4. The data show that, generally, the respondents had moderate awareness of the meanings of Philippine English.

At a mean of 2.48, the respondents were only slightly aware of the existence of PE as a local English variety (1). This remarkably contrasts the study of Hernandez [2020] wherein extreme cognizance of Filipino graduate students towards PE was reported. This could be explained by the differences in the profile of the respondents. For this study, undergraduate students of any degree program were surveyed; whereas Hernandez's [2020] research was focused on English teachers pursuing a specialization in linguistics or other related areas. Thus, there are better chances that the graduate students were aware of the local English variety as they might have encountered the topic in their curriculum. Expectedly, the low awareness of the respondents on PE meant poorer consciousness towards its sub-varieties (2, 1.88). This is supported by the claim that even those who are highly familiar with the existence of PE are barely aware of its varieties [Hernandez, 2020].

Despite this, the respondents were moderately informed about the origin of PE (3, 3.33). They were also fairly conscious that PE signifies Filipinos' acceptance and ownership of English (4, 3.21). These items (3 & 4) are two of the highly rated statements on the survey at 2nd and 4th, respectively. These findings may be due to the respondents' knowledge of Philippine history and the status of English as a second language in the country.

3.2 Features of Philippine English

Table 2

Results for Items No. 5-9

Items	Mean	SD	Interpretation
5. Philippine English has its own accent, phonology, vocabulary, and grammar.	3.38	1.22	Moderately aware
6. Philippine English mirrors the national and cultural identity of Filipinos.	3.05	1.17	Moderately aware
7. Philippine English is reflected in Filipino English textbooks and instructional materials.	2.88	1.11	Moderately aware
8. Philippine English has been codified into dictionaries and grammars.	2.84	1.18	Moderately aware
9. Educated PE has acceptable variants (e.g., fill up, result to, based from) from American English (e.g., fill-in, result in, based on).	2.56	1.14	Moderately aware
Overall	2.91		Moderately aware

Legend: 5.00-4.51 (Extremely aware); 4.50-3.51 (Very aware); 3.50-2.51 (Moderately aware); 2.50-1.51 (Slightly aware); 1.50-00.51 (Not at all aware)

Table 2 presents the results for items no. 5 to 9. The data show that the respondents had moderate awareness of the features of Philippine English.

According to their responses, the students were relatively conscious of PE having its own accent, phonology, vocabulary, and grammar. At a mean of 3.38, it (5) is tied with item no. 10 as the highest marked statement by the respondents. To some extent, this may be supported by the claims that WE speakers are aware of their distinct accent [Jindapitak & Teo 2012; Natiladdanon & Thanavisuth 2014] and that Filipino millennials are conscious of PE lexemes [Astrero 2017].

Towards PE mirroring the national and cultural identity of Filipinos (6, 3.05), the respondents show average awareness. This may be linked with their fair cognizance on Filipinos' ownership of the English language (4).

Still, the results of these items (5 & 6) in this survey are low compared to their results in the study of Hernandez [2020]. Again, the differences in the academic background of the respondents may be perceived as probable reasons for the findings.

On the inclusion of PE into textbooks, instructional materials (7, 2.88), dictionaries, and grammars (8, 2.84), and PE having acceptable variants (9, 2.56), the students showed relative consciousness. However, the means of these statements (7, 8, & 9) are within the lower half of the moderate awareness range (2.99-2.51), unlike the previous items (5, 3.38 & 6, 3.05). Also, it is worth noting that statements no. 7, 8, and 9 are concerned with the acceptability of PE vocabulary and grammar. The contrast between the means of these items may imply that the students were fairly conscious of PE features but probably less aware of its acceptability. Such was the case in the study of Hernandez [2020], where respondents showed significantly better cognizance of PE having its own features (5) and reflecting national and cultural identity (6) than it having recognized and accepted vocabulary and grammar (7, 8, & 9).

3.3 Uses of Philippine English

Table 3

Results for Items No. 10-15

Items	Mean	SD	Interpretation
10. Philippine English is the English variety Filipinos often use in intranational communication.	3.38	1.21	Moderately aware
11. Philippine English is the English variety Filipinos often use in local media.	3.24	1.19	Moderately aware
12. Philippine English as the norm in teaching English vocabulary is used by Filipino English teachers.	3.16	1.21	Moderately aware
13. Philippine English as the norm in teaching English grammar is used by Filipino English teachers.	3.05	1.22	Moderately aware
14. Philippine English as the norm in testing the speaking skills of Filipino learners is used by Filipino English teachers.	3.02	1.21	Moderately aware
15. Philippine English as the norm in testing the writing skills of Filipino learners is used by Filipino English teachers.	2.98	1.19	Moderately aware
Overall	3.14		Moderately aware

Legend: 5.00-4.51 (Extremely aware); 4.50-3.51 (Very aware); 3.50-2.51 (Moderately aware); 2.50-1.51 (Slightly aware); 1.50-00.51 (Not at all aware)

Table 3 presents the results for items no. 10 to 15. The data show that the respondents had moderate awareness of the uses of Philippine English.

Among the statements in the survey, those on the uses of PE got the highest overall mean at 3.14. Tied with item no. 5 as the top marked statement, item no. 10 (3.38) reveals that the students are relatively conscious of PE being the variety Filipinos often use in communicating within the country. The data also suggest that the respondents are moderately aware of the frequent use of PE in national media (11, 3.24). These may be attributed to the students' limited use of English in communication and little exposure to Philippine English media since the respondents in Hernandez's [2020] study, who regularly communicated in English and consumed Philippine English media, were reported to be very aware of these items (10 & 11). Moreover, Astrero [2017] linked the consciousness of PE lexemes to exposure to local media.

Since the respondents had average awareness of PE features, such as vocabulary (5), then they could be exposed to local media only to a limited extent.

Lastly, the students showed fair cognizance towards PE being the norm used by Filipino English teachers in vocabulary (12, 3.16) and grammar (13, 3.05) teaching and in speaking (14, 3.02) and writing (15, 2.98) skills testing. This may be related to the findings of Alieto and Torres [2019] that PE lexemes and grammatical variants are only moderately accepted by pre-service Filipino English teachers. The relative awareness of the respondents on these items (12, 13, 14, & 15) could correspond to this recent finding on the acceptability of PE vocabulary and grammar [Alieto & Torres 2019].

3.4 Correlation between Age and Philippine English Awareness

This study aimed to determine the correlation between the age of the respondents and their awareness of PE. The researcher conducted Spearman rank correlation test to investigate the correlation between the two variables. The test resulted to a rho of -0.07, and because this value is closer to 0, this study reports that age is not a factor influencing PE awareness.

4. Conclusion

This study was conducted to address the lack of research on Philippine English (PE) awareness and some limitations on the few extant studies on this topic. The biggest revelation of this study, and perhaps its main contribution, is the finding on the low awareness of its respondents towards the existence of a local English variety in the country. This result could question the validity of some studies on PE due to the assumption that their respondents are aware of PE. For instance, before exploring a group of respondents' attitudes towards PE, the researcher(s) must first make sure that the respondents are conscious enough of the meanings, features, and uses of PE. This strengthens the notion that awareness, in general, is an important area of discussion and should be given due attention in World Englishes (WE) research.

Despite the poor consciousness of the students towards PE being a local variety, they showed moderate awareness on the other statements, especially those referring to the uses of PE. This observation tells us that, perhaps, the students are fairly cognizant of PE but are not aware that it is a legitimate and recognized English variety. In support of this, the data reveal that, among the items, the respondents were most aware of PE having its own features, but then they showed less consciousness towards statements pertaining to the acceptance of PE vocabulary and grammar. These suggest slight awareness of undergraduate students towards the legitimacy and acceptability of PE. As observed, issues and discussions on validity and correctness are common in WE. This study could serve as evidence to support the importance of raising awareness of the legitimacy and acceptability of PE and other English varieties.

This study also aimed at determining the possibility of a correlation between the age of the respondents and their level of PE awareness. The results showed that the two variables are independent of each other, and that age does not influence PE awareness. Still, this study recommends additional research should be conducted to test factors that may influence PE awareness such as one's academic, linguistic, or socio-economic background.

References

Abdul Gafoor, K. Considerations in measurement of awareness // Proceedings of National Seminar on Emerging Trends in Education. – 2012.

Ahn, H. Researching Awareness and Attitudes: A Study of World Englishes and English Teachers in South Korea: PhD thesis. – Monash University. 2014.

Alieto, E. O., Torres, J. M. Acceptability of Philippine English grammatical and lexical items among pre-service teachers // Asian EFL Journal – 2019. – Vol 21. – Pp. 158-181.

Astrero, E. T. The millenials' awareness and understanding of Philippine English. Talk presented at DLSU Research Congress 2017. – De La Salle University, June 2017.

Bautista, M. L. S. English is an Asian Language: The Philippine context. – Sydney: Macquarie Library, 1997.

Bautista, M. L. S. Defining Standard Philippine English: Its Status and Grammatical Features. – Manila: De La Salle University Press, 2000.

Bautista, M. L. S. Attitudes of selected Luzon university students and faculty towards Philippine English // Selected Writings in Applied Linguistics. – 2001. – Pp. 236-273.

Beins, B. Research Methods: A Tool for Life. – Boston, Massachusetts: Pearson, 2009.

Bernardo, A. S. Toward an Endonormative Pedagogic Model in the Teaching of English Grammar in Philippine Higher Education Institutions: PhD thesis. – University of Santo Tomas. 2013.

Borlongan, A. M. A survey on language use, attitudes, and identity in relation to Philippine English among young generation Filipinos: An initial sample from a private university // Philippine ESL Journal. – 2009. – Vol. 3. – Pp. 74-107.

Creswell, J. W., Creswell, J. D. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. – Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc., 2018.

Dayag, D. T. Editorializing in L2: The case of Philippine English // Asia Pacific Education Review. – 2004. – Vol. 5. – Pp. 100-109.

Dayag, D. T. Exploring the intelligibility of Philippine English // Asian Englishes. – 2007. – Vol. 10. – Pp. 4-23.

Dayag, D. T. The English-language media in the Philippines // World Englishes. – 2008. – Vol. 23. – Pp. 33-45.

Flores, E. R. Phonological features of basilectal Philippine English: An exploratory study // International Journal of English and Literature. – 2014. – Vol. 5. – Pp. 128-140.

Glen, S. Spearman rank correlation (Spearman's rho): Definition and how to calculate it, 2013. [https://www.statisticshowto.com/probability-and-statistics/correlation-coefficient-formula/spearman-rank-correlation-definition-calculate/].

Hammer, C. S. The importance of participant demographics // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2011. – Vol. 20. – Pp. 261.

Hernandez, H. P. Awareness of Filipino graduate students towards Philippine English // The Normal Lights. – 2020. – Vol. 14. – Pp. 1-27.

Hussain, A., Aleksander, I., Smith, L., Barros, A., Chrisley, R., Cutsuridis, V. Brain Inspired Cognitive Systems. – New York: Springer Science & Business Media, 2008.

Jindapitak, N., Teo, A. Thai tertiary English majors' attitudes towards and awareness of world Englishes // Journal of English Studies. – 2012. Vol. 7. – Pp. 74-116.

Kachru, B. B. Opening borders with World Englishes: Theory in the classroom. // Cornwell, S., Rule, P., Sugino, T. (eds.). Proceedings of the JALT 1996 International Conference on Language Teaching and Learning. – 1996.

Latip-Yusoph, S. MSU: A city within a city, 2014. [https://www.sunstar.com.ph/article%20/346215/Local-News/MSU-A-city-within-a-city].

Llamzon, T. A. Standard Filipino English. – Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1969.

Martin, I. P. Philippine English revisited // World Englishes. – 2014. – Vol. 33. – Pp. 50-59.

MSU-Main. Background of Mindanao State University, n.d. [https://next.msumain.edu.ph/about-msu-2].

Natiladdanon, K., Thanavisuth, C. Attitudes, awareness, and comprehensibility of ASEAN English accents: A qualitative study of university students in Thailand // Catalyst. – 2014. – Vol. 9. – Pp. 16-30.

Salazar, D. Philippine English in the Oxford English Dictionary: Recent advancements and implications for ESL in the Philippines // Philippine ESL Journal. – 2017. – Vol. 19. – Pp. 45-59.

Schneider, E. W. Postcolonial English: Varieties of English Around the World. – New York, New York: Cambridge University Press, 2007.

Young, T. J. Research Methods in Intercultural Communication: A Practical Guide. – Oxford: Wiley, 2016. – 165-180 pp.

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-15

TUNISIAN UNIVERSITY TEACHERS' AND STUDENTS' USE OF CODE CHOICE AND CODE SWITCHING IN HIGHER EDUCATION: DESIGNING AND VALIDATING OBSERVATION CHARTS

Aicha Rahal
Pazmany Peter Catholic University, Budapest
(PhD student)

Abstract. The aim of the current study is to present the methodology for exploring code choice in the context of Tunisian higher education focusing on the use of Code Switching (CS). The study addresses these two research questions: To what extent and in what circumstances are Arabic, French and English used in Tunisian higher education contexts? What are the functions of code choice and code switching? To find answers to the research questions, this study leans on two types of observations namely informal observation and formal observation. The informal observation took place in informal settings, namely university corridors, libraries and eateries and the formal observation was conducted in classrooms. The aim of the informal observation is to investigate the languages used by students in public places. The classroom observation is used again to investigate the languages used in classes. After presenting the observation charts, the researchers presented the procedure of piloting. Due to the COVID situation, the researchers suggested piloting the observation charts by the use of recorded videos from Tunisian students' university life, videos on multilingual classrooms and online courses. The study may methodologically contribute to the literature of observation design and validation.

Keywords: Observation, formal, informal settings and validation.

1. Introduction

The Tunisian higher education situation is characterized by the rivalry between Arabic and French, on the one hand, and French and English, on the other hand. The Language-in-Education Policy (LEP) in Tunisia seems to be imposed by the post-colonial situations mainly for economic or political reasons. As a result, the French language has had a strong influence on education. It is the dominant language of instruction in higher education leading to the marginalization of the Arabic language. English is regarded to be a threat to other languages in Tunisia [Phillipson, 2007] and the status of French as a second language is no exception to this.

Given this situation, the study aims to investigate language use in Tunisian higher education with a particular attention to CS. To achieve this goal, we suggested using observation as a data collection method to gather natural data from formal (classrooms) and informal settings (university corridors, libraries and eateries). In this paper, we present first the observation charts and then the piloting process of these charts.

2. Previous studies on Tunisians' attitudes towards language choice and code switching in higher education

There are a number of previous studies conducted on Tunisians' attitudes towards language choice. Lawson and Sachdev [2000], for example, study the attitudes of169 Tunisian University students towards code-switching (CS). Their attitudes were obtained using a matched-guise technique. The findings reveal that French and Modern Standard Arabic (MSA) were rated lower by Tunisian university students than code-switching, Tunisian Arabic and English. Their analysis of university students' diaries shows that the varieties spoken most frequently in Tunisia

were CS (42%) and Tunisian Arabic (38%), English (14%) while the use of French (5%), and Modern Standard Arabic (1%) was rated lower.

Similarly, Daoud [2011] argues that CSs to English is still at the one or two-word level, stating that "teenagers and college students tend to sprinkle their talk with expressions like "sorry," "thanks," "no problem" and "no comment," but do not seem ready yet to go beyond the two-word stage" (p. 22). It seems that English in Tunisia is influenced by globalization and it is the result of the use of English as a lingua franca.

Sayahi [2011] conducts a study on the patterns of Tunisian Arabic/French CS. The researcher uses semi-directed sociolinguistic interviews with 12 speakers to investigate the type and frequency of code-switching and the use of French borrowings. The results demonstrate that education plays a role in distinguishing the group with a higher education from the group with only a high school education. The university-educated group shows a much higher frequency of code-switching that reflects a higher degree of competence in the French language. The study also shows that the contact between the two languages has led to intensive lexical transfer from French into Tunisian Arabic. The most switched types are single nouns and nouns phrases, including "déjà, donc, alors, les SMSs…" (Sayahi, 2011, p. 131).

Bach Baoueb and Toumi [2012] investigate CS in the interactions of Tunisian students at the faculty of Economics and Management in Sfax, Tunisia. The study investigates students' classroom conversations and out-of-classroom peer interactions. Classroom CS is found to be controlled whereas out-of-classroom CS is uncontrolled. The results show the appearance of two types of CS, namely discursive switches and lexical switches. Tunisian Arabic/French CS is intensively used by the participants although French is the imposed language to serve communicative functions. The participants also switch to French in uncontrolled situations for using technical words.

The studies which have been reviewed so far use observation as a data collection tool. But they did not provide enough information about how they designed and validated their observation sheets. The present study aims to show in details how the researcher developed and validated her observation charts.

3. Methodology

Observation is defined by Zedeck [2014, p. 241] as "the careful, close examination of an object, process, or other phenomenon for the purpose of collecting data about it or drawing conclusions". It is a research tool used to collect rich data. Gorman and Clayton [2005, p. 40] also define observation studies as those that "involve the systematic recording of observable phenomena or behaviours in a natural setting"

This research used two types of observations, namely formal observation and informal observation to collect data from a variety of ways. The formal observation aims to collect data from classrooms and the informal observation takes place in informal settings, namely university corridors and eateries. The classroom observation investigates the languages used in classes. The aim of informal observation is to investigate the languages used by students in public places focusing on code-switching.

The researcher attempted to develop two systematic observation charts relying on Dörnyei's [2007] methods for recording events, namely the event sampling and Curdt-Christiansen's [2020] essential features of an observation, including 1)physical place; 2)social actors; 3)interactions; 4)sequences; 5)time.

4. Designing the observation charts

4.1. Chart 1

As shown in Figure 1, the informal observation chart comprises two main parts. The first part has general data such as date, the name of the observer, the name of the institution and the

physical place. The second part includes a number of aspects relying on Dörnyei's [2007] methods for recording events, namely the event sampling and Curdt-Christiansen's [2020] essential features of an observation, namely interactions, social actors (participants) and turn-taking, as shown in the observation chart. The researcher adds four aspects, including examples, topics of the interactions, functions and comments.

OBSERVATION CHART 1

Informal Setting: Corridors, libraries and eateries

Date:
Name of the observer:
Name of the institution:
Physical place:

Interaction	Participants (ages, gender, roles)	Turns : speakers	Examples	Topic	Function	Comments
1						
2						
3						

Figure 1. The observation chart of the informal setting

4.2. Chart 2

As illustrated in the following figure the formal observation chart consists of two main parts. The first part contains general data such as date, the name of the observer, the name of the institution, the investigated group and the type of classes. The second part has a number of aspects, including time, type of classes, the observed unit, social actors, linguistic features: language(s) used by the teachers, language(s) used by the students, examples of code-switching, functions and comments.

OBSERVATION CHART 2
Formal Setting: Classroom Observation

Date:
Name of the observer:
Name of the institution:
Group (specialty/ level):
Type of classes:

Time	Unit: Activities	Social Actors (participants)	Linguistic features		Examples of code-switching	Functions	Comments
			Language (s) used by the teacher	Language (s) used by the students			
1 min							
2 min							

Figure 2. The observation chart of the formal setting

5. Results of the validation process

The *validation process of the observation charts of the informal and the formal settings* is based on a number of *videos* from Tunisian students' university life, videos on multilingual classrooms and online courses (Youtube).We watched the videos and we attempted to fill in the observation charts and notice any limitations.

5.1. Informal setting

After piloting, some limitations of the observation chart of the informal setting appeared. The first part of the observation chart was revised. The 'name of the observer' was omitted. 'The name of the institution' and the 'physical place' appeared to be confusing. We decided to explain 'the physical place' and add between brackets university corridors, libraries and eateries. The rest of the aspects were remained.

The conclusions of piloting also suggested revising the second part of the observation chart. We revised the second aspect, which is about the participants and their bio-information (Item 2), including age, gender and roles. We decided to omit the variable 'age' and to keep the rest because it seemed to be difficult to identify the ages of the participants. As presented in Figure 3, the observation chart has the aspect 'examples' (Item 4) which proved to be not clear. We decided to clarify it and change it to 'examples of code switching'.

OBSERVATION CHART 1

Informal Setting: Corridors, libraries and eateries

Date:

Name of the institution:

Physical place (corridors, eateries and libraries): corridors

Interaction	**Participants (gender, roles)**	**Turns : speakers , CC, CS**	**Examples of code-Switching**	**Topics**	**Functions of code-Switching**	**Comments**
1	Females Students	CC : Arabic CS : French CC : French CS : Arabic	Mais, Oui	Results of exams	- Explanation - Prestigious purposes	

Figure 3. The content part of the observation chart of the informal setting

Overall, the observation chart proved to be generally satisfactory during piloting. It covers all the visible features that can be observed. It was easy to complete the chart. The aspect 'comments' was particularly useful to note the weaknesses of the chart and improve it. The final observation chart consists of six items, namely interaction as the unit of analysis, participants, turns, examples of code switching, topics of the interactions, and functions of code switching.

5.2. Formal setting

After piloting, the observation chart required a few modifications. The first part of the observation chart was revised. The name of the observer was omitted and the rest of aspects remained. We clarified the item 'types of classes' by adding 'lecture or tutorials'.

Figure 4 shows that the second part of the observation chart was revised. We decided to omit the aspect 'social actors (participants)' (Item 2) because this chart is designed for a classroom observation and the participants are teachers and students. Linguistic features (Item 3) are divided into two components, namely language (s) used by the teacher and language (s) used by the students. After piloting, we decided to replace 'language' by 'code choice'. We are particularly interested in the rate of language use, i.e. to what extent Arabic, French and English are used by teachers and students. Additionally, we noticed that the item 'functions' required clarification because according to chart it can refer to code choice or code switching. We changed this item to 'functions of code switching'.

OBSERVATION CHART 2
Formal Setting: Classroom Observation

Date:
Name of the institution: Online
Group (specialty/ level):
Type of classes (lecture/tutorial): tutorial

Time	Unit: Activities	Linguistic features		Examples of code-switching	Functions of code-switching	Comments
		Code choice used by the teacher	Code choice used by the students			
1 min	1	French				
2 min	1		French	CS to Russian: 'Surka'	Explanation	

Figure 4. The content part of the observation chart of the formal setting

Based on the above discussion, the final observation chart implied five main features which are as follows: time, the unit of analysis (activities), linguistic features, examples of code switching, functions of code switching and comments.

5 Conclusion

This paper raises one of the methodological issues related to the designing and validation of observation charts. It presented the process of designing the observation charts for both formal and informal settings. It also showed the limitations of the observation charts that appeared in the piloting process. This study sheds light on these limitations for the purpose of revising and improving the charts.

References

Bach Baoueb, S. L., Toumi, N. Code switching in the classroom: A case study of economics and management students at the University of Sfax, Tunisia. Journal of Language, Identity & Education. — 2012. —Vol. 11. — Pp.261-282.

Curdt-Christiansen, X. L. Observations and field notes: recording lived experiences. // J. McKinley& H. Rose (eds.), The Routlegde Handbook of Research Methods in Applied Linguistics. — New York: Taylor and Francis, 2020. —Pp. 336-347.

Daoud, M. The sociolinguistic situation in Tunisia: Language rivalry or accommodation? International Journal of the Sociology of Language. — 2011. — Vol. 211. —Pp. 9-33.

Dornyei, Z. Research methods in applied linguistics: Quantitative, qualitative, and mixed methodologies. — Oxford: Oxford University Press, 2007.—185 p.

Gorman, G. E., Clayton, P. Qualitative research for the information professional. — London: Facet, 2005. — 40 p.

Lawson, S., Sachdev, I. Codeswitching in Tunisia: Attitudinal and behavioural dimensions. Journal of Pragmatics. — 2000. — Vol. 32. — Pp. 1343-1361.

Phillipson, R. English in Europe, Threat or Promise? // M. N. Craith & M. Nic (eds.), Language, power and identity politics. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. — Pp.65- 82.

Sayahi, L. Code-switching and language change in Tunisia. Languages, Literatures and Cultures Faculty Scholarship. — 2011.— Vol. 5. — Pp.1-15.

Zedeck, Sh. APA Dictionary of Statistics and Research Methods. — Washington, American Psychological Association, 2014. — 241 p.